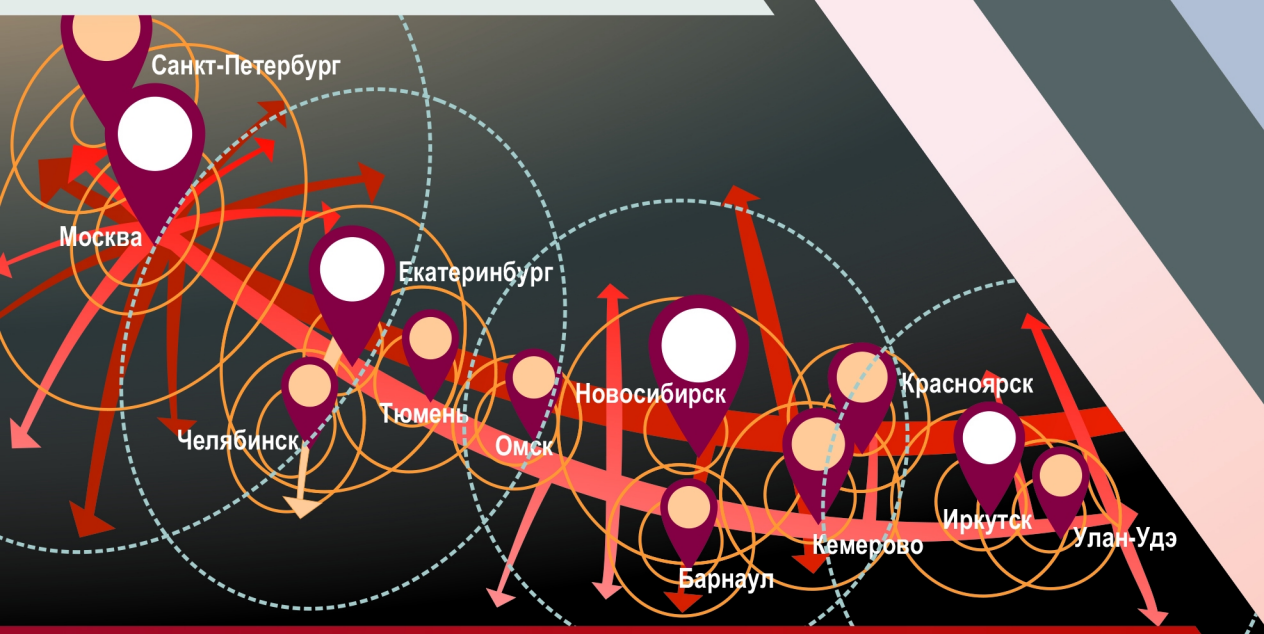

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

4 (38)
2024

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2024. № 4 (38)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

Link to the journal "Territory Development" is mandatory when materials are used.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPА

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
"Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration"

"Territory Development" journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov, Doctor of Political Science

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
Nizhegorodskaya street, 6,
Novosibirsk, 630102

Phone: +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
V. V. Popova
N. V. Ivanova

Technical Editor *O. A. Gladunova*

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 16.12.2024.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 10,23.
Publisher's signature 10,30.
Edition of 500 copies. Order 21.

The Journal is included in the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media Register.
Register number and date of registration:
III № ФС77-81592
dated August 6, 2021.

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPА.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2024. № 4 (38)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Развитие территорий» ссылка на журнал обязательна.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
В. В. Попова
Н. В. Иванова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 16.12.2024.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,30.
Тираж 500 экз. Заказ 21.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер и дата регистрации:
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

Yuri I. Shokin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Valery A. Kryukov, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey M. Drobyshevsky, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Ruben O. Agavelyan, Doctor of Psychology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Biryukov, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir N. Borisov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law (Russian Federation, Tomsk)

Vladimir A. Volokh, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Anna I. Guseva, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Paul Desendorf, PhD, University of West Carolina (USA, Kallouhy)

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Andrey S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay E. Kalenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Omsk)

Irina V. Knyazeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Kremer Raimund, PhD (Germany, Potsdam)

Chimiza K.-O. Lamazhaa, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Moscow)

Arbaban K. Magomedov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Ulyanovsk)

Izabella P. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Lyudmila A. Mokretsova, Doctor of Pedagogy (Russian Federation, Professor, Biysk)

Alexander V. Novokreschenov, Doctor of Sociology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Roza A. Nurtazina, Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Tatyana V. Poplavskaya, Doctor of Philology, Professor (Belarus, Minsk)

Mikhail L. Pyatov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Olga V. Simagina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Galina V. Timofeeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Baktykan M. Torogeldieva, Doctor of Political Science, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Irbulat T. Utepbergenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kazakhstan, Almaty)

Tatyana E. Fassenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Alexey V. Fedyakin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Larisa L. Khoperskaya, Doctor of Political Sciences, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Sergey N. Chirun, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Kemerovo)

Cheng Runyu, PhD (China, Shanghai)

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шокин Юрий Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Крюков Валерий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Дробышевский Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Агавелян Рубен Оганесович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Борисов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук (Россия, Томск)

Волох Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Гусева Анна Ивановна, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Зорин Владимир Юрьевич, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Князева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Кремер Раймунд, PhD (Германия, Потсдам)

Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Москва)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, доцент (Россия, Ульяновск)

Малинова Изабелла Павловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мокрецова Людмила Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Бийск)

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Нуртазина Роза Ауталиповна, доктор политических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Симагина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Тимофеева Галина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Торогельдиева Бактыкан Макишевна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Утепбергенов Ирбулат Туремуратович, доктор технических наук, профессор (Казахстан, Алматы)

Фасенко Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Федякин Алексей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Чирун Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент (Россия, Кемерово)

Ченг Жунью, PhD (Китай, Шанхай)

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

CONTENTS

ECONOMIC RESEARCH.....	8
Kolomak E.A. PECULIARITIES OF THE NOVOSIBIRSK OBLAST ECONOMY'S RESPONSE TO SYSTEMIC SHOCKS IN 2020 AND 2022	8
Uraev N.N., Meshchanin M.D. THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN MANAGING THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY	16
Lebedeva A.S. CLUSTERING AS A BASIS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONAL TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEMS	23
Galazova M.V. SUBSTANTIATION OF FINANCIAL INDICATORS FOR ASSESSING THE STATE OF ASSETS OF LARGE, MEDIUM AND SMALL CORPORATIONS BY THE MAIN ECONOMIC AGENTS.....	35
STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS.....	42
Burmatova O.P. ENVIRONMENTAL POLLUTION AND HUMAN HEALTH	42
Batalova Yu.V., Hayrapetyan Yu.R. POLITICAL ESSENCE OF CONSTRUCTIVE CIVIL INITIATIVES OF NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS	50
TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS.....	58
Doroshenko S.V., Kislaya T.N. DEVELOPMENT INSTITUTIONS AND INDUSTRIAL POTENTIAL OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC	58
Yakimova V.A., Pankova S.V., Khmura S.V. MANAGEMENT OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECOSYSTEM OF IT-PARKS	68
AUTHOR AFFILIATIONS.....	82
INFORMATION FOR AUTHORS	84

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
Коломак Е. А. ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИИ ЭКОНОМИКИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ НА СИСТЕМНЫЕ ШОКИ 2020 Г. И 2022 Г.....	8
Ураев Н. Н., Мещанин М. Д. РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УПРАВЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	16
Лебедева А. С. КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	23
Галазова М. В. ОБОСНОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ АКТИВОВ КРУПНЫХ, СРЕДНИХ И МАЛЫХ КОРПОРАЦИЙ ОСНОВНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ АГЕНТАМИ	35
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА.....	42
Бурматова О. П. ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ.....	42
Баталова Ю. В., Айрапетян Ю. Р. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНСТРУКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	50
ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	58
Дорошенко С. В., Кислая Т. Н. ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	58
Якимова В. А., Панкова С. В., Хмура С. В. УПРАВЛЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ИТ-ПАРКОВ.....	68
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	82
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	84

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ECONOMIC RESEARCH

Развитие территорий. 2024. № 4. С. 08—15.
Territory Development. 2024;(4):08—15.

Экономические исследования

Научная статья
УДК 332.12
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-08-15>

ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИИ ЭКОНОМИКИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ НА СИСТЕМНЫЕ ШОКИ 2020 Г. И 2022 Г.

Евгения Анатольевна Коломак

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ekolomak@academ.org

Аннотация. В работе представлены результаты исследований влияния на экономику Новосибирской области двух последовательных шоков, которые сопровождались массовым разрывом глобальных цепей поставок: пандемии 2020 г. и международных санкций, инициированных Западом в 2022 г. Сравнение их последствий показало, что регион проявил лучшую устойчивость к санкциям по сравнению с ограничениями пандемии. Ресурсами адаптации к санкциям стали структурные характеристики, особенности географического положения, изменение геополитических интересов страны, а также восстановление внутрироссийских кооперативных связей.

Ключевые слова: регион, пандемия коронавируса, санкции, экономическое развитие, сравнительные оценки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (Соглашение № 23-28-10007, <https://rscf.ru/project/23-28-10007/>) и Правительства Новосибирской области (Соглашение 0000005406995998235120662/ № p-54).

Для цитирования: Коломак Е. А. Особенности реакции экономики Новосибирской области на системные шоки 2020 г. и 2022 г. // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 08—15. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-08-15>

Economic research

Original article

PECULIARITIES OF THE NOVOSIBIRSK OBLAST ECONOMY'S RESPONSE TO SYSTEMIC SHOCKS IN 2020 AND 2022

Evgeniya A. Kolomak

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ekolomak@academ.org

Abstract. The paper presents the results of the research on the impact on the economy of the Novosibirsk oblast of two consecutive shocks that were accompanied by a massive disruption of global supply chains: the pandemic in 2020 and international sanctions initiated by the West in 2022. A comparison of their consequences showed that the region resisted better to the sanctions compared to the limitations of the pandemic. The resources of adaptation to the sanctions were structural characteristics, geographical location, changes in the geo-political interests of the country, as well as the restoration of intra-Russian cooperative ties.

Keywords: region, coronavirus pandemic, sanctions, economic development, comparative assessments

Acknowledgements: the research was financially supported by the Russian Science Foundation (Agreement No. 23-28-10007, <https://rscf.ru/project/23-28-10007/>) and the Government of the Novosibirsk Oblast (Agreement 0000005406995998235120662/ No. p-54).

For citation: Kolomak E.A. Peculiarities of the Novosibirsk Oblast Economy's Response to Systemic Shocks in 2020 and 2022. *Territory Development*. 2024;(4):08—15. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-08-15>

© Коломак Е. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Последнее десятилетие для России стало периодом воздействия череды крупных внешних шоков. Так, за санкциями 2014 г. и финансовым кризисом 2018 г. последовали самые значительные по охвату с точки зрения влияния на социально-экономическое развитие страны — пандемия COVID-19 и последовательно вводимые международные санкции начиная с 22 февраля 2022 г. Ограничения, введенные из-за коронавирусной инфекции, и международные санкции 2022 г. охватили практически все сферы социально-экономической активности и задействовали многие каналы влияния (экономические, финансовые, институциональные, технологические и политические).

Результат воздействия внешних масштабных шоков на экономику зависит от адаптационных возможностей и гибкости производства и технологий территории. Изучение степени и характера последствий внешних потрясений позволяет оценить устойчивость экономики к конкретным механизмам и направлениям влияния, выявить ключевые ресурсы эффективной адаптации, что дает возможность снизить риски неблагоприятных исходов в будущем.

Несмотря на различия в мерах, ограничениях и их масштабности, общим в шоках 2020 г. и 2022 г. стал разрыв или осложнение налаженных кооперационных взаимодействий и поставок. Пандемия коронавируса стала первым испытанием адаптационных возможностей экономики к изменению структуры партнерских связей. Предшествующая тенденция к глобальному разделению труда с доведением специализации производств до узких функций и деталей, встроенных в цепочку международного разделения труда, привела к проблемам в поставках комплектующих и полуфабрикатов из-за жестких ограничительных мер, затронувших внутренние и внешние связи, и к такому сценарию бизнес был не готов. Санкции 2022 г. сделали невозможными или значительно осложнили налаженные международные взаимодействия, но это запустило расширение кооперационных связей внутри страны и поиск новых зарубежных партнеров. Большую роль в адаптационных возможностях экономики играют структурные, институциональные, логистические и географические характеристики, которые благодаря большому размеру занимаемой территории Российской Федерации имеют высокую степень пространственной гетерогенности.

Различия регионов России по всем характеристикам социально-экономического развития отмечаются и в научной литературе, и в политических дискуссиях. Они являются причиной того, что несмотря на сохранение самых общих фундаментальных причинно-следственных закономерностей степень влияния глобальных и макроэкономических потрясений, а также действенность механизмов направленных ограничений и барьеров в значительной мере определяются спецификой локальных процессов. Региональная проекция сдерживающих и санкционных мер зависит

от отраслевой структуры экономики территории, размера и особенностей материальных, трудовых, интеллектуальных и ресурсных активов, местных институциональных условий, включающих модели и историю взаимодействия региональной власти и бизнеса. С точки зрения адаптации к потере деловых партнеров и поставщиков важную роль играют доминирующие формы кооперации в регионе и в его ближайшем окружении, связность деловой активности, накопленный социальный капитал, уровень и значение внутренней и внешней конкуренции, развитость транспортной инфраструктуры, преодоление физических и институциональных барьеров взаимодействия, налаженность обмена факторами производства, инновациями, знаниями и информацией о потенциальных партнерах на локальном рынке. В этой связи представляет интерес изучение влияния глобальных и макроэкономических потрясений на показатели работы отдельного региона и сравнение их с общероссийскими. В данной работе рассматривается Новосибирская область и анализируется реакция экономики территории на последовательные системные шоки 2020 г. и 2022 г.

Анализ различных исследований региональной и секторальной неоднородности последствий шоков 2020 г. и 2022 г.

Запреты и ограничения, введенные из-за пандемии коронавируса, по-разному влияли на отдельные виды деятельности. Снижение сырьевого и несырьевого экспорта из-за падения мирового спроса происходило наряду с уменьшением импорта, в результате это привело к закрытию границ и каналов международных отношений и способствовало развитию импортозамещения. На эти процессы наложилось падение мировых цен на нефть, которое последовало за срывом переговоров со странами ОПЕК. Сочетание структурных особенностей российских регионов с разными по жесткости ограничительными мероприятиями, а также мерами финансовой и административной поддержки, которые вводили местные органы власти, не могло не привести к пространственной неравномерности последствий пандемии COVID-19 в России [1—3]. Самые жесткие ограничительные меры затронули авиаперевозки, гостиничный бизнес, общественное питание и сферу услуг, включающую организацию досуга, развлечений, туризма и быта. Так как эта активность сосредоточена в крупных городах и касается в существенной мере малого и среднего бизнеса, то логично было ожидать, что города и малые предприятия пострадают от введенных противоэпидемических мероприятий в большей степени. Но эмпирический анализ показал, что урбанизированная экономика оказалась более устойчивой, диверсифицированная городская среда продемонстрировала лучшие адаптационные свойства. И сектор малого бизнеса благодаря своей гибкости и предпринимательской инициативе способствовал сохранению деловой активности региона [4]. Пространственный профиль эконо-

мического спада повторил закономерности, которые наблюдались в предыдущие кризисы: крупные и более динамичные субъекты Российской Федерации при прочих равных условиях пострадали в большей степени, тогда как депрессивные и проблемные регионы без конкурентоспособной основы развития в меньшей степени испытали потрясение и падение производства. Это подтвердил и анализ субфедеральных бюджетных доходов, которые в большей мере сократились в развитых, ресурсных и экспортноориентированных регионах [2 ; 5—8].

Санкции 2022 г. в отличие от предшествующих глобальных кризисов имели стремительный характер и широкий охват, включая финансовую, экономическую и социальную сферы. При этом страны, введшие санкционные пакеты, старались выдерживать принцип нанесения максимального ущерба России, не затрагивая собственную экономику. Поэтому давление на разные секторы и разные регионы, состояние которых определялось положением ведущих отраслей, было неодинаковым. Регионам, основными направлениями экспорта и импорта которых были страны, поддерживающие санкции и разорвавшие деловые отношения с Россией, пришлось решать задачу поиска других партнеров и расширения сотрудничества с российскими производителями [9]. Это создавало серьезные трудности практически для всех видов деятельности. Разрыв сложившихся кооперационных связей затронул многие предприятия, но налаживание новых контактов, усложнение логистики и схем финансового сопровождения, рост затрат и времени поставок стали особенно серьезной проблемой для промышленных регионов.

Однако кризис создает не только проблемы, но и открывает новые возможности. В этой связи высказывались предположения о том, что адаптация к санкционным вызовам увеличит для российских предприятий внутренний спрос, создаст возможности для расширения межрегиональных кооперационных связей, развития собственных технологий и повысит конкурентоспособность на локальном рынке [10]. Конечно импортозамещение и поиск новых внешних рынков сбыта является сложным и неоднозначным процессом, который имеет разные темпы продвижения и реализации как по видам деятельности, так и в пространственном измерении [11]. Так, закрытие российского воздушного пространства для зарубежных авиаперевозчиков, отключение российских банков от международных платежных систем, уход иностранных компаний из России, ограничение доступности иностранного капитала, изменение условий торговли, рост темпов инфляции и снижение реальных доходов привели к сокращению производства и внутреннего спроса в первые месяцы после введения санкций. Поэтому система национальных проектов, государственный заказ, федеральная помощь, дотации и субсидии были направлены на компенсацию потерь и способствовали росту отдельных предприятий и адапта-

ции их к санкциям. При этом реакция на санкции, уязвимость к технологическому эмбарго и изменению торговых маршрутов, восприимчивость к государственной поддержке сильно различались по регионам [12—14].

Адаптация экономики Новосибирской области на системные шоки 2020 г. и 2022 г.

Новосибирская область расположена на юге Западной Сибири. Эта территория в течение длительного времени находилась на периферии интереса федерального центра, и ее значение в деловой активности страны было на низком уровне. Новая геополитическая ситуация изменила акценты во внутренней пространственной политике и во внешнеэкономических связях России. Вектор развития экономики повернулся на восточное направление и стал открывать новые возможности развития для сибирских территорий.

В отличие от многих регионов азиатской России Новосибирская область не располагает богатыми минеральными и нефтегазовыми ресурсами и не относится к территориям с ресурсной специализацией. Регион имеет достаточно диверсифицированную промышленность, отличается развитой сферой услуг, торговли, логистики и транспорта. Сельское хозяйство также играет важную роль в экономической активности территории.

Из-за отсутствия богатой ресурсной базы территория не является местом интереса и деятельности крупных корпораций и больших вертикально интегрированных структур. Отсутствие доминирующих компаний и разнообразие производственных профилей в сочетании с тем, что региональные и муниципальные власти придерживаются принципа не создавать лишних барьеров входа для внешних производителей, привели к функционированию достаточно конкурентного и неоднородного экономического пространства. Это создает условия для гибкости экономической системы и ее относительно эффективной адаптации к внешним шокам. Регион также имеет довольно развитую транспортную инфраструктуру, включающую разветвленную автомобильную и железнодорожную сеть, крупный аэропорт, большой транспортно-логистический и распределительный комплекс, что может выступать технической основой для участия в пространственном маневре в восточном направлении, который был вызван санкциями.

Для Новосибирской области характерна довольно высокая пространственная концентрация экономических активов. Региональный центр является крупнейшим муниципалитетом в стране и третьим по величине городом Российской Федерации. В Новосибирске проживает более половины населения области, охватывая более 70 % жителей Новосибирской агломерации, т. е. значительная часть населения сосредоточена в окружении столицы региона, на остальной территории области плотность населения невысокая. Пространственная структура Новосибирской области является благоприятной для использования ресур-

сов агломерационной экономики, одним из преимуществ которой выступают низкие издержки коммуникации и поиска новых деловых партнеров.

Особенности производственного комплекса Новосибирской области, такие как крупный конкурентный рынок, пространственная концентрация диверсифицированных активов, специализация на услугах, торговле и логистике, способствуют развитию адаптационных возможностей. Но в то же время некоторые характеристики региона могут сдерживать их проявление: это удаленность от внешних рынков, слабые партнерские связи с корпорациями, реализующими масштабные ресурсные проекты на севере и в Арктике, а также неразвитость институтов межрегиональной кооперации и сотрудничества в стране в целом.

Сравнительные оценки динамики экономической активности в Новосибирской области

На основе оценок динамики экономической активности в целом за период с 2018 по 2023 г. можно сделать следующие заключения. Во-первых, пандемия COVID-19 оказала более сильное краткосрочное негативное влияние на экономику области по сравнению с санкциями 2022 г. В 2020 г. наблюдалось абсолютное падение выпуска товаров и услуг, в 2022 г. произошло лишь замедление темпов роста. Во-вторых, статистика подтверждает, что кризис не только создает трудности, но и открывает новые пути развития, которые бизнес Новосибирской области сумел использовать (табл. 1).

Таблица 1

Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по Новосибирской области (к соответствующему периоду предыдущего года, %)

Index of goods and services output by basic types of economic activity in the Novosibirsk Oblast (compared to the corresponding period of the previous year, %)

Год	Индекс
2018	104,4
2019	104,2
2020	97,9
2021	116,3
2022	101,2
2023	106,1

Адаптация к изменившимся условиям и использование новых форм и условий деловой среды были более успешными после пандемии: в течение 2021 г. реализация продукции выросла почти на 20 п. п. В 2023 г. после года работы в условиях санкций рост экономической активности в области составил только 5 п. п. Можно предположить, что наработанные адаптационные механизмы, апробированные во время коронавируса за два года до санкций, были привлечены и задействованы после введения санкций, что смягчило негативное влияние ограничений. Но условия работы бизнеса в санкционный период были гораздо менее благоприятными по сравнению с постковидными, что накладывало более жесткие ограничения на их рост. Пандемия COVID-19 не только поставила вопрос о поиске локальных партнеров и стимулировала развитие внутренних партнерских связей, но и создала спрос и открыла

новые рынки в сфере дистанционных сервисов и новых видов услуг многих секторов: торговли, общественного питания, образования, медицины и финансов. Поэтому рост деловой активности после системного шока 2020 г. был существенно выше, чем после шока 2022 г.

По данным Росстата, динамика основных социально-экономических показателей в Новосибирской области по крупным видам деятельности также имеет общую тенденцию: произошло падение показателей в 2020 г., затем их повышение 2021 г. и снижение в 2022 г. (табл. 2). И для большей части характеристик развития в период 2020—2022 гг. регион имел оценки выше средних российских, что свидетельствует о его сравнительно лучших условиях развития и более широких адаптационных возможностях к случившимся потрясениям.

Таблица 2

Динамика основных социально-экономических показателей (к предыдущему году, %)

Dynamics of key socio-economic indicators (compared to the previous year, %)

Показатель	Территория	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Численность населения	Российская Федерация	100,1	100,0	100,1	99,7	99,7	99,6
	Новосибирская область	100,4	100,2	100,2	99,6	99,9	99,9
	Новосибирск	100,6	100,3	100,5	99,7	100,1	100,9

Показатель	Территория	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Среднегодовая численность занятых в экономике	Российская Федерация	99,7	99,6	99,3	97,9	101,8	100,6
	Новосибирская область	100,1	99,0	99,8	97,3	103,1	98,4
Реальные доходы населения	Российская Федерация	99,8	101,7	101,9	98,6	103,9	98,5
	Новосибирская область	101,0	102,9	101,6	100,0	104,6	99,7
Индекс промышленного производства	Российская Федерация	103,7	103,5	103,4	97,9	106,3	100,6
	Новосибирская область	101,8	105,2	104,6	96,7	113,7	107,8
Продукция сельского хозяйства	Российская Федерация	102,9	99,8	104,3	101,3	99,3	111,3
	Новосибирская область	109,0	99,2	104,1	102,4	113,5	103,0
Оборот розничной торговли	Российская Федерация	101,3	102,8	101,9	96,8	107,8	93,5
	Новосибирская область	102,5	104,5	102,7	99,8	113,7	101,2
Платные услуги населению	Российская Федерация	101,4	103,2	101,7	85,4	117,2	105,0
	Новосибирская область	100,4	103,5	101,1	87,4	111,9	110,6
Отправление грузов железнодорожным транспортом	Российская Федерация	104,5	101,9	99,1	97,1	103,3	96,3
	Новосибирская область	136,4	125,7	90,2	98,7	101,3	100,4
Перевозки грузов автомобильным транспортом	Российская Федерация	100,1	102,6	103,4	94,2	103,3	111,3
	Новосибирская область	87,5	110,9	105,3	84,3	101,7	112,2

Примечание. Стоимостные показатели учитывались в сопоставимых ценах.

Note. Cost indicators were taken into account in comparable prices.

Статистика показывает, что более существенное снижение выпуска продукции или его прироста в результате запретов из-за пандемии по сравнению с санкционными ограничениями характерно как для промышленности, так и для сельского хозяйства, торговли и услуг. В 2022 г. по этим видам деятельности в регионе наблюдался рост производства. Причем бизнес Новосибирской области пережил первый год санкций с лучшими показателями, чем страна в целом. Темпы роста промышленного производства, оборота торговли и размера услуг были заметно выше среднероссийских. В 2020 г. эти отрасли демонстрировали

снижение результатов работы, и показатели динамики в регионе были близкими к тем, которые имела страна в целом. Но в 2022 г. в области темпы роста промышленности и услуг заметно увеличились.

В период пандемии нарушились сети поставок в глобальном масштабе, это отразилось на существенном снижении экспорта и импорта как страны в целом, так и Новосибирской области в частности (табл. 3). Сокращение внешнеэкономических операций затронуло регион в меньшей степени по сравнению с другими российскими территориями.

Таблица 3

Основные показатели внешней торговли (к предыдущему году, %)
Key foreign trade indicators (compared to the previous year, %)

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Российская Федерация					
Экспорт	125,2	125,7	94,4	79,5	146,1
В том числе:					
в страны дальнего зарубежья	125,0	127,4	93,8	78,0	148,2
государства — участники СНГ	126,6	114,2	98,4	90,1	134,2
Импорт	124,7	104,8	102,5	94,9	125,2
В том числе:					
из стран дальнего зарубежья	124,6	104,6	102,4	95,4	125,1
государств — участников СНГ	125,6	106,5	104,1	91,0	125,7
Новосибирская область					
Экспорт	116,6	123,0	123,2	91,6	130,9
В том числе:					
в страны дальнего зарубежья	145,8	123,9	123,7	94,6	127,3
государства — участники СНГ	75,6	120,5	121,8	83,4	142,4
Импорт	148,8	126,4	107,2	92,3	129,4

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
В том числе:					
из стран дальнего зарубежья	159,9	130,1	108,0	91,5	132,6
государств — участников СНГ	152,5	94,4	107,3	104,5	167,6

Примечания. 1. Составлено по данным Росстата (на основании письма Росстата от 12 апреля 2022 г. № СО-11-4/2105-ТО и дополнения к нему от 17 мая 2022 г. Публикация сведений о внешнеторговой деятельности начиная с данных за 2022 г. приостановлена). 2. Показатели учитывались в фактически действовавших ценах, долл. США.

Note. 1. Compiled according to Rosstat data (based on Rosstat letter No. SO-11-4/2105-TO dated April 12, 2022 and its supplement dated May 17, 2022. Publication of data on foreign trade activities starting from the data for 2022 has been suspended). 2. The indicators were taken into account in prices in effect, USD.

Достаточно динамичный рост внешней торговли как со странами дальнего зарубежья, так и со странами — участниками СНГ в 2020 г. был нарушен. Новосибирской области удалось отчасти компенсировать падение внешнеторгового оборота за счет роста импорта из стран ближнего зарубежья. Статистика по внешнеторговым операциям начиная с 2022 г. отсутствует, но не вызывает сомнений то, что показатели внешней торговли значительно снизились и для бизнеса Новосибирской области. Сценарий резкого и непредвиденного прекращения взаимодействия с зарубежными партнерами был воспроизведен в 2022 г. Но Новосибирская область смогла использовать свои преимущества как крупного транспортно-логистического центра. Во-первых, международные санкции заставили изменить приоритеты в международном сотрудничестве и запустили восточный вектор партнерства. Во-вторых, эти санкции стимулировали поиск новых контрагентов внутри России. В-третьих, существенно изменились и усложнились схемы кооперационных поставок. Эти процессы увеличили спрос на транспортные услуги в восточных и южных регионах страны. В Новосибирской области в 2022 г. выросли объемы перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом (см. табл. 2), а в России в целом железнодорожные перевозки в первый год санкций сократились.

В год пандемии коронавируса в Новосибирской области наблюдалось снижение грузопотока по железным и автомобильным дорогам и особенно автомобильным транспортом. Из-за карантинных ограничений в 2020 г. контакты между регионами и муниципалитетами внутри страны резко сократились, что вызвало снижение спроса на транспортные услуги.

Сокращение выпуска товаров и предоставления услуг в период пандемии также привело к снижению занятости населения в производственной сфере, но при этом не наблюдалось ухудшения его благосостояния (реальные доходы населения в 2020 г. не снизились). Политика активной социальной поддержки со стороны федеральных и региональных органов власти в период коронавируса дала положительные результаты. Радикально другой была ситуация в 2022 г.: подъем общей деловой активности в этот период сопровождался сокращением численности занятых

и снижением реальных доходов населения. Если первый факт можно отнести на рост производительности труда, основанный на новых технологических решениях и оптимизации процессов управления, или связать с дефицитом кадров, который испытывают практически все производства и в настоящее время, то снижение уровня жизни населения отражает, безусловно, негативное явление. Заработная плата и другие выплаты населению, несмотря на повышение и индексацию в 2022 г., не компенсировали усилившуюся инфляцию, темпы которой существенно выросли в результате старта санкций в отношении России и последовавшего резкого удорожания многих товаров из-за роста курса доллара и перехода на сложные варианты логистики.

Однако Новосибирской области удастся использовать потенциал агломерационной экономики, который создает большой региональный город. Несмотря на отставание от городов — лидеров страны в уровне жизни, динамика численности населения в области на протяжении многих лет, включая и санкционный 2022 г., наблюдается несколько лучше по сравнению с данным показателем в среднем по стране. Единственным исключением является 2020 г., когда пандемия коронавируса вызвала массовые отъезды из крупных городов.

Заключение

Крупные внешние шоки, которые создали пандемия коронавируса в 2020 г. и международные санкции в 2022 г., были неожиданными и сопровождалась массовым разрывом налаженных кооперативных связей и цепей поставок в стране. Эти потрясения имели некоторые схожие последствия и для экономики Новосибирской области, но существенно различались по регионам.

Общей реакцией было проявление эффекта компенсации: те виды деловой активности, которые демонстрировали сильное падение в период пандемии, имели более высокие темпы роста в последующий год. Чем сильнее и болезненнее был шок, тем активнее происходили реорганизация и перестройка бизнеса, которая давала положительные результаты. Компенсационные эффекты проявились и после системного санкционного шока: за резким сокращением темпов роста в 2022 г. было зафиксировано их значительное увеличение в 2023 г.

С началом пандемии коронавируса происходил частичный разрыв не только международных связей, но и контактов с российскими поставщиками. Санкции же, напротив, инициировали новые кооперационные связи с предприятиями внутри страны в ответ на отказ от ведения бизнеса с российскими производителями или из-за высоких барьеров новых вариантов логистики и расчетов с зарубежными партнерами. Очевидно, это явилось одним из факторов, которые работали на поддержание деловой активности в Новосибирской области и в 2022 г., и в последующий период, когда вводились новые пакеты ограничений и запретов для российского бизнеса. Выпуск продукции в регионе в 2022 г. не снизился и даже показал небольшой рост, а в 2023 г. производство в регионе выросло более чем на 6 п. п. Диверсифицированная экономика области, высокая доля обрабатывающей промышленности и инновационного сегмента, а также относительно развитая конкурентная среда сыграли положительную роль в условиях санкционного давления на страну. Рост внутреннего спроса на продукцию глубокой переработки, на разработки и технологии, позволяющие замещать импортные товары, расширили рынок многих предприятий (организаций) региона.

Пандемия COVID-19 заставила задуматься над рисками, связанными с процессами глобализации производственных цепочек создания стоимости. В этот процесс был включен и бизнес Новосибирской области, так как крупные предприятия полного цикла исчезли из экономики региона, доминирующими стали производства, специализирующиеся на отдельных функциях, деталях или полуфабрикатах. Такая структура экономики позволяет извлекать выгоды из кооперации и специализации, но она может находиться в зависи-

мости от надежности и устойчивости партнерских связей. Нарушение сроков и регулярности внешних поставок во время коронавируса позволило запустить механизмы адаптации к срывам договоренностей и контрактов. Системный шок, вызванный международными санкциями, введенными в отношении России, последовал менее чем через два года после пандемии COVID-19, поэтому отработанные механизмы и альтернативные варианты не потеряли полностью своей актуальности и могли быть использованы в новых условиях.

Новосибирская область проявила относительно лучшую устойчивость к санкционным ограничениям по сравнению с шоком, полученным от пандемии коронавируса. Основными ресурсами адаптации к санкциям наряду с опытом, созданным в 2020 г., были диверсифицированная структура экономики, специализация на обрабатывающей промышленности и развитая транспортно-логистическая инфраструктура. Восточный вектор геополитики и внешней торговли, а также импортозамещение, которое создало спрос на продукцию российских производителей, в основном обрабатывающей промышленности, в определенной степени компенсировали негативное влияние санкций на экономику Новосибирской области. Структурные и географические особенности региона оказались более благоприятными для противодействия санкционному давлению по сравнению с запретами, введенными в связи с коронавирусом. Пандемия COVID-19 ограничила не только международные, но и внутрироссийские взаимодействия, санкционные же меры заставили выстраивать новые цепочки поставок внутри страны, восстанавливать механизмы и институты межрегиональной и межмуниципальной кооперации.

Список источников

1. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 5. С. 71—82.
2. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 4—17.
3. Кузнецова О. В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 20—38.
4. Коломак Е. А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12 (558). С. 143—148.
5. Зубаревич Н. В. Регионы России: динамика выхода из ковидного кризиса в 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 10. С. 64—69.
6. Малкина М. Ю. Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 г. // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 1. С. 101—124.
7. Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19 / V. Klimanov, S. Kazakova, A. Mikhaylova, A. Safina // Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management. 2020. Vol. 33, no. 1. P. 87—94.
8. Malkina M. Yu. Revenues of Russian sub-federal budgets under the pandemic: a spatial reversal // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12, no. 4. P. 544—555.
9. The Impact of Economic Sanctions on the Industrial Regions of Russia (the Case of Sverdlovsk Region) / A. V. Stepanov, A. S. Burnasov, G. N. Valiakhmetova, M. Yu. Ilyushkina // R-Economy. 2022. Vol. 8, no. 3. P. 295—305.
10. Шацкий А. А. Региональное развитие промышленности в Российской Федерации в условиях санкций и ограничений // Управление. 2023. Т. 11, № 2. С. 170—178.
11. Редькина Е. М. Импортозамещение в туристской индустрии России: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 57—60.
12. Земцов С. П., Баранова В. А., Михайлов А. А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Т. 18, № 2. С. 44—79.

13. Земцов С. П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 23—45.
14. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1 (22). С. 34—47.

References

1. Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. Tendentsii razvitiya sektora malyykh i srednikh predpriyatiy v usloviyakh pandemii i krizisa [Development Trends of Small and Medium-Sized Enterprises Amid Pandemic-Induced Crisis], *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia], 2020, vol. 27, no. 5, pp. 71–82.
2. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regiony Rossii v ostroy faze koronavirusnogo krizisa: otlichiya ot predydushchikh ekonomicheskikh krizisov 2000-kh [Regions of Russia in the Acute Phase of the Covid Crisis: Differences from Previous Economic Crises of the 2000s], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2020, no. 2 (68), pp. 4–17.
3. Kuznetsova O.V. Uyazvimost' struktury regional'nykh ekonomik v krizisnykh usloviyakh [Vulnerability of Regional Economies' Structure in Crisis Conditions], *Federalizm* [Federalism], 2020, no. 2 (98), pp. 20–38.
4. Kolomak E.A. Ekonomicheskie posledstviya COVID-19 dlya regionov Rossii [Economic Consequences of Covid-19 for Russia's Regions], *EKO* [ECO], 2020, no. 12 (558), pp. 143–148.
5. Zubarevich N.V. Regiony Rossii: dinamika vykhoda iz kovidnogo krizisa v 2021 g. [Russian Regions: Dynamics of Recovery From the Covid Crisis in 2021], *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia], 2021, vol. 28, no. 10, pp. 64–69.
6. Malkina M.Yu. Ustoychivost' ekonomik rossiyskikh regionov k pandemii 2020 g. [Resilience of the Russian Regional Economies to the 2020 Pandemic], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 101–124.
7. Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A., Safina A. Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19, *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*, 2020, vol. 33, no. 1, pp. 87–94.
8. Malkina M.Yu. Revenues of Russian sub-federal budgets under the pandemic: a spatial reversal, *Regional Research of Russia*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 544–555.
9. Stepanov A.V., Burnasov A.S., Valiakhmetova G.N., Ilyushkina M.Yu. The Impact of Economic Sanctions on the Industrial Regions of Russia (the Case of Sverdlovsk Region), *R-Economy*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 295–305.
10. Shatskiy A.A. Regional'noe razvitiye promyshlennosti v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsiy i ogranicheniy [Regional Industrial Development in the Russian Federation Under Sanctions and Restrictions], *Upravlenie* [Management], 2023, vol. 11, no. 2, pp. 170–178.
11. Red'kina E.M. Importozameshchenie v turistskoy industrii Rossii: problemy i perspektivy [Import Substitution in the Tourist Industry of Russia: Challenges and Opportunities], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2022, no. 10, pp. 57–60.
12. Zemtsov S.P., Barinova V.A., Mikhaylov A.A. Sanktsii, ukhod inostrannykh kompaniy i delovaya aktivnost' v regionakh Rossii [Sanctions, Exit of Foreign Companies and Business Activity in the Russian Regions], *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2023, vol. 18, no. 2, pp. 44–79.
13. Zemtsov S.P. Sanktsionnye riski i regional'noe razvitiye (na primere Rossii) // Baltiyskiy region, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 23–45.
14. Zubarevich N.V. Regiony Rossii v kontse 2023 g.: udalos' li preodolet' krizisnyy spad? [Regions of Russia at the End of 2023: Have They Managed to Overcome the Crisis Recession?], *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Economic Theory], 2024, no. 1 (22), pp. 34–47.

Информация об авторе

Коломак Евгения Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ekolomak@academ.org

Information about the author

Evgeniya A. Kolomak — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation E-mail: ekolomak@academ.org

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 29.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 29.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УПРАВЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Николай Николаевич Ураев¹, Михаил Дмитриевич Мещанин²

¹ Акционерное общество «ОКБ КП», Москва, Российская Федерация, ggr@okbkr.ru

² Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Российская Федерация, mikhmeshch@gmail.com

Аннотация. В рамках исследования рассматривается важный аспект, касающийся изучения роли человеческого капитала в процессе управления формированием результатов интеллектуальной деятельности. Авторы подчеркивают, что одним из ключевых показателей успешности перехода к новой экономике (в частности, «экономике знаний») является уровень накопления человеческого капитала. В исследовании анализируется эволюция развития концепции человеческого капитала, установлена связь между человеческим капиталом и интеллектуальной собственностью в организациях. Авторы делают вывод о том, что интеллектуальная собственность является неотъемлемой частью человеческого капитала, проявляющейся в творческом применении потенциала сотрудников в трудовой деятельности. На основании анализа современных тенденций и практик авторы также рассматривают взаимосвязанную роль человеческого капитала и процесса управления интеллектуальной собственностью при формировании конкурентных преимуществ и инновационной деятельности организаций. Кроме того, изучен вопрос взаимосвязи и взаимовлияния человеческого капитала и процесса создания результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: человеческий капитал, управление интеллектуальной собственностью, результаты интеллектуальной деятельности, конкурентоспособность, управление талантами

Для цитирования: Ураев Н. Н., Мещанин М. Д. Роль человеческого капитала в управлении результатами интеллектуальной деятельности // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 16—22. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-16-22>

Economic research

Original article

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN MANAGING THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Nikolay N. Uraev¹, Mikhail D. Meshchanin²

¹ Joint Stock Company «SDBCI», Moscow, Russian Federation, ggr@okbkr.ru

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation, mikhmeshch@gmail.com

Abstract. The research considers an important aspect concerning the study of the role of human capital in the process of managing the formation of the results of intellectual activity. The authors emphasize that one of the key indicators of successful transition to a new economy (in particular, «knowledge economy») is the level of human capital accumulation. The study analyzes the evolution of the development of the concept of human capital, establishes the relationship between human capital and intellectual property in organizations. The authors conclude that intellectual property is an integral part of human capital, manifested in the creative application of employees' potential in labor activity. The authors, having analyzed modern trends and practices, also consider the interrelated role of human capital and intellectual property management process in the formation of competitive advantages and innovation activity of organizations. In addition, the issue of interrelation and mutual influence of human capital and the process of creating the results of intellectual activity is studied.

Keywords: human capital, intellectual property management, intellectual activity results, competitiveness, talent management

For citation: Uraev N.N., Meshchanin M.D. The Role of Human Capital in Managing the Results of Intellectual Activity. Territory Development. 2024;(4):16—22. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-16-22>

Введение

В условиях, когда экономика Российской Федерации переживает технологические изменения и социальная сфера претерпевает существенные трансформации, необходимо акцентировать внимание на управлении человеческим капиталом

как главным источником достижения результатов в интеллектуальной деятельности. При этом понимание влияния человеческого капитала на развитие экономики и общества становится актуальным направлением исследований. Проведение дополнительного анализа в данной предметной

области поможет не только понять сущность и значение трудовых ресурсов, но и выявить способы оптимизации и развития человеческого капитала для повышения конкурентоспособности и инновационности страны в целом.

Анализ научного и эмпирического материала показал, что несмотря на широкое использование категории «человеческий капитал» в различных областях, до сих пор не сформировано предметное научное понимание того, каким образом человеческий капитал влияет на уровень конкурентоспособности различных областей экономики, формирующих результаты интеллектуальной деятельности.

На протяжении значительного периода истории человек и его знания не признавались в обществе как ценные элементы производства. Традиционное укоренение общественных отношений мешало распространению и передаче уникальных знаний и навыков. В результате ценность человеческого капитала и его потенциала в экономическом развитии оставались недооцененными и недоиспользованными, что снижало эффективность производственных процессов и ограничивало возможности инноваций и развития общества в целом.

Основная часть

Теория человеческого капитала впервые сформировалась благодаря исследованиям известных американских экономистов У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо и др., которые ввели в экономическую науку идеи важности качества рабочей силы, способностей человека, его образования для роста богатства страны [1, с. 18].

Согласно исторической ретроспективе, основоположниками современной теории человеческого капитала принято считать американских экономистов, лауреатов Нобелевской премии по экономике Т. Шульца и Г. Беккера. Их исследования и труды направлены на осознание необходимости инвестиций в человеческий капитал с упором на общее и профессиональное образование, а также на развитие интеллектуального и культурного потенциала личности. В своих работах они подчеркивают важность вложений в область здравоохранения, рекреации и улучшение жизненных условий в целом. Главной целью подобных инвестиций является повышение трудоспособности индивида, его вклада в экономику и общество, что согласуется с принципами экономического подхода к изучению человека и его влияния на процессы производства и развития социально-экономических систем [1, с. 19–20].

В настоящее время человеческий капитал представляет собой основу процесса управления и формирования результатов интеллектуальной деятельности, поскольку он представляет собой ресурс организации. Другими словами, результаты интеллектуальной деятельности организации находятся в прямой зависимости от человеческого капитала. Чем шире спектр знаний, умений и навыков, которыми располагают сотруд-

ники организации, тем шире возможности организации при проведении научно-исследовательских работ, итогом которых являются результаты интеллектуальной деятельности [2, с. 34].

В контексте современной экономики, основанной на знаниях и инновациях, организации сталкиваются с растущей необходимостью адаптации и развития в условиях высокой конкуренции. Время, когда успех предприятий определялся их материальными ресурсами, ушло в прошлое, и сейчас ключевым моментом становится оптимизация использования человеческого капитала. Интеллектуальная собственность превратилась в стратегический актив, выделяющий эффективные организации на фоне конкурентов. Именно поэтому организациям необходимо уделять особое внимание созданию благоприятной среды для улучшения интеллектуального потенциала своих работников, инвестируя в обучение, развитие и поддержку профессионального роста. Компании, успешно управляющие своим человеческим капиталом, стимулирующие непрерывное обучение и осуществляющие внедрение инноваций в свою деятельность, способны эффективно адаптироваться к меняющимся реалиям, обеспечивая при этом устойчивый рост в долгосрочной перспективе [3, с. 145].

Говоря об актуальных для Российской Федерации направлениях развития человеческого капитала в целях обеспечения формирования интеллектуальной собственности организаций и исходя из анализа опыта зарубежных стран в данной области, назовем ряд показателей, которые могут быть использованы для оценки человеческого капитала с точки зрения уровня его развития и достаточности для создания потенциально коммерциализуемых результатов интеллектуальной деятельности. В данном случае зарубежная практика свидетельствует о существенной значимости фактора таланта, базовыми характеристиками которого является высокий уровень развития способностей, продуктивность, креативность, умение решать нестандартные задачи, востребованность в профессиональной деятельности, внутренняя мотивация, стремление к профессиональному росту и развитию.

В этой связи необходимо проанализировать рейтинг глобальной конкурентоспособности талантов, чтобы определить место Российской Федерации в общем рейтинге, состояние, проблемы и перспективы.

Рейтинг основывается на следующих критериях:

- условиях труда на рынке в соответствии с нормами;
- возможностях для профессионального роста;
- привлекательности для международных специалистов;
- удержании опытных работников;
- производственных навыках;
- актуальности знаний персонала.

Данные критерии позволяют определить компетенции и уровень образования работников, необходимые для инновационной деятельности организации.

Так, бизнес-школа INSEAD в 2023 г. представила результаты Глобального индекса конкурентоспособности талантов [4]. В рейтинге приняли участие 134 страны. При этом в десятку рейтинга вошли Швейцария, Сингапур, США, Дания, Нидерланды, Финляндия, Норвегия, Австралия, Швеция и Великобритания. Считаем, что высокий индекс конкурентоспособности талантов в данных странах устанавливается за счет высокого уровня социальной защиты, качества окружающей среды, высокообразованной рабочей силы и инновационной экономики.

Далее рассмотрим рейтинг индекса конкурентоспособности талантов России и других стран. Так, Китай занял 40-е место, Россия — 52-е, Армения — 55-е, Беларусь — 57-е, Азербайджан — 58-е, Казахстан — 67-е место.

Не следует забывать и о том, что глобальная конкуренция для квалифицированных специалистов усилится в течение следующего десятилетия, в сочетании с продолжающимися неопределенностями и эскалацией международных напряженностей в сферах торговли, инвестиций

и политики. В этом контексте странам, стремящимся показать себя в качестве центров привлечения талантов, необходимо обеспечить высокий уровень условий в качестве ключевых активов в своих стратегиях.

В исследованиях была выявлена значительная корреляция между ВВП на душу населения и индексом конкурентоспособности талантов (рис. 1). В частности, ВВП служит экономической метрикой, которая квотирует объем товаров и услуг, произведенных каждым индивидом в пределах страны, демонстрируя экономическую производительность.

Применение жестких ограничительных мер в 2023 г. привело к резкому снижению ВВП в крупнейших развитых странах: в США он составил $-1,1\%$, в Италии и Японии — $-0,3\%$, во Франции — $-1,9\%$, в Литве — $-2,7\%$, в Эстонии — $-5,8\%$, в России — $-3,6\%$. Страны, готовые к четвертой промышленной революции и одновременно укрепляющие свои политические, экономические и социальные системы, станут победителями в конкурентной гонке будущего.

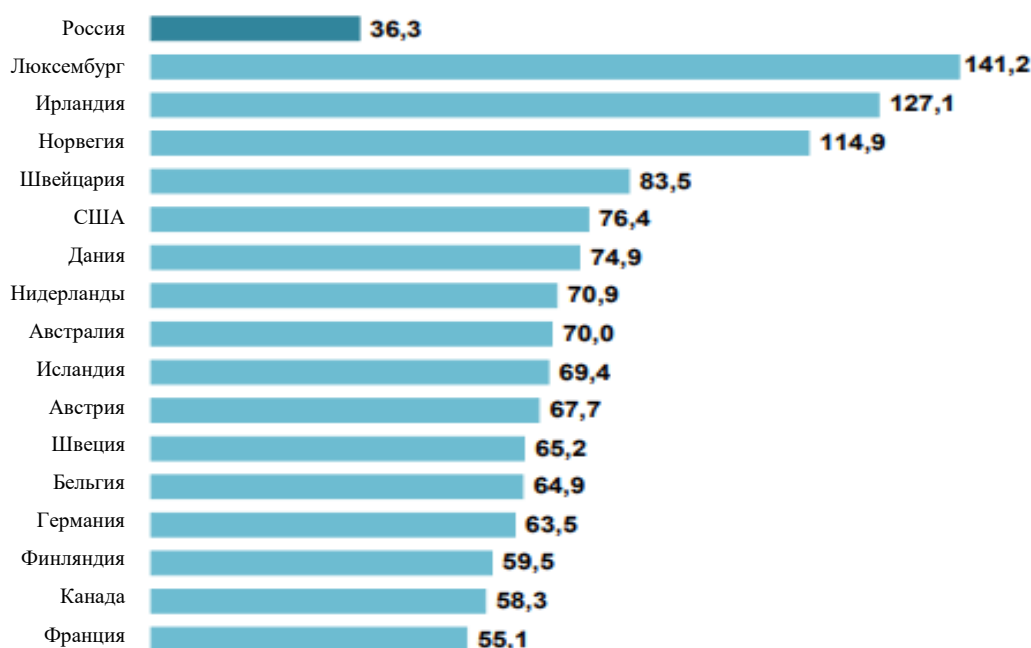

Рис. 1. ВВП на душу населения в России и отдельных зарубежных странах в 2022 г. (по ППС, тыс. долл. США) [5]
GDP per capita in Russia and some foreign countries in 2022 (according to PPP, thousand US dollars) [5]

В целях оценки инновационной активности и конкурентоспособности наукоемких отраслей рассмотрим международный индекс за 2023 г.

Международный индекс интеллектуальной собственности (ИС), созданный Торговой палатой США, является мощным инструментом для оценки эффективности систем ИС, разработанных директивными органами во всем мире. Он предоставляет данные, которые могут быть использованы не только для достижения государствами нормативно-правового климата, но и для стимулирования реальных изменений в поли-

тике, направленных на повышение эффективности действующих систем защиты прав частной собственности — физической и интеллектуальной (таблица).

Отметим, что лидирующее положение занимают США, Великобритания и Франция. Показатели 28 стран остались неизменными по сравнению с 2022 г. Это свидетельствует о том, что прогресс в улучшении глобальной охраны ИС, возможно, находится на прежнем уровне. На некоторых глобальных рынках по-прежнему наблюдается вялотекущий прогресс в укреплении охраны ИС.

Перечень стран, входящих в список Международного индекса ИС в 2023 г. [6]*List of countries included in the list of the International IP Index in 2023 [6]*

Страна	Индекс ИС за 2023 г., %	Рейтинг IP Index за 2023 г.
США	95,48	1
Великобритания	94,14	2
Франция	93,12	3
Германия	92,46	4
Швеция	92,14	5
Япония	91,26	6
Нидерланды	90,70	7
Ирландия	89,36	8
Испания	86,44	9
Швейцария	86,00	10
Сингапур	84,94	11
Южная Корея	84,44	12
Италия	83,90	13
Австралия	80,68	14
Венгрия	76,90	15
Канада	75,72	16
Израиль	72,72	17
Греция	70,92	18
Польша	70,74	19
Новая Зеландия	69,28	20

Марокко, Таиланд и Вьетнам представили наибольшие показатели улучшения в общем рейтинге за 2023 г. — 2,5, 2,5 и 2,02 % соответственно. Азия продемонстрировала заметное улучшение среднего балла по региону в результате повышения показателей, в том числе в Малайзии и Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме. Рейтинг России снизился на 21,62 % в результате ряда мер, принятых Россией в отношении международных правообладателей.

В 2022 г. в силу существенных изменений в сфере оборота прав на результаты творческой деятельности, в том числе в научно-технической сфере, интеллектуальной собственности, из-за ряда введенных ограничений, а также из-за ухода иностранных правообладателей анализ ситуации и сравнительный анализ показателей сферы затруднены. В этой связи Российская Федерация сосредоточила усилия на анализе и оценке долгосрочных тенденций, связанных с развитием интеллектуальной собственности, а также на выработке мероприятий, которые необходимо реализовать для сохранения и развития рынка интеллектуальной собственности. Поэтому востребованной остается разработка новых методов и механизмов управления человеческим капиталом в области интеллектуальной собственности, направленных на его формирование, аккумулирование и использование.

Именно вузы, обладающие учебной, научно-исследовательской и воспитательной функциями, позволяют выявлять те самые таланты, когда осуществляют подготовку и переподготовку высококвалифицированных специалистов с широ-

ким кругом компетенций, способных аналитически мыслить и системно подходить к решению целевых задач организации.

В стремлении к росту, ориентированному на инновации, университет использует свой человеческий капитал, мобилизуя всю рабочую силу, включая квалифицированных лиц в области управления, научных исследований и различных форм интеллектуальных «изысканий», а также привлекает опыт, знания и навыки студентов, генерируя новые интеллектуальные концепции, которые и способствуют созданию интеллектуальной собственности.

По последним рейтингам большинство студентов университетов, попавших в топ-50, подают заявки на патенты из Китая и США. Отмечается, что в 2022 г. Калифорнийский университет возглавил все другие академические институты в использовании системы RST, известной как Договор о сотрудничестве с патентами (Международная патентная процедура) с общим количеством опубликованных заявок 552. Второе место занимает Университет Чжианга, который представил 309 заявок, третье место — Университет Сучжоу, насчитывающий 303 публикации. При этом значительный рост заявок на патенты произошел в течение 2022 г. в Наньчжинском технологическом университете в Сингапуре и Цзянсуком технологическом университете в Китае (рис. 2).

В топ-30 в 2022 г. вошли заявители из 12 стран. Больше всего заявителей в этом перечне было из США, где имеется семь научно-исследовательских организаций.

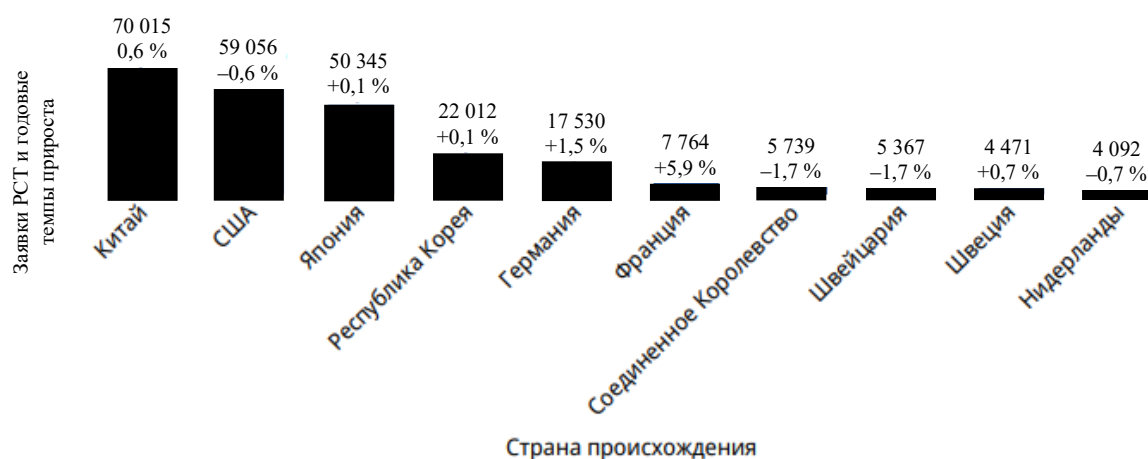

Рис. 2. Заявки РСТ из первой десятки стран происхождения, 2022 г. [7]
PCT applications from the top ten countries of origin, 2022 [7]

По данным Роспатента, наблюдается заметный рост на рынке прав для ЭВМ (прЭВМ), баз данных и топологий интегральных микросистем, сопровождающийся с 2021 г. увеличением на 20 % количества заявок в данной области. Повышенный спрос на патенты программного обеспечения в первую очередь обусловлен внед-

рением импортозамещения, которое предоставило возможность для внутреннего развития. В то же время в течение последних трех лет доля иностранных заявителей, участвующих в патенте прЭВМ, последовательно снижалась, достигнув к 2022 г. всего 0,2 % от общего объема (рис. 3).

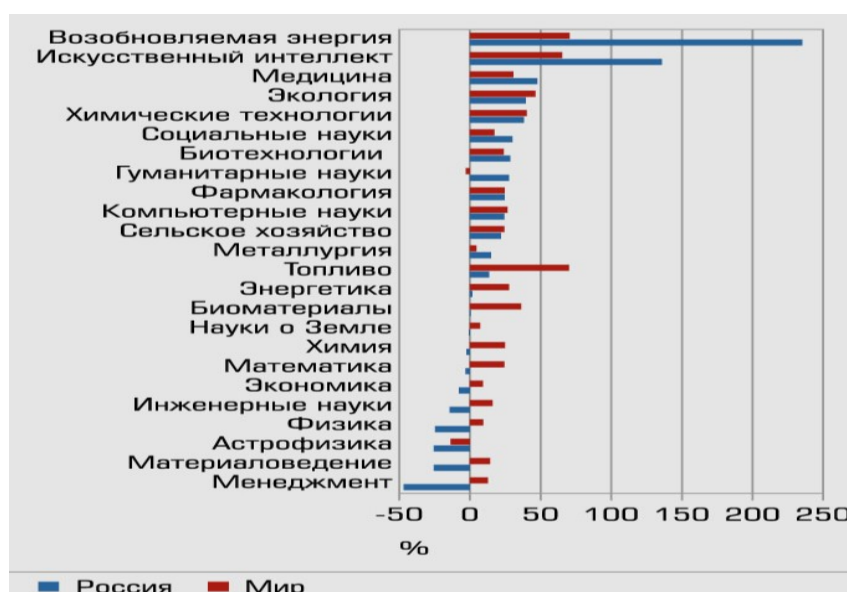

Рис. 3. Отношение количества публикаций в России и мире в 2022 г. по отношению к 2018 г. [8]
Ratio of the number of publications in Russia and the world in 2022 in relation to 2018 [8]

Среди академических учреждений, участвующих в рейтинге, зафиксированы значительные достижения Санкт-Петербургского государственного университета в области аэрокосмического приборостроения (от вуза было зарегистрировано 396 заявок). Второе место отводится Ставропольскому государственному аграрному университету, опубликовавшему 182 заявки. Реальный сектор экономики в лице коммерческих организаций в рейтинге представляют «Росатом», «Концерн-Созвездие», «Сбер» и «Татнефть».

Как показало обсуждение на 27-м Петербургском международном экономическом форуме—2024, в настоящее время высшие учебные заведе-

ния отдают приоритет сотрудничеству с частным сектором для содействия взаимовыгодным отношениям. Эти усилия обусловлены как стратегическими целями, изложенными в долгосрочных планах научно-технического прогресса, так и требованиями со стороны заинтересованных сторон различных отраслей. В свете ограниченного доступа российских субъектов к западным технологическим ресурсам существует усиленный императив для инноваций. Таким образом, партнерство между академическими учреждениями и промышленными организациями достигло нового апогея, требующего инновационных инструментов для решения новых вызовов. Круг замкнулся.

Современные трансформационные процессы в высших учебных заведениях отражают глобальные вызовы, стоящие перед образованием в эпоху информационных технологий и глобализации. В условиях все более динамичного международного окружения и системно нарастающего санкционного давления на Россию усиливается конкуренция, стабильность мира переходит в состояние турбулентности, использование человеческого капитала становится нарастающей жизненной необходимостью. Процессы виртуализации идей, сетевого распространения инноваций и активизация инновационной работы в вузах открывают новые перспективы для развития кадрового потенциала и повышения конкурентоспособности образовательных учреждений. Особую важность приобретает поддержка индивидуального развития человеческого капитала в вузах через создание специализированных центров, проведение инновационных проектов и формирование персонализированных путей инновационного роста. Все эти меры способствуют подготовке кадров, навыки которых выстроены под вызовы и требования современного мира.

Стимулирование процессов наращивания и эффективности управления человеческим капиталом является косвенным стимулом к развитию интеллектуальной собственности организации, в которой и должны быть созданы результаты, пригодные для коммерциализации.

Перспективы развития рынка интеллектуальной собственности, раскрываемые благодаря взаимодействию талантов с организациями реального сектора экономики, охватывают как долгосрочные тенденции, которые будут оказывать влияние на мировую экономику в ближайшем десятилетии, так и ситуативные, специфичные в основном для российского рынка. Взаимодействие между талантливыми индивидами и коммерческим сектором создает плодотворную среду для развития и коммерциализации инноваций, что способствует устойчивому росту экономики в целом.

Долгосрочные тенденции включают укрепление роли интеллектуальной собственности как ключевого актива, а также развитие инновационной деятельности на мировом уровне в условиях вступления мировой экономики в полосу шестого технологического уклада.

Ситуативные тенденции, связанные с особенностями национального рынка, включают специфические правовые, экономические и культурные аспекты, которые могут влиять на развитие рынка интеллектуальной собственности в стране. Этот комплексный подход позволяет оценить перспективы развития рынка интеллектуальной собственности не только на глобальном уровне, но и на уровне отечественной экономики.

Таким образом, в качестве основных долгосрочных трендов следует выделить:

— усиление роли нематериального капитала для устойчивости национальных экономик. Роль нематериального капитала и активов продолжает усиливаться. Интенсивный рост рынка интеллек-

туальной собственности будет происходить за счет технических решений, дизайна, охраняемых патентами, и ноу-хау. В этой связи усилится роль прав собственности на большие объемы данных и новые типы цифровых объектов. В России в части развития этого тренда наблюдается критическая ситуация. По данным исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», из более 3 млн организаций, работавших в 2022 г., нематериальные активы в финансовой отчетности отразили всего 52 тыс. организаций (1,7 %). Средний объем нематериальных активов российской организации составил 0,7 млн руб.; в креативном сегменте он был несколько выше — 1,8 млн руб.;

— усиление перекрестного оборота прав между индустриями. В поиске новых способов применения активную роль начинают играть системы машинного обучения. Сохранится и тенденция на глобальность сделок. Внутривосточные лицензии и франшизы имеют существенное значение, однако без участия в глобальном рынке инвестиции в интеллектуальную собственность не могут окупиться: рентабельный рынок для инноваций начинается с 0,5 млрд населения. Показатели Российской Федерации в части сделок с правами интеллектуальной собственности крайне низки. Количество сделок в технологической сфере в несколько раз ниже количества созданных объектов. Объем сделок с правами и отдача от интеллектуальной собственности в дизайне, архитектуре, моде, гастрономии и образовании крайне незначительны;

— рост объемов «пиратства». В России рост «пиратства» особенно проявился из-за ухода зарубежных правообладателей. Объекты, оставленные без должного управления, распространяются свободно и составляют бесплатную конкуренцию национальным креативным продуктам, которые также активно попадают в оборот «пиратов». Оценка объемов роста незаконного использования контента разных видов за 2022 г. составила от 20 до 30 %. При этом проблема касается не только цифровых продуктов, но и обычных товаров.

Следуя долгосрочным тенденциям и учитывая текущую ситуацию, для развития рынка интеллектуальной собственности целесообразно сосредоточить усилия на развитии человеческого капитала.

Заключение

В современном обществе, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, создается уникальная среда, в которой человек и его способности становятся центральными факторами развития. Цифровая трансформация, несмотря на свою технологическую основу, фактически зависит от людей и их способности адаптироваться к инновациям. Развитие человеческого капитала и организационные изменения становятся ключевыми факторами успеха в цифровом мире, создавая условия для инноваций, роста и прогресса. Может показаться парадоксальным, но цифровая

трансформация связана не с технологиями, а с людьми и организационными изменениями, т. е. с развитием человеческого капитала. Поэтому организации, стремящиеся к успешной цифровой трансформации, должны активно инвестировать в развитие своих сотрудников, содействуя раскрытию их потенциала и создавая благоприятную среду для постоянного обучения и развития.

В корпоративной практике человеческий капитал признается как жизненно важная и перспективная форма создания и развития объектов интеллектуальной деятельности. Эффективные концептуальные рамки управления интеллектуаль-

ной собственностью посредством развития человеческого капитала должны включать создание всесторонней и прозрачной системы управления интеллектуальными активами, основной целью которой является обеспечение интеллектуальной целостности существующих бизнес-процессов при содействии непрерывному совершенствованию, развитию и модернизации процесса защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, организации могут максимально использовать свои основные компетенции и обратить их на службу повышения конкурентоспособности в контексте инновационной экономики.

Список источников

1. Королев, В. К., Евграфова О. В. Экономическая культура человеческого капитала в методологии междисциплинарного дискурса : моногр. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 18—20.
2. Назюта С. В., Чурсин А. А. Трансформация человеческого капитала и компетенций в интеллектуальную собственность организации. М. : Инновационное машиностроение, 2021. 264 с.
3. Человеческий капитал и эффективный менеджмент / А. Б. Конобеева, С. А. Карташов, С. А. Шапиро [и др.]. М. : Директ-Медиа, 2023. 184 с.
4. INSEAD (2023): The Global Talent Competitiveness Index 2023: What a Difference Ten Years Make What to Expect for the Next Decade Fontainebleau, France. URL: <https://www.insead.edu/system/files/2023—11/gtci-2023-report.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Россия и страны мира. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 113.
6. International Property Rights Index 2023, Property Rights Alliance, 2023. URL: <https://internationalpropertyrightsindex.org/> (дата обращения: 05.06.2024).
7. Ежегодный обзор ПСТ. 2023. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/ip-statistics> (дата обращения: 17.06.2024).
8. Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» — 2023 / Аналитический центр «Эксперт». 2023. URL: <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universi-1?ysclid=ly0p8bd92x74434370> (дата обращения: 16.05.2024).

References

1. Korolev, V.K., Evgrafova O.V. Ekonomicheskaya kul'tura chelovecheskogo kapitala v metodologii mezhdistsiplinarnogo diskursa [Economic Culture of Human Capital in the Methodology of Interdisciplinary Discourse] : monogr. Rostov-na-Donu ; Taganrog : Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020, pp. 18–20.
2. Nazyuta S.V., Chursin A.A. Transformatsiya chelovecheskogo kapitala i kompetentsiy v intellektual'nyuyu sobstvennost' organizatsii [Transformation of Human Capital and Competencies into Intellectual Property of the Organization]. Moscow : Innovatsionnoe mashinostroenie, 2021, 264 p.
3. Konobeeva A.B., Kartashov S.A., Shapiro S.A. i dr. Chelovecheskiy kapital i effektivnyy menedzhment [Transformation of Human Capital and Competencies into Intellectual Property of the Organization]. Moscow: Direkt-Media, 2023, 184 p.
4. INSEAD (2023): *The Global Talent Competitiveness Index 2023: What a Difference Ten Years Make What to Expect for the Next Decade Fontainebleau, France*. Available at: <https://www.insead.edu/system/files/2023—11/gtci-2023-report.pdf> (accessed: 10.06.2024).
5. Rossiya i strany mira. 2023 [Russia and the Countries of the World. 2023] : stat. sb. Moscow: Rosstat, 2023, p. 113.
6. International Property Rights Index 2023, Property Rights Alliance, 2023. Available at: <https://internationalpropertyrightsindex.org/> (accessed: 05.06.2024).
7. Ezhegodnyy obzor PCT. 2023 [PCT Annual Review. 2023]. Available at: <https://www.wipo.int/ru/web/ip-statistics> (accessed: 17.06.2024).
8. Reiting «Indeks izobretatel'skoy aktivnosti rossiyskikh universitetov» – 2023 [Rating «Inventive Activity Index of Russian Universities» - 2023], Analiticheskiy tsentr «Ekspert» [Analytical Center «Expert»]. Available at: <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universi-1?ysclid=ly0p8bd92x74434370> (accessed: 16.05.2024).

Информация об авторах

Ураев Николай Николаевич — доктор экономических наук, руководитель, Акционерное общество «ОКБ КП», Москва, Российская Федерация. E-mail: ggr@okbcp.ru

Мещанин Михаил Дмитриевич — магистрант, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Российская Федерация. E-mail: mikhmeshch@gmail.com

Information about the authors

Nikolay N. Uraev — Doctor of Economic Sciences, Head, Joint Stock Company «SDBCI», Moscow, Russian Federation. E-mail: ggr@okbcp.ru

Mikhail D. Meshchanin — Master's student, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation. E-mail: mikhmeshch@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Анна Сергеевна Лебедева

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, aslebedeva11@gmail.com

Аннотация. На основе систематизации и анализа данных Европейской платформы кластерного сотрудничества представлены особенности кластеризации региональных транспортно-логистических систем, а также описаны характеристики инновационных транспортно-логистических кластеров европейских стран — лидеров кластеризации. В исследовании для определения кластера как дефиниции установлены период интенсивной кластеризации в сфере транспорта и логистики с признаками диспропорции по видам транспорта, комплексный характер деятельности кластеров, с одной стороны, и фокусировка на развитии тех или иных групп инновационных технологий, — с другой, что влияет на состав участников кластеров. Кроме того, выявлены факторы, косвенно свидетельствующие о снижении значимости критерия территориальной близости экономических субъектов.

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, кластеризация, инновационные технологии

Для цитирования: Лебедева А. С. Кластеризация как основа инновационного развития региональных транспортно-логистических систем // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 23—34. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-23-34>

Economic research

Original article

CLUSTERING AS A BASIS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONAL TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEMS

Anna S. Lebedeva

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russian Federation, aslebedeva11@gmail.com

Abstract. On the basis of systematization and analysis of the data of the European Platform for Cluster Cooperation the features of clustering of regional transport and logistics systems are presented, the characteristics of innovative transport and logistics clusters of European countries - leaders of clustering are described. On the one hand, the study establishes the period of intensive clustering in the field of transport and logistics with the signs of disproportion by types of transport, the complex nature of clusters' activities, on the other hand, it highlights the focus on the development of certain groups of innovative technologies, which affects the composition of cluster participants. In addition, the paper reveals the factors indirectly indicating the decreasing importance of the criterion of territorial proximity of economic entities.

Keywords: transport and logistics system, clustering, innovative technologies

For citation: Lebedeva A.S. Clustering as a Basis for Innovative Development of Regional Transport and Logistics Systems. *Territory Development*. 2024;(4):23—34. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-23-34>

Введение

Одним из ключевых направлений стратегического развития мирового сообщества и Российской Федерации является создание конкурентных международных и региональных транспортно-логистических систем (ТЛС) как значимого фактора экономического, социального и технико-технологического прогресса. В связи с этим возникает потребность в установлении таких форм организации территориальных ТЛС, которые позволят повысить ее устойчивость за счет комплексного подхода в решении задач повышения скорости и качества транспортного обслуживания, гармонизации динамики объема транспорт-

ной работы и количества транспортных средств, снижения загруженности транспортных путей, сокращения доли транспортной составляющей в стоимости конечного продукта и др. [1] Реализация данного подхода возможна через создание экосистем, объединяющих основных участников транспортно-логистической и инновационной деятельности, что в условиях высокой конкуренции между экономическими системами стран будет способствовать формированию приоритетного права влияния на экономические явления.

Научным сообществом одной из наиболее результативных форм организации территориальной ТЛС в виде экосистемы представляется кластер.

Практические аспекты кластеризации в целом изучаются такими институтами, как Европейская кластерная обсерватория (European Cluster Observatory), Европейский кластерный альянс (European Cluster Alliance) и Российская кластерная обсерватория. Основной задачей этих институтов является мониторинг существующих и зарождающихся кластеров, формирование информационно-аналитических отчетов для властных структур различного уровня, реализующих кластерную политику.

Однако проблематика формирования транспортно-логистических кластеров (ТЛК) остается малоизученной, несмотря на нарастающий интерес к вопросам, связанным с кластеризацией. В научной зарубежной и отечественной литературе можно выделить два основных направления исследования в отношении кластеризации транспорта и логистики.

Первое направление связано с изучением общих вопросов развития ТЛК. Так, предпосылки, условия и формы их организации рассматриваются в работах таких авторов, как Т. Verduzco-Garza, М. А. Салтыков, Hui Han, E. S. Makarova, M. D. Lukashuk [2—5]. Изучению ТЛК и их влияния на развитие отраслей и регионов страны посвящены работы А. Б. Волынчука, И. А. Крыловой, А. Л. Носова и А. Kirova [6—9].

Второе направление исследований предполагает анализ перспектив и условий формирования ТЛК в конкретной стране и регионе (S. S. Baranowski, E. Busko, S. Shishlo, M. Szymanek, S. Liu, G. Li, F. Jin, H. H. Булатова, А. В. Бабкин, А. А. Satybaldin, B. E. Sadykov, A. T. Moldabekova, Z. B. Akhmetova, Z. Mukhamedova, G. Ibragimova, S. Khudayberganov, A. Bashirova, Sh. Kayumov) [10—14].

Следует отметить, что отсутствие единого понимания сущности ТЛК в исследованиях приводит к ложным гипотезам и подмене понятий различных форм организации территориальных ТЛС между собой. Так, Ю. В. Ясюкевич, Е. В. Ерохина в статье «Особенности транспортно-логистического кластера Калужской области» изучают уже существующий кластер [15], в то время как, по данным Российской кластерной обсерватории, нет ни одного ТЛК с присвоенным официальным статусом на территории Российской Федерации.

Наиболее подходящим для целей данного исследования является определение кластера как региональной экосистемы смежных отраслей и компетенций, характеризующихся широким спектром межотраслевых взаимосвязей. При этом элементы кластера представляются как группы связанных экономических субъектов и учреждений, которые расположены рядом друг с другом и достигли достаточного масштаба для развития специализированных знаний, навыков, услуг и ресурсов [16].

Соответственно, ТЛК как региональная экосистема субъектов рынка транспортно-логистических услуг и взаимодействующих с ними субъектов нацелен не только на повышение эффективности ТЛС региона, но и на формирование устой-

чивого развития транспортной отрасли посредством реализации логистического потенциала территорий, совершенствования транспортной инфраструктуры. Если стратегические цели кластера предполагают ускорение процесса конкретного направления инновационной деятельности в сфере транспорта и логистики, то он относится к инновационному типу (инновационный ТЛК). Наличие двойственных характеристик кластера определяет специфику его структуры, которая должна быть обеспечена производственными, транспортно-логистическими и инновационными ресурсами.

Как правило, авторы рассматривают кластер как наиболее эффективный вариант развития транспортного комплекса конкретной территории, анализируют перспективы и проблемы его формирования без обоснования выбора кластера в качестве наиболее эффективной формы развития ТЛС региона. Действительно, с одной стороны, кластер представляет собой результат естественного взаимовыгодного взаимодействия элементов транспортной и инновационной составляющих. С другой стороны, официальный статус кластера подразумевает наличие формализованной структуры, общей стратегии, государственной поддержки, что ускоряет процессы инновационного развития отрасли территориального образования за счет системности и комплексности решений. Однако в работах не учитывается, что целенаправленное формирование кластера имеет не только положительные эффекты, но и отрицательные (например, наличие существенных затрат для региона, необходимость множественных трансформаций и изменений, влияние на экологию). Поэтому инициирование формирования кластера, требующее значительных ресурсов, должно быть обосновано, а его характеристики четко определены для достижения поставленных целей. В связи с этим возникает потребность в исследовании процесса кластеризации стран-лидеров в данном направлении и выявлении наиболее значимых характеристик с точки зрения инновационного развития транспортно-логистической системы региона.

Методология исследования

Цель исследования заключается в выявлении системных характеристик ТЛК, которые имеют значение для инновационного развития региональной ТЛС и могут являться факторами, определяющими ее эффективность.

В рамках исследования выдвигаются следующие гипотезы:

- наблюдается интенсификация кластеризации в сфере транспорта и логистики;
- преобладает комплексный характер деятельности кластеров в сфере транспорта и логистики;
- существует диспропорция в специализации кластеров по видам транспорта;
- в современных условиях актуальность критерия территориальной близости экономических субъектов для определения ТЛК снижается;

- наблюдается тенденция фокусировки ТЛК на группах инновационных технологий;
- подход к стратегическому управлению инновационным ТЛК взаимосвязан с размером кластера с точки зрения количества участников;
- существуют различия в составе участников для инновационных и неинновационных ТЛК.

Для достижения цели исследования предложена следующая методология:

- описать основные черты кластеризации в сфере транспорта и логистики;
- выявить страны — лидеры кластеризации;
- проанализировать основные характеристики инновационных ТЛК стран-лидеров в сравнении с характеристиками других ТЛК.

В исследовании использованы методы формальной логики, горизонтального, структурно- долевого и корреляционного анализа.

Так как начало процессу формирования и формализации ТЛК было положено в европейских странах, то исследование проведено на основе данных о кластеризации в этих странах. С одной стороны, это позволило получить достаточно большой объем генеральной совокупности анализируемых кластеров, с другой — обеспечило ее однородность за счет схожих социально-экономических, природных условий формирования. Информационная база основана на данных Европейской платформы кластерного сотрудничества и официальных сайтов ТЛК стран Европы.

Результаты исследования

Анализ кластеризации в сфере транспорта и логистики

На сегодняшний день нет единого мирового реестра кластеров. Мониторинг за процессом кластерообразования ведется только в тех странах, где это определено в рамках стратегического развития на государственном уровне или же в рамках деятельности научно-исследовательских

сообществ. Кроме того, на государственном уровне могут учитываться только те кластеры, которым присвоен официальный статус. В то же время для исследования представляет интерес и вновь образующиеся, юридически неоформленные кластеры.

Данное исследование проведено на базе данных Европейской платформы кластерного сотрудничества (The European Cluster Collaboration Platform, ECCP) [16] как наиболее полного актуального на сегодняшний день реестра кластеров. Исходя из данных платформы, сфера транспорта и логистики является одним из направлений деятельности 140 кластеров. При этом 10 из них сформированы не в европейских странах (Индия, Доминиканская Республика, Мексика, Тайвань, Канада, США, ЮАР, Турция) и поэтому могут быть исключены из выборки. Стоит отметить, что сфера транспорта и логистики в данном случае включает не только предоставление услуг по перевозке, хранению и обработке грузов, пассажирское обслуживание, но и разработку и производство транспортных средств, различных устройств и оборудования для них, а также информационное, технологическое обеспечение транспортной деятельности (рис. 1). Это связано с тем, что деятельность кластеров в основном является комплексной по отношению к той или иной сфере, часто включающей не только основное, но и смежные направления деятельности. Так, например, кластер в Испании «CTN — Marine Tecnology Centre» рассматривает транспортировку как одну из составляющих технологии поставки рыбной продукции, а кластер «Cluster Andalusia Smart City» занимается в целом вопросами создания инфраструктуры умных городов, включая энергетику, здоровье, туризм, транспорт и др. Доля кластеров в выборке, для которых транспортно-логистическая деятельность является не основной, составляет 12 %.

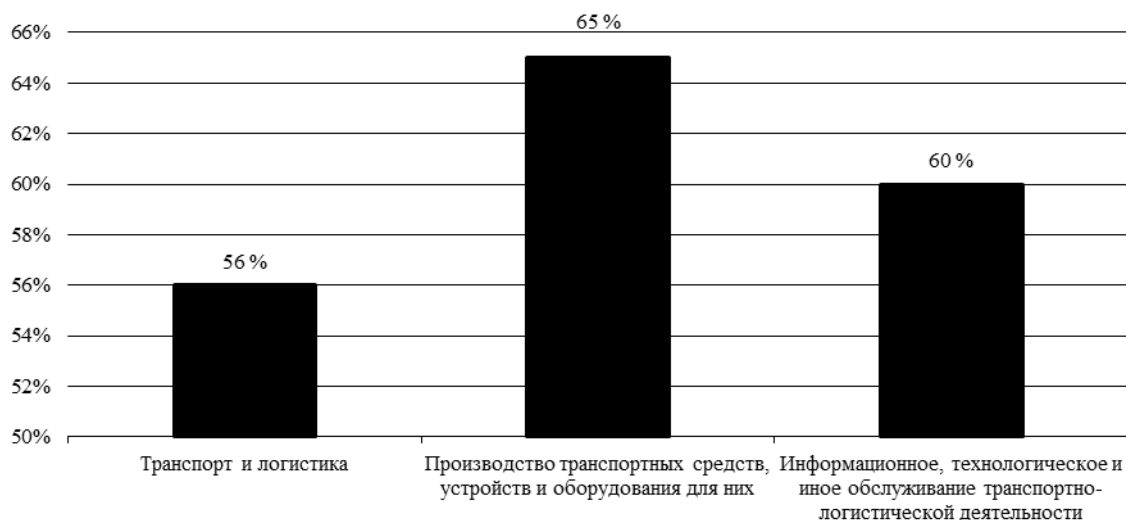

Рис. 1. Структура ТЛК по приоритетным направлениям деятельности (составлено по: [16])
TLC structure by priority areas of activity (compiled from: [16])

Согласно проведенному анализу, непосредственно развитием транспортно-логистического обслуживания занимается 73 кластера из 130, что составляет 56 % от общего количества. При этом только для 15 % из них это является единственным направлением деятельности, остальные (61 кластер) реализуют также производственные и/или обслуживающие задачи. Производством транспортных средств, устройств и оборудования занимается 84 кластера (65 % от общего количества), 88 % из которых сочетают различные направления деятельности. Обслуживающие транспорт и логистику виды деятельности характерны для 78 кластеров (60 % от общего количества), для 95 % из них это не единственное направление.

Таким образом, только 20 % кластеров специализируются на одном из видов деятельности,

80 % решают комплексные задачи транспортно-логистической отрасли. При этом 10 % кластеров осуществляют деятельность сразу по трем направлениям (например, «Logistics in Wallonia», «ACstyria Mobilitätscluster»): три кластера данного вида расположены в Германии, три — в Испании и по одному кластеру — в Бельгии, Италии, Швеции, Нидерландах, Румынии, Австрии и Великобритании. Это подтверждает гипотезу о комплексном характере деятельности кластеров в сфере транспорта и логистики.

Отметим, что общемировая кластеризация в сфере транспорта и логистики происходит медленнее, чем в других сферах (например, в сфере информационных технологий, образовании, пищевой промышленности, биофармацевтике) (рис. 2).

Рис. 2. Направления кластеризации в странах Европы (составлено по: [16])
Directions of clustering in European countries (compiled from: [16])

В то же время в результате действия государственных программ и расстановки стратегических приоритетов по формированию единого транспортного пространства, инновационному развитию транспортно-логистических комплексов стран доля кластеров, одним из направлений деятельности которых является транспорт и логистика, увеличилась до 7—8 % от общего количества кластеров, что является достаточно высоким показателем по сравнению с другими отраслями.

Анализ динамики образования ТЛК свидетельствует о наличии тенденции к активной кластеризации с 2004 г. (рис. 3).

Наибольшее количество кластеров в сфере транспорта и логистики было образовано в 2005 г., 2008 г., 2009 г., 2011 г., 2012 г. и 2016 г., преимущественно в странах ЕС: в Германии, Болгарии, Польше, Испании, Дании, Франции, Италии. Самые первые ТЛК были образованы в Нидерландах (1976 г.), Испании (1989 г., 1995 г.), Италии (1994 г.), Австрии (1995 г.).

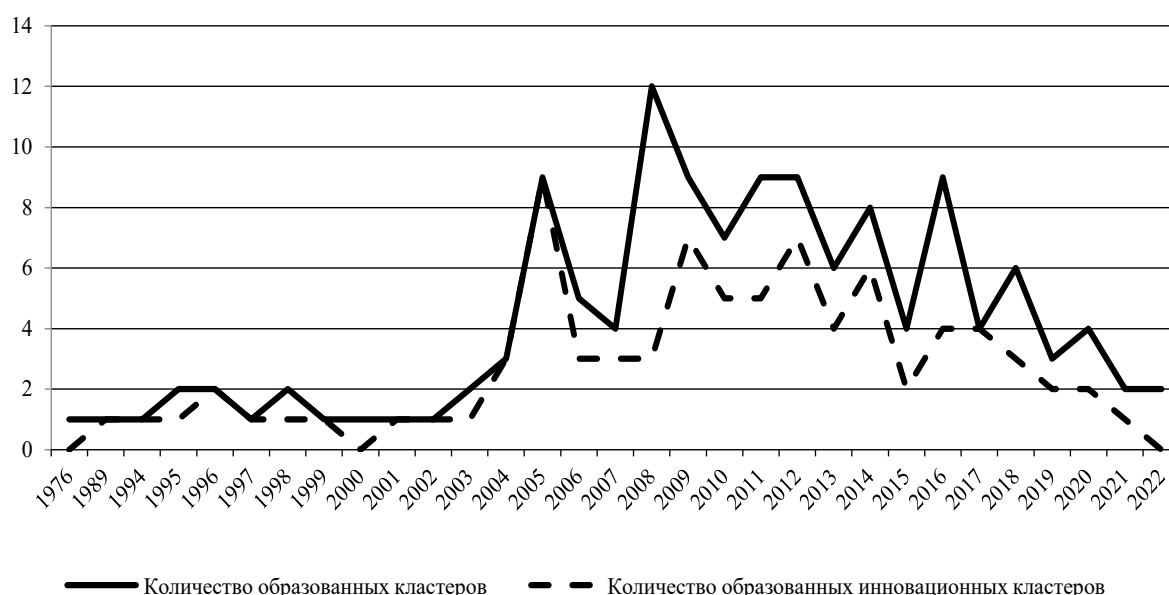

Рис. 3. Динамика образования ТЛК в странах Европы, ед. (составлено по: [16])
Dynamics of TLC formation in European countries, units (compiled from: [16])

С 2017 г. наблюдается тенденция к замедлению образования ТЛК в европейских странах, что может свидетельствовать о достижении достаточно высокого уровня кластеризации регионов, а также о наличии факторов, негативно влияю-

щих на кластеризацию, такие как пандемия COVID-19 и экономико-политическая ситуация. Представим данные о концентрации ТЛК в некоторых странах Европы (табл. 1).

Таблица 1

Концентрация ТЛК в странах Европы
TLC concentration in European countries

Страна	Площадь страны, 10 000 км ²	Количество кластеров в сфере транспорта и логистики	Плотность кластеров на 10 000 км ²
Испания	49,7304	21	0,42
Германия	35,7021	17	0,48
Франция	54,7030	15	0,27
Италия	30,1340	11	0,37
Польша	31,2685	10	0,32
Дания	4,3094	6	1,39
Норвегия	32,4220	5	0,15
Швеция	44,9964	4	0,09
Болгария	11,0910	4	0,36
Великобритания	24,4820	4	0,16
Австрия	8,3871	3	0,36
Бельгия	3,2545	2	0,61
Эстония	4,5226	2	0,44
Чехия	7,8866	2	0,25
Португалия	9,2082	2	0,22
Греция	13,1940	2	0,15
Румыния	23,7500	2	0,08
Мальта	0,0316	1	31,65
Люксембург	0,2586	1	3,87
Нидерланды	4,1526	1	0,24
Словакия	4,8845	1	0,20

Примечание. Составлено по: [16 ; 17].
Note. Compiled from: [16 ; 17].

Наибольшее количество кластеров сосредоточено в Испании, Германии, Франции, Италии и Польше. На территории этих стран располагается 60 % ТЛК с плотностью 0,38 кластера на 10 000 км². Высокую плотность кластеров можно заметить в странах с относительно небольшой площадью территории: Мальта и Люксембург. Высокий показатель плотности кластеров характерен и для таких стран, как Дания, Бельгия, Испания, Германия и Италия. Общая плотность ТЛК в Европе составляет около 0,13 кластера на 10 000 км² исходя из общей площади 9,8 млн км² [18].

Высокая концентрация ТЛК на территории ЕС внутриконтинентального и портового типа определяется значительным уровнем развития транспортной инфраструктуры ЕС, интенсивностью внедрения инновационных технологий, в том числе в направлении обеспечения высокоскоростного сообщения и безопасности. Сфера транспор-

та и логистики обеспечивает 10 % ВВП ЕС, доля транспортно-логистических услуг составляет более 40 % в общем обороте. Это обуславливает важность развития транспортно-логистической сферы для экономики государств [2].

На формирование системы ТЛК в ЕС повлияло два основных фактора. Первый фактор заключается в стандартизации процесса кластеризации посредством разработки таких документов, как Манифест кластеризации в странах ЕС, Европейский кластерный меморандум. Созданные регламенты обеспечили основу для реализации принципов гармонизации и стабильности в процессе создания региональных систем кластеров. Второй фактор заключается в финансировании со стороны государства и частного сектора, преимущественно в техническое оснащение и модернизацию портовых инфраструктур, что отразилось на специализации кластеров по видам транспорта (табл. 2).

Таблица 2

Специализация кластеров по видам транспорта
Cluster's specialization of clusters by types of transport

Специализация по видам транспорта	Доля кластеров, %
Нет специализации	28
Водный	28
Воздушный	12
Железнодорожный	10
Автомобильный	5
Автомобильный + железнодорожный	5
Автомобильный + железнодорожный + трубопроводный	3
Автомобильный + воздушный	2
Автомобильный + железнодорожный + водный	2
Автомобильный + железнодорожный + воздушный	2
Автомобильный + железнодорожный + водный + трубопроводный	2
Автомобильный + трубопроводный	2
Автомобильный + водный	1

Примечание. Составлено по: [16].
Note. Compiled from: [16].

Почти треть кластеров не выделяют какой-либо транспорт в качестве специализации, что также означает комплексный подход к решению проблем сферы транспорта и логистики. Водный транспорт как одну из специализаций указывают 41 кластер, что составляет 31,5 %, железнодорожный и автомобильный — по 29 кластеров (22 %), воздушный — 20 кластеров (15 %), трубопроводный — 8 кластеров (6 %). При этом на решении вопросов, связанных только с водным транспортом, специализируются 28 % кластеров, что более чем в два раза превышает количество кластеров, специализирующихся на других видах транспорта. Всего 5 % кластеров отдают предпочтение автотранспорту, что компенсируется десятикратностью ТЛК, направленной на решение проблем сразу нескольких видов транспорта. Например, к таким кластерам относятся «Cluster Transport, Mobility and Logistics Berlin-

Brandenburg», «CARA — European Cluster for mobility solutions» и др. В меньшей степени уделяется внимание трубопроводному транспорту, что связано со спецификой видов транспортируемого груза. Таким образом, можно говорить о наличии диспропорции в кластеризации сферы транспорта и логистики: разница между максимальным и минимальными значениями составляет 25,5 п. п., между ближайшими значениями — 7—10 п. п.

Еще одной важной тенденцией в развитии ТЛК является их интернационализация, которая выражается в стремлении формировать межстрановое взаимодействие и создавать коллаборации с другими кластерами. Так, 83 % кластеров отмечают, что сотрудничают в разных направлениях с другими странами, участвуя в совместных программах и проектах. При этом 88 % кластеров рассматривают интернационализацию как одну из главных задач своей стратегии и организуют тре-

нинги для укрепления существующих партнерских отношений, участвуют в мероприятиях и ярмарках для поиска новых стратегических партнеров.

В рамках анализа компаний — участников кластеров было выявлено, что 29 кластеров включают в свой состав зарубежные компании (табл. 3).

Таблица 3

Зарубежные компании — участники ТЛК
Foreign participants in TLC

ТЛК	Страна ТЛК	Зарубежные компании — участники ТЛК
Logistics in Wallonia	Бельгия	Arcelor Mittal, Германия FedEx, Германия
DITECFER District for Rail Technologies, High Speed, Networks' Safety & Security	Италия	Thales Italia S.p.A., Германия
CARA	Франция	IVECO, Германия
CITET Innovation Cluster for Sustainable Freight Delivery	Испания	ALLISON TRANSMISSION EUROPE B.V., Нидерланды PTV GROUP, Германия SIEMENS, Германия
Cluster Electric Mobility South-West	Германия	Pôle Véhicule du Futur, Франция
Cluster GAT CARAIBES Logistique et Transports	Франция	Caribbean Maritime University, Ямайка
Järnvägscluster, Railway cluster of Sweden	Швеция	Bombardier, Франция COWI, Германия
LODZistics Logistics Business Network of Central Poland	Польша	RABEN Logistics, Германия
MAFEX	Испания	CAF, Нидерланды Bombardier, Франция IDOM, Дания INGEteam, Польша
NAG	Нидерланды	AkzoNobel Aerospace Coatings, Германия Vanderlande Industries, Германия
In-Move by Railgrup	Испания	ALSTOM, Германия SIEMENS, Германия IDOM, Дания
Railway Cluster for South-East Europe	Сербия	SIEMENS, Германия
Smart Logistics Cluster	Германия	Ad Ultima Group, Бельгия Bossard, Швейцария Elisa, Финляндия Enlighted, США LogObject, Швейцария
Swedish Maritime Technology Forum	Швеция	Saab AB, Германия
Team Humber Marine Alliance	Великобритания	DFDS, Германия
Cluster Mechatronik Tirol	Австрия	Steva Hemp, Италия
MADRID AEROSPACE CLUSTER	Испания	AIRBUS, Германия INDRA, Бразилия
Arctic Cluster Team (ACT Cluster)	Норвегия	The Quartz Corp, США Washington Mills, Великобритания
Swedish Maritime Technology Forum	Швеция	Saab AB, Германия
VIKEN Technology Cluster 4.0	Норвегия	Folla Tech, Швеция Wärtsilä, Германия
Pôle Mer Méditerranée — Business & Innovation Sea Cluster	Франция	Thales, Германия
Pôle Véhicule du Futur	Франция	Faurecia, Германия ALSTOM, Германия LISI Automotive, Германия
Hauts-de-France Automotive Cluster	Франция	Toyota, Польша Faurecia, Германия PSA, Испания Plastic Omnium, Германия
Railway Innovation Hub	Испания	Thales, Германия SIEMENS, Германия
North East Automotive Alliance Limited	Великобритания	Lear Corporation, Германия SNOP UK Ltd — FSD Group, Франция BorgWarner Limited, Германия Cummins, Германия Magna Exteriors, Германия
MESAP Innovation Cluster — Smart Products and Manufacturing	Италия	Comau, Германия Thales Alenia Space, Швейцария

ТЛК	Страна ТЛК	Зарубежные компании — участники ТЛК
COMET SCRL — Mechanical Engineering Cluster Friuli Venezia Giulia	Италия	Wärtsilä, Германия Gazibilisim, Турция
Birmingham Railway Innovation Cluster	Великобритания	Neting Institute, Северная Македония
ACstyria Mobilitätscluster	Австрия	AVL List GmbH, Германия Voestalpine AG, Германия

Примечание. Составлено по: [16].

Note. Compiled from: [16].

Так, компания SIEMENS (Германия) отмечена в качестве участника сразу четырех кластеров, расположенных в Испании и Сербии: «CITET Innovation Cluster for Sustainable Freight Delivery» (Испания), «In-Move by Railgrup» (Испания), «Railway Cluster for South-East Europe» (Сербия), «Railway Innovation Hub» (Испания). Немецкие компании чаще остальных входят в состав кластеров других стран: в 22 случаях из 29 выявленных. В деятельности зарубежных ТЛК участвуют и компании Франции, Дании, Бельгии, Нидерландов, Великобритании, Польши, Швейцарии, Финляндии, Италии, Турции, США, Ямайки, Бразилии и Северной Македонии.

Это свидетельствует о снижении значимости признака территориальной связанности для определения сущностных характеристик кластера несмотря на то что они могут взаимодействовать через филиалы на территории расположения кластера (данная информация не доступна для исследования). Причиной этому является развитие информационно-коммуникационных технологий и виртуальных форм сотрудничества, что снижает барьеры в создании единых организационных

структур на разных территориях для достижения общих целей. Именно общие цели участников кластеров формируют приоритетные области и технологии для развития.

Исследование основных характеристик инновационных ТЛК

В последние несколько лет наблюдается тенденция к выделению в особую категорию инновационных ТЛК, инициаторами создания которых, как правило, являются научно-исследовательские организации, выполняющие задачи инновационной стратегии развития региона. В результате изучения направлений деятельности, специализации и стратегий были выделены кластеры в сфере транспорта и логистики, целью которых является развитие и внедрение групп инновационных транспортных технологий.

Представим данные о доли инновационных кластеров, расположенных на территории стран с количеством ТЛК более трех (страны — лидеры кластеризации (см. табл. 1)), а также результаты аналогичного исследования автора, проведенного в 2021 г. (табл. 4).

Таблица 4

Доля инновационных кластеров в общем количестве ТЛК стран — лидеров кластеризации
The share of innovative clusters in the total number of TLCs in the European clustering countries-leaders

Страна	Доля инновационных кластеров в общем количестве ТЛК, 2024 г., %	Доля инновационных кластеров в общем количестве ТЛК, 2021 г., %
Испания	76	64
Германия	88	83
Франция	93	78
Италия	91	50
Польша	50	43
Дания	67	60
Норвегия	100	50
Швеция	100	33
Болгария	100	67
Великобритания	100	50

Примечание. Составлено по: [17].

Note. Compiled from: [17].

Доля инновационных кластеров за 2021—2024 гг. увеличилась, что определено высокой скоростью научно-технического прогресса, возрастающей потребностью в транспортных технологиях, так как интенсификация инновационной

деятельности необходима для повышения конкурентоспособности регионов на мировом рынке.

Рассмотрим подробно инновационные ТЛК стран-лидеров с целью выявления их особенностей.

Первые из анализируемых инновационных кластеров «FLUIDEX», «UNIPORTBILBAO», «Federation of the Sea» были основаны в Испании и Италии до 1995 г. Основной период образования инновационных ТЛК (80 % кластеров) приходится на 2004—2018 гг. Наиболее высокая интенсивность формирования инновационных ТЛК наблюдалась в 2005 г., 2009 г. и 2012 г. В целом динамика создания инновационных кластеров соответствует общей динамике образования ТЛК и имеет циклический характер, что связано с подъемами и спадами в экономике стран, стратегическими решениями в сфере транспорта и логистики (см. рис. 1).

Большинство исследуемых кластеров функционируют в качестве зарегистрированных ассоциаций, некоммерческих организаций (76 %). Некоторые ТЛК имеют такие формы организации, как государственно-частное партнерство, коммерческая организация с ограниченной ответственностью участников, зарегистрированная благотворительная организация. Кроме того, кластер может не иметь юридического оформления и организационно-правовой формы (например, «Smart Logistics Cluster»).

Независимо от формы организации исследуемые инновационные ТЛК характеризуются наличием формализованной стратегии развития.

Только 7 % кластеров не имеют формализованной стратегии развития. В эту группу входят как небольшие кластеры с 21 участником («Cluster Green Transport»), так и кластеры, в состав которых входят 200—420 участников. Существенной корреляции между наличием формализованной стратегии и количеством участников кластера не обнаружено ($r = -0,04$). С точки зрения стратегических задач кластеры фокусируются на развитии тех или иных групп инновационных технологий, стимулировании взаимодействия между участниками в рамках инновационных проектов, а также интернационализации (87 %). Взаимосвязи между количеством участников и фокусом стратегии также не наблюдается ($r = 0,21$). Управление инновационными ТЛК, как правило, осуществляется командой до 5 человек, в 18 % случаев команда составляет от 6 до 10 человек, и только в 7 % управляющий состав может включать 11—20 человек. Сильной взаимосвязи между численностью управляющей команды и количественным составом ТЛК не выявлено ($r = 0,24$). Соответственно, подход к стратегическому управлению ТЛК не связан с размером кластера с точки зрения количества его участников.

Отметим, что в исследовании представлены кластеры с количеством участников от 16 до 827 (рис. 4).

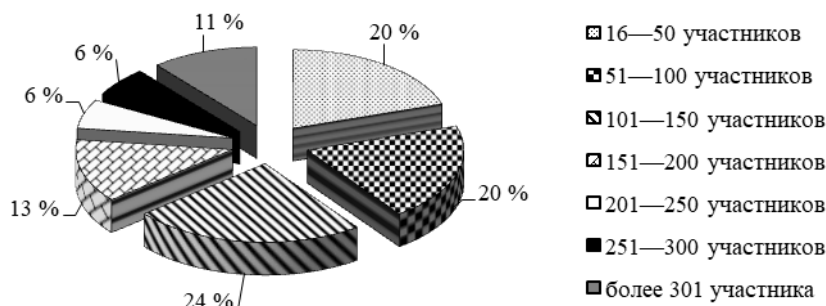

Рис. 4. Распределение инновационных ТЛК стран Европы по количеству участников (составлено по: [16])
Distribution of innovative TLCs in Europe by the number of participants (compiled from: [16])

Наиболее крупные кластеры с количеством участников более 350 компаний расположены в Германии и Франции.

В составе кластера «Aerospace Valley» (Франция) зарегистрировано 828 организаций, в них входят 100 стартапов, 22 научно-исследовательские организации. С 2005 г. кластер инициировал около 220 исследовательских проектов с общим бюджетом в 460 млн евро, включая государственное финансирование в размере 204 млн евро. Кластер разрабатывает технологии на воздушном пассажирском и беспилотном транспорте. Специализация включает следующие разработки: большие данные и искусственный интеллект; структуры, материалы и процессы; информационно-коммуникационные системы; двигательные установки и встроенные источники энергии; решения для фабрики будущего [19].

Во Франции также находится «MOV'EO» (ТЛК «NextMove»). Он специализируется на разработке

интегрированных, интеллектуальных транспортных систем в сфере автомобильного транспорта. Из 570 участников кластера 150 являются крупными организациями, 35 — научно-исследовательскими, 150 — стартапами.

Еще один крупный ТЛК «Cluster Transport, Mobility and Logistics Berlin-Brandenburg» с количеством участников 630 расположен в Германии. В его состав входит 80 крупных компаний, 70 научно-исследовательских организаций. Деятельность направлена на внедрение инноваций автомобильного и железнодорожного транспорта, а также на развитие аэрокосмических технологий.

К особенностям (специфике) инновационных ТЛК следует отнести и наличие достаточно большого количества организаций, осуществляющих научно-исследовательскую, проектно-конструкторскую деятельность, а также стартапов. Так, инновационные кластеры обеспечивают рост 1 063 стартапов (13 % от малых и средних компа-

ний-участников). В их состав входит 1 234 научно-исследовательские организации (10 % от общего количества участников). Аналогичные показатели по неинновационным кластерам исследуемых стран составляют 3,6 и 7 % соответственно.

В рамках деятельности инновационных ТЛК осуществляются инновационные разработки в следующих направлениях:

- автоматизация, робототехника;
- экологическая безопасность на транспорте;
- интегрированные транспортные системы;
- высокоскоростной транспорт;
- электротранспорт, гибридные виды транспорта, возобновляемые источники энергии;
- системы и технологии безопасности на транспорте;
- цифровые транспортные технологии, информационные или коммуникационные технологии;
- интеллектуальные транспортные системы, умный транспорт;
- удаленное техническое обслуживание и мониторинг;
- беспилотные транспортные средства, дистанционно управляемые летательные аппараты;
- технологии интермодальных перевозок;
- технологии складской логистики и вспомогательных сервисов.

Кластеры, как объединение экономических субъектов, сами по себе тяготеют к дальнейшим коллаборациям и альянсам, к интернациональному и транснациональному взаимодействию с другими кластерами и участию в международных программах. Так, ТЛК Германии, Франции и Испании сотрудничают с Канадой, Японией, Китаем, Великобританией, Арабскими Эмиратами, США, Сингапуром, Мексикой, Турцией, Бразилией и др.; 70 % инновационных кластеров задействованы в международных программах (FP7, H2020, CIP/COSME, INTERREG, EIT KICs и др.) и образуют стратегические кластерные партнерства (Moving the Future, PERES, Transport Innovation Network, European Railway Clusters Initiative и др.).

Таким образом, к особенностям (специфике) инновационных ТЛК можно отнести функционирование в форме зарегистрированной организации; наличие формализованной стратегии; значительную долю научно-исследовательских организаций в общем количестве участников; значительную долю стартапов в общем количестве малых и средних компаний-участников; основные направления деятельности, которые связаны с актуальными инновационными технологиями в сфере транспорта и логистики; интернациональное и транснациональное взаимодействие с другими кластерами; участие в международных программах с учетом направления деятельности ТЛК.

Заключение

В результате исследования выявлен период активной кластеризации сферы транспорта и логистики с 2004 г., преимущественно в странах ЕС.

Это обусловлено рядом факторов: высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры ЕС, интенсивностью внедрения инновационных технологий, стандартизацией и регламентацией процессов кластеризации в сфере транспорта, активной поддержкой государства и частного сектора в виде инвестиций. Однако к 2020 г. интенсивность образования ТЛК снизилась до 1—2 кластеров в год, что не подтверждает гипотезу о восходящем тренде кластеризации в сфере транспорта и логистики.

Для существующих ТЛК свойствен комплексный характер деятельности сразу по таким направлениям, как транспортно-логистические услуги; производство транспортных средств, устройств и оборудования; информационное, технологическое и иное обслуживание транспортно-логистической деятельности. Выявлены признаки диспропорции в кластеризации по видам транспорта: водный транспорт является специализацией 28 % ТЛК, что в два раза превышает количество кластеров, специализирующихся на других видах транспорта.

Гипотеза о снижении актуальности критерия территориальной близости экономических субъектов для определения ТЛК не может быть окончательно подтверждена или опровергнута в рамках исследования ввиду недостатка исходных данных для анализа. Однако факт наличия зарубежных стран-участников в составе ТЛК подтвержден, что косвенно свидетельствует о снижении барьера географического расположения для внутрикластерного взаимодействия.

В результате исследования направлений деятельности, специализаций и стратегий были выделены инновационные ТЛК. Доля инновационных кластеров в общем количестве ТЛК стран — лидеров кластеризации превышает 50 %. Доля инновационных кластеров за 2021—2024 гг. увеличилась, что свидетельствует о наличии тенденции к фокусировке ТЛК на инновационных технологиях и подтверждает выдвинутую гипотезу.

Изучение таких характеристик инновационных ТЛК стран-лидеров, как период образования, форма организации, стратегическое управление, количество участников, доля научно-исследовательских организаций и стартапов, активность международного взаимодействия с другими странами и кластерами, позволило выявить особенности инновационных ТЛК. Они преимущественно осуществляют деятельность в форме зарегистрированной организации согласно разработанной стратегии. Однако форма регистрации, наличие стратегии, фокус на интернационализацию, количество управляющих не связаны с размером кластера по количеству компаний-участников. Специфика инновационной деятельности влияет на состав участников, в котором особую роль играют научно-исследовательские организации и стартапы. Кроме того, выявлено, что инновационные ТЛК специализируются на разработке и внедрении актуальных инновационных транспортных технологий, а также развивают интерна-

циональное и транснациональное взаимодействие с другими кластерами, активно участвуют в международных программах.

Точность и достоверность результатов исследования может быть повышена за счет формирования полной базы существующих ТЛК мира с отдельной группировкой кластеров по уровню инновационности, так как представленная на Европейской платформе кластерного сотрудничества информация относится в основном к странам ЕС и может быть не полной в контексте отдельного кластера.

Несмотря на это, исследования могут стать основой для разработки комплексной методологии и методического инструментария управления эффективностью транспортно-логистических систем стран и регионов на основе кластеризации на региональном и федеральном уровне. Так, выявленные характеристики и тенденции позволяют определить наиболее значимые факторы и показатели развития региональных систем ТЛК с последующим моделированием их целевого значения для повышения эффективности транспортно-логистической системы страны.

Список источников

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.
2. Салтыков М. А. Типология пространственно-экономических форм морских портовых агломераций // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 62—75.
3. Hui Han. A review and a model for logistics clusters// International Journal of Logistics Systems and Management. 2019. Vol. 33, no. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/324153015_A_review_and_a_model_for_logistics_clusters (дата обращения: 04.11.2023).
4. Makarova E. S., Lukashuk M. D. The approach of the transport & logistics cluster model development // IOP Conference Series Materials Science and Engineering. 2020. 709(2):022045. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92426/1/10.1088-1757-899X-709-2-022045.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
5. Verduzco-Garza T. A logistics and transportation Cluster Initiative: A Theoretical framework // 18th TCI Global Conference, Daegu, South Korea. 2015. Vol. 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/290447748_A_logistics_and_transportation_Cluster_Initiative_A_Theoretical_framework (дата обращения: 03.11.2023).
6. Волычук А. Б., Крылова И. А. Транспортно-логистический кластер как инструмент развития периферийных территорий // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 72—77.
7. Носов А. Л. Кластерный подход к логистике в условиях инновационной экономики // Инновационное развитие экономики. 2018. № 2 (44). С. 62—66.
8. Носов А. Л. Логистические кластеры в России // Логистика сегодня. 2018. № 2. С. 106—112.
9. Kirova A. Logistics clusters and their potential for economic development // MEST Journal. 2024. Vol. 12 (1). P. 26—33. URL: https://www.researchgate.net/publication/377994247_LOGISTICS_CLUSTERS_AND_THEIR_POTENTIAL_FOR_ECONOMIC_DEVELOPMENT?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6ImhvbWUicLJwYWdlIjoic2VhcmNoIiwicG9zaXRpb24iOiJwYWdlSGVhZGVyIn19 (дата обращения: 10.12.2023).
10. Булатова Н. Н., Бабкин А. В. Перспективы формирования транспортно-технологических систем региона (на примере Республики Бурятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 106—120.
11. Cluster Analysis of the Transport and Logistics Potential of the Regions of Kazakhstan / A. A. Satybaldin, B. E. Sadykov, A. T. Moldabekova, Z. B. Akhmetova // The economy strategy and practice. 2022. No. 17 (4). URL: https://www.researchgate.net/publication/366864400_Cluster_Analysis_of_the_Transport_and_Logistics_Potential_of_the_Regions_of_Kazakhstan (дата обращения: 05.12.2023).
12. Liu S., Li G., Jin F. Quantitative measurement and development evaluation of logistics clusters in China// Journal of Geographical Sciences. 2018. No. 73. P. 1540—1555. URL: https://www.researchgate.net/publication/329031935_Quantitative_measurement_and_development_evaluation_of_logistics_clusters_in_China (дата обращения: 05.11.2023).
13. Creation of transport and logistics clusters on railway networks / Z. Mukhamedova, G. Ibragimova, S. Khudayberganov, A. Bashirova, Sh. Kayumov // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 401 (S6). URL: https://www.researchgate.net/publication/372283415_Creation_of_transport_and_logistics_clusters_on_railway_networks (дата обращения: 10.01.2024).
14. Formation Mechanism of Logistics Cluster in Belarus / S. S. Baranowski, E. Busko, S. Shishlo, M. Szymanek // Agriculture and Agricultural Science Procedia 7. 2015. P. 12—20. URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/22344/1/Baranowski_Formation.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
15. Ясюкевич Ю. В., Ерохина Е. В. Особенности транспортно-логистического кластера Калужской области // Научные ведомости. Серия: Экономика. Информатика. 2019. Т. 46, № 1. С. 71—77.
16. Европейская платформа кластерного сотрудничества. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/cluster-definitions> (дата обращения: 20.11.2023).
17. Информационный портал. URL: <https://infotables.ru/strany-i-goroda/19-tablitsa-ploshchad-territorij-stran-mira> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/evropa-105dbe> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Кластер «Aerospace Valley» : [офиц. сайт]. URL: <https://www.aerospace-valley.com/> (дата обращения: 13.02.2024).

References

1. Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation]: utv. Ukazom Prezidenta Ros. Federatsii ot 28 February 2024 g. no. 145, *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 10, st. 1373.

2. Saltykov M.A. Tipologiya prostranstvenno-ekonomicheskikh form morskikh portovykh aglomeratsiy [Typology of Spatial-Economic Forms of Sea Port Agglomerations] // *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2019, no. 1, pp. 62–75.
3. Hui Han. A review and a model for logistics clusters, *International Journal of Logistics Systems and Management*, 2019, vol. 33, no. 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324153015_A_review_and_a_model_for_logistics_clusters (accessed: 04.11.2023).
4. Makarova E.S., Lukashuk M.D. The approach of the transport & logistics cluster model development, *IOP Conference Series Materials Science and Engineering*, 2020, 709(2). Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92426/1/10.1088-1757-899X-709-2-022045.pdf> (accessed: 07.11.2023).
5. Verduzco-Garza T. A logistics and transportation Cluster Initiative: A Theoretical framework, *18th TCI Global Conference, Daegu, South Korea* 2015, vol. 18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/290447748_A_logistics_and_transportation_Cluster_Initiative_A_Theoretical_framework (accessed: 03.11.2023).
6. Volynchuk A.B., Krylova I.A. Transportno-logisticheskii klaster kak instrument razvitiya periferiynykh territoriy repitorniy [Transport and Logistic Cluster as a Tool of Development of Peripheral Territories], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2018, no. 6, pp. 72–77.
7. Nosov A.L. Klasternyy podkhod k logistike v usloviyakh innovatsionnoy ekonomike [Cluster Approach to Logistics in the Context of the Innovation Economy], *Innovatsionnoe razvitiye ekonomiki* [Innovative Development of Economy Journal], 2018, no. 2 (44), pp. 62–66.
8. Nosov A.L. Logisticheskie klasteri v Rossii [Logistics Clusters in Russia], *Logistika segodnya* [Logistics Today], 2018, no. 2, pp. 106–112.
9. Kirova A. Logistics clusters and their potential for economic development, *MEST Journal*, 2024, vol. 12 (1), pp. 26–33. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377994247_LOGISTICS_CLUSTERS_AND_THEIR_POTENTIAL_FOR_ECONOMIC_DEVELOPMENT?tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6ImhvbWUiLCJwYXNlIjoic2VhcmNoIiwicG9zaXRpb24iOiJwYXNlSGVhZGVyIn19 (accessed: 10.12.2023).
10. Bulatova N.N., Babkin A.V. Perspektivy formirovaniya transportno-tekhnologicheskikh sistem regiona (na primere Respubliki Buryatiya) [Prospects of Development of Transport and Technological Logistics Systems in the Region (on Example of Republic of Buryatia)], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management], 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 106–120.
11. Satybaldin A.A., Sadykov B.E., Moldabekova A.T., Akhmetova. Z.B. Cluster Analysis of the Transport and Logistics Potential of the Regions of Kazakhstan, *The economy strategy and practice*, 2022, no. 17 (4). Available at: https://www.researchgate.net/publication/366864400_Cluster_Analysis_of_the_Transport_and_Logistics_Potential_of_the_Regions_of_Kazakhstan (accessed: 05.12.2023).
12. Liu S., Li G., Jin F. Quantitative Measurement and Development evaluation of Logistics Clusters in China, *Journal of Geographical Sciences*, 2018, no. 73, pp. 1540–1555. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329031935_Quantitative_measurement_and_development_evaluation_of_logistics_clusters_in_China (accessed: 05.11.2023).
13. Mukhamedova Z., Ibragimova G., Khudayberganov S., Bashirova A., Kayumov Sh. Creation of Transport and Logistics Clusters on Railway Networks, *E3S Web of Conferences*, 2023, vol. 401 (S6). Available at: https://www.researchgate.net/publication/372283415_Creation_of_transport_and_logistics_clusters_on_railway_networks (accessed: 10.01.2024).
14. Baranowski S., Busko E., Shishlo S., Szymanek M. Formation Mechanism of Logistics Cluster in Belarus, *Agriculture and Agricultural Science Procedia* 7, 2015, pp. 12–20. Available at: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/22344/1/Baranowski_Formation.pdf (accessed: 03.11.2023).
15. Yasyukevich Yu.V., Erokhina E.V. Osobennosti transportno-logisticheskogo klastera Kaluzhskoy oblasti [Features of Transport and Logistics Cluster of the Kaluga Area], *Nauchnye vedomosti. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific Papers. Series: Economics. Informatics], 2019, vol. 46, no. 1, pp. 71–77.
16. *Evropeyskaya platforma klasternogo sotrudnichestva* [European Platform for Cluster Collaboration]. Available at: <https://www.clustercollaboration.eu/cluster-definitions> (accessed: 20.11.2023).
17. *Informatsionnyy portal* [Information Portal]. Available at: <https://infotables.ru/strany-i-goroda/19-tablitsa-ploshchad-territoriy-stran-mira> (accessed: 15.01.2024).
18. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Big Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/evropa-105dbe> (accessed: 15.01.2024).
19. *Klaster «Aerospace Valley»* : [ofits. sayt]. Available at: <https://www.aerospace-valley.com/> (accessed: 13.02.2024).

Информация об авторе

Лебедева Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой управления бизнес-технологиями, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: aslebedeva11@gmail.com

Information about the author

Anna S. Lebedeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Business Technology Management, St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: aslebedeva11@gmail.com

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

ОБОСНОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ АКТИВОВ КРУПНЫХ, СРЕДНИХ И МАЛЫХ КОРПОРАЦИЙ ОСНОВНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ АГЕНТАМИ

Марина Викторовна Галазова

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алаания, Российская Федерация, galazovam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2224-7605>

Аннотация. Выбор финансовых показателей оценки состояния активов крупных, средних и малых корпораций с учетом интересов основных экономических агентов позволит обеспечить объективность, разносторонность, универсальность оценки, что, несомненно, подтверждает актуальность исследования. Цель данного исследования заключается в обосновании и предложении инструментария оценки состояния активов крупных, средних и малых корпораций, учитывающего интересы ключевых стейкхолдеров. В исследовании рассмотрены труды российских и зарубежных авторов, выделяющих разные показатели оценки финансового состояния корпораций при рассмотрении вопросов управления активами. Кроме того, в работе представлен инструментарий оценки состояния активов крупных, средних и малых корпораций, учитывающий интересы каждого из стейкхолдеров, ориентированный на обеспечение результативности управления активами. Сформирован комплекс финансовых показателей оценки состояния активов корпораций с позиции ключевых экономических агентов. Общими универсальными для всех являются показатели финансовой автономии, модели чистой прибыли на собственный капитал.

Ключевые слова: активы, крупные, средние, малые корпорации, финансовая автономия, модель чистой прибыли на собственный капитал, экономические агенты, стейкхолдеры

Для цитирования: Галазова М. В. Обоснование финансовых показателей оценки состояния активов крупных, средних и малых корпораций основными экономическими агентами // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 35—41. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-35-41>

Economic research

Original article

SUBSTANTIATION OF FINANCIAL INDICATORS FOR ASSESSING THE STATE OF ASSETS OF LARGE, MEDIUM AND SMALL CORPORATIONS BY THE MAIN ECONOMIC AGENTS

Marina V. Galazova

K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia—Alania, Russian Federation, galazovam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2224-7605>

Abstract. The choice of financial indicators for assessing the state of assets of large, medium and small corporations, taking into account the interests of the main economic agents, will ensure objectivity, versatility and universality of the assessment, which undoubtedly confirms the relevance of the study. The purpose of this study is to substantiate and propose a toolkit for assessing the state of assets of large, medium and small corporations, taking into account the interests of key stakeholders. The study considers the works of Russian and foreign authors who emphasize different indicators for assessing the financial condition of corporations when considering the issues of asset management. In addition, the paper presents a toolkit for assessing the state of assets of large, medium and small corporations, taking into account the interests of each stakeholder, focused on ensuring the effectiveness of asset management. The authors formed a set of financial indicators for assessing the state of corporate assets from the position of key economic agents was. The indicators of financial autonomy, models of net profit on equity capital are common and universal for all.

Keywords: assets, large, medium, small corporations, financial autonomy, net profit model, economic agents, stakeholders

For citation: Galazova M.V. Substantiation of Financial Indicators for Assessing the State of Assets of Large, Medium and Small Corporations by the Main Economic Agents. *Territory Development*. 2024;(4):35—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-35-41>

Введение

Российская и зарубежная практика корпоративного финансового менеджмента показывает, что экономические агенты по-разному характеризуют состояние активов хозяйствующих субъектов и используют разные финансовые показатели. В российской и зарубежной финансовой литературе отсутствует конкретизация, четкая привязка отдельных показателей к интересам разных категорий стейкхолдеров. Так, Л. С. Васильева, М. В. Петровская [1], В. В. Ковалев [2 ; 3], С. Э. Маркарьян, Э. А. Маркарьян, Г. П. Герасименко [4], В. Я. Поздняков [5], О. А. Толпегина [6], И. Н. Чуев, Л. Н. Чуева [7] предпочитают отдавать показателю финансовой автономии. В общем авторы выделяют разные показатели оценки финансового состояния корпораций: И. А. Бланк при рассмотрении вопросов управления активами [8], Ю. Н. Воробьев [9] и Г. Б. Поляк [10] — при характеристике финансового менеджмента. При этом не раскрываются вопросы выбора, содержания финансовых показателей, оценивающих состояние активов корпораций с позиции каждого стейкхолдера — собственников, финансовых менеджеров, кредиторов, лендеров, налоговых органов, потенциальных партнеров / покупателей (потребителей), поставщиков, потенциальных инвесторов и др., что подтверждает актуальность и своевременность исследования.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования являются крупные, средние и малые коммерческие корпоративные организации Ставропольского края. Поскольку масштаб организаций влияет на состояние их активов, предметом исследования может быть инструментарий, оценивающий состояние активов корпораций со стороны разных стейкхолдеров с учетом их целей и задач. Необходимо подчеркнуть важность критерия разделения организаций

по масштабам бизнеса, активов, выраженных в стоимостной форме, что позволяет их дифференцировать на крупные, средние и малые. Такой критерий масштаба бизнеса признан в Европейском союзе (ЕС), Боснии и Герцеговине, Австралии, Вьетнаме, Китае, Новой Зеландии и Японии [11].

Инструментарно-методический аппарат исследования включает синтез, группировку, аналогию, абстрактно-логический, сравнительный, экономико-статистический, логический, комплексный, системный анализ и др. [12]

Рабочая гипотеза исследования основана на авторской позиции, в рамках которой дается обоснование того, что состояние активов крупных, средних и малых корпораций учитывается в зависимости от интересов ключевых стейкхолдеров (собственников, финансовых менеджеров, кредиторов, лендеров, налоговых органов, потенциальных партнеров / покупателей (потребителей), поставщиков, потенциальных инвесторов), оценивается показателями финансовой автономии, а также показателями модели чистой прибыли на собственный капитал.

Обоснование финансовых показателей оценки состояния активов корпораций с позиции ключевых экономических агентов

В процессе оценки активов корпораций важно учитывать позиции разных экономических агентов. Поскольку каждый из экономических агентов рассматривает величину и состав активов хозяйствующих субъектов в определенный период времени со своих позиций, то их целесообразно оценить соответствующими финансовыми показателями, включающими величину «Активы» (табл. 1). Важно отметить, что комплекс таких финансовых показателей должен быть подвижным, динамично изменяющимся и адаптированным под требования разных экономических агентов.

Таблица 1

Финансовые показатели оценки состояния активов корпораций с позиции ключевых экономических агентов
Financial indicators for assessing the state of corporate assets from the position of key economic agents

Экономические агенты	Ключевые вопросы	Финансовые показатели оценки
Собственники (учредители)	Устанавливают рациональность соотношения между максимальной прибылью и уровнем финансового риска. Оценивают финансовую отдачу от использования активов. Короткая продолжительность оборота активов отражает деловую активность корпораций. Определяют качество активов	Мобильность имущества, модель чистой прибыли на собственный капитал, устойчивость источников формирования активов, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, продолжительность оборота активов
Финансовые менеджеры	Определяют влияние роста капитала на прибыльность собственного капитала, безопасную величину заемного капитала. По значению показателя финансовой автономии руководство принимает стратегические решения об увеличении собственного капитала за счет вложений собственников, о реструктуризации кредитов, дополнительном финансировании, а также влияет на выбор политики работы на биржах и формирование платежного календаря и др. Короткая длительность оборота активов подтверждает эффективность их использования	Модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, продолжительность оборота активов
Кредиторы	Определяют риски вероятного непогашения кредитов и процентов по ним, осуществляют мобилизацию потенциального заемного капитала в текущий период и перспективе	Мобильность имущества, мультипликатор собственного капитала, модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, финансовая напряженность

Экономические агенты	Ключевые вопросы	Финансовые показатели оценки
Лендеры	Определяют риски вероятного непогашения долгосрочных кредитов, облигаций и процентов по ним, осуществляют мобилизацию потенциального долгосрочного заемного капитала в текущий период и перспективе. Лендеры при значении показателя финансовой напряженности > 50 % могут отказать в предоставлении долгосрочного кредитования	Модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, финансовая напряженность, устойчивость источников формирования активов
Налоговые органы	По значениям рентабельности активов и собственного капитала устанавливают уровень добросовестности корпораций относительно выполнения налоговых обязательств. Так, отклонение уровня рентабельности организации от нормативного значения показателя по соответствующей сфере деятельности относят в официальный перечень рисков для налогоплательщика — риска назначения выездной налоговой проверки (Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ Федеральной налоговой службы России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14813#Y23nZkTxkKw5p8kL). В результате налоговые органы определяют экономическую целесообразность действий собственников и финансовых менеджеров, а также выявляют участие сомнительных активов в оптимизации налоговой нагрузки на корпорации. Считается, что оптимальный постоянный уровень деловой активности влияет на стабильность налоговых потоков в государственный бюджет	Модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, продолжительность оборота активов
Потенциальные партнеры / покупатели (потребители)	Изучают значения показателей модели чистой прибыли на собственный капитал, финансовой автономии перед принятием решения о сотрудничестве. Длительная продолжительность оборота дебиторской задолженности повышает потребность в оборотном капитале, свидетельствует о наличии неплатежеспособных или недобросовестных покупателей, что обуславливает необходимость совершенствования кредитной политики	Модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, продолжительность оборота оборотных активов, дебиторской задолженности
Поставщики	Изучают значение показателей финансовой автономии, финансовой напряженности, продолжительности оборота активов, дебиторской задолженности, что позволит определить деловую репутацию корпораций для поставщиков и перспективы последующего сотрудничества с ними	Мобильность имущества, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости, финансовая напряженность, продолжительность оборота активов, дебиторской задолженности
Потенциальные инвесторы	При наиболее высокой доли оборотных активов в совокупной их величине корпорации обладают наиболее ликвидными активами и считаются платежеспособными с позиции расчетов по краткосрочным обязательствам. Уменьшение значений мультипликатора собственного капитала свидетельствует о возможности роста собственного капитала для обеспечения устойчивости корпораций. Изучают значения показателей модели чистой прибыли на собственный капитал, финансовой автономии для оценки перспективности вложений	Мобильность имущества, мультипликатор собственного капитала, модель чистой прибыли на собственный капитал, финансовая автономия, определение зон риска потери финансовой устойчивости

Примечание. Составлено автором.
Note. Compiled by the author.

Общими универсальными для всех выступают показатели финансовой автономии, модели чистой прибыли на собственный капитал.

Результаты исследования и их обсуждение

Исходя из задачи исследования, оценивается реализация модели чистой прибыли на собственный капитал в крупных, средних и малых организациях региона (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Оценка реализации модели чистой прибыли на собственный капитал в динамике в крупных и средних организациях региона

Assessment of the implementation of the model of net profit on equity in dynamics in large and medium-sized organizations of the region

Год	Фаза экономического цикла	Рентабельность активов, %	Мультипликатор капитала, ед.	Рентабельность собственного капитала, %
2014	Спад	0,2	3,620	0,7
2015		2,8	3,643	10,2
2016		3,0	2,510	7,5
2017		3,3	2,829	9,3

Год	Фаза экономического цикла	Рентабельность активов, %	Мультипликатор капитала, ед.	Рентабельность собственного капитала, %
2018	Оживление	4,8	2,756	13,2
2019	Спад	3,4	2,881	9,8
2020	Кризис	4,1	2,394	9,8
2021	Оживление	8,2	2,282	18,7
2022	Спад	7,9	2,364	18,7

Примечание. Рассчитано автором по данным Управления федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [13].

Note. Calculated by the author according to the data of the Department of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District [13].

В крупных, средних и малых коммерческих корпоративных организациях рентабельность активов не соотносится с уровнем финансового риска, поскольку в этих организациях значения мультипликатора собственного капитала больше 2 единиц рекомендуемой отметки. В крупных

и средних организациях значения рентабельности активов только в 2021—2022 гг. отвечают рекомендуемой отметке — не менее 6 %, составляя 8,2 и 7,9 % соответственно, а значения рентабельности собственного капитала составляют 18,7 %.

Таблица 3

Оценка реализации модели чистой прибыли на собственный капитал в динамике в малых организациях региона

Assessment of the model implementation of net profit on equity capital in dynamics in small organizations of the region

Год	Фаза экономического цикла	Рентабельность активов, %	Мультипликатор капитала, ед.	Рентабельность собственного капитала, %
2014	Спад	1,7	3,244	5,5
2015		3,7	4,082	15,1
2016		4,9	3,772	18,5
2017		3,9	3,581	14,0
2018	Оживление	5,3	3,551	18,8
2019	Спад	6,5	3,875	25,2
2020	Кризис	4,8	3,815	18,3
2021	Оживление	7,6	2,989	22,7
2022	Спад	6,2	3,514	21,8

Примечание. Рассчитано автором по данным Управления федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [14].

Note. Calculated by the author according to the data of the Department of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District [14].

В малых организациях только в 2019 г., 2021 г. и 2022 г. значения рентабельности активов отвечают рекомендуемой отметке — 6,5, 7,6 и 6,2 %, а рентабельности собственного капитала — 25,2, 22,7 и 21,8 %. Очевидно, что крупные, средние и малые организации в ретроспективный период не поддерживают стабильные значения прибыльности активов и собственного капитала, отличающиеся скачкообразным характером.

Согласно мнению большинства исследователей (Л. С. Васильева, М. В. Петровская [1], В. В. Ковалев [2 ; 3], С. Э. Маркарьян, Г. П. Герасименко, Э. А. Маркарьян, [4], В. Я. Поздняков [5], О. А. Толпегина [6], И. Н. Чуев, Л. Н. Чуева [7]), а также согласно утвержденной методике для определения банкротства, методологическим рекомендациям по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организации нормативное значение финансовой автономии призна-

ется ≥ 50 %. Причем нормативные значения показателя финансовой автономии различаются в зависимости от масштаба организаций (крупные — 10—33 %, средние — ≥ 33 %, малые — ≥ 50 %).

Если придерживаться нормативного значения показателя финансовой автономии ≥ 50 %, то в 2016—2022 гг. (табл. 4) оно полностью не выполнялось в организациях по добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производств, строительства, оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств и мотоциклов, а также в гостиницах и предприятиях общественного питания. Среди крупных и средних корпораций по внешнеэкономической деятельности значения отвечали общему критериальному уровню $\geq 33,0$ % корпораций сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, водоснаб-

жения; водоотведения, организации по сбору и утилизации отходов, по ликвидации загрязнений, а также предприятия, осуществляющие финансовую, страховую и административную деятельность и сопутствующие дополнительные услуги, организации государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения, деятельности в области здравоохранения и социальных услуг, культуры, спорта, организации досуга и развлечений. То есть полностью в 2016—2022 гг. значения финансовой автономии не отвечали как отметке $\geq 50\%$, так и отметке $\geq 33,0\%$ в корпорациях по добыче полезных ископаемых, строительства, оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств и мотоциклов, осуществляющих деятельность гостиниц и предприятий общественного питания. В этот период кредиторам, лендерам, поставщикам необходимо обратить внимание на

значения финансовой напряженности (соотношение внешнего капитала активов, 1 — значения показателя финансовой автономии). В целом в крупных и средних организациях значения финансовой автономии изменялись от 34,7 до 43,8 %, а финансовой напряженности — от 56,2 до 65,3 % соответственно. В малых организациях полностью в 2016—2022 гг. значения финансовой автономии не превышали 50 %, что обуславливает особую значимость для кредиторов, лендеров, поставщиков значений показателя финансовой напряженности. Только в 2021—2022 гг. в корпорациях, занимающихся деятельностью в области информации и связи, значения финансовой автономии составили 53,8 и 54,2 %. В целом в малых организациях значения финансовой автономии изменялись в диапазоне 25,8—33,5 %, а финансовой напряженности — в диапазоне 66,5—73,5 % [14].

Таблица 4

Значения показателя финансовой автономии крупных и средних организаций в динамике региона по внешнеэкономической деятельности, %
Values of the indicator of financial autonomy of large and medium-sized organizations in the dynamics of the region by foreign economic activity, %

Организация по внешнеэкономической деятельности	Фаза экономического цикла по годам						
	спад		оживление	спад	кризис	оживление	спад
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Средние и крупные организации, всего	39,8	35,4	36,3	34,7	41,8	43,8	42,3
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	57,4	55,9	54,4	51,5	46,7	47,4	44,6
Добыча полезных ископаемых	3,9	2,1	4,3	1,8	24,8	26,6	29,3
Обрабатывающие производства	32,7	35,3	39,9	37,5	34,9	41,0	41,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	49,3	51,3	54,2	53,3	49,1	47,3	46,6
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	69,0	70,2	76,9	69,4	55,7	48,2	45,1
Строительство	15,3	12,7	17,1	8,3	10,5	12,1	10,1
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	16,7	17,1	24,0	28,5	24,5	29,6	28,0
Транспортировка и хранение	64,1	62,4	60,2	65,9	63,8	70,9	63,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	23,0	20,4	−124,0	−42,6	−56,4	−38,1	15,9
Деятельность в области информации и связи	79,3	90,5	90,4	77,0	83,1	86,4	90,2
Деятельность финансовая и страховая	71,5	80,4	44,8	83,0	72,7	61,7	65,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	44,6	43,2	−8,1	49,9	49,3	51,9	54,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	45,2	47,4	41,1	31,8	53,1	65,4	54,3
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	78,2	73,6	73,1	72,1	44,1	72,4	67,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	57,3	88,8	72,6	76,1	62,6	64,1	47,0

Организация по внешнеэкономической деятельности	Фаза экономического цикла по годам						
	спад		оживление	спад	кризис	оживление	спад
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Образование	57,3	21,5	10,2	-5,3	29,5	44,6	60,8
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	46,5	46,4	49,1	42,4	39,2	42,4	46,6
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	86,1	85,5	86,7	41,6	62,3	98,5	99,4
Предоставление прочих видов услуг	73,7	76,7	74,0	83,7	80,6	93,0	91,4

Примечание. Рассчитано автором по данным Управления федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [13].

Note. Calculated by the author according to the data of the Department of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District [13].

Заключение

В исследовании изучены активы, которые являются одним из критериев их разделения по размеру в ЕС, Боснии и Герцеговине, Австралии, Вьетнаме, Китае и Новой Зеландии. Сформирован комплекс финансовых показателей оценки состояния активов корпораций с позиции ключевых экономических агентов: собственников, финансовых менеджеров, кредиторов, лендеров, налоговых органов, потенциальных партнеров / покупателей (потребителей), поставщиков, потенциальных инвесторов. Общими универсальными для всех являются показатели финансовой автономии, модели чистой прибыли на собственный капитал. По оценке реализации модели чистой прибыли на собственный капитал в крупных,

средних и малых организациях региона определено, что в них рентабельность активов не сочетается с уровнем финансового риска. Установлено, что в 2016—2022 гг. в крупных и средних организациях значения финансовой напряженности изменялись от 56,2 до 65,3 %, а финансовой автономии — от 34,7 и до 43,8 %, отвечая уровню, рекомендуемому для крупных и средних корпораций $\geq 33,0$ %, но находящихся в диапазоне менее общепринятой отметки $\geq 50,0$ %, полностью не выполнявшейся в организациях обрабатывающих производств и др. Выявлено, что в 2016—2022 гг. в малых организациях значения финансовой автономии не превышали 50 %, изменяясь в диапазоне 25,8—33,5 %, а финансовой напряженности — в диапазоне 66,5—73,5 %.

Список источников

1. Васильева Л. С., Петровская М. В. Корпоративные финансы. Финансовый менеджмент : учеб. М. : КНОРУС, 2022. 383 с.
2. Ковалев В. В. Финансовый анализ. Управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. М. : Финансы и статистика, 1998. 512 с.
3. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М. : Проспект, 2021. 1104 с.
4. Маркарьян Э. А., Герасименко Г. П., Маркарьян С. Э. Экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2023. 534 с.
5. Поздняков В. Я. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий : учеб. М. : ИНФРА-М, 218. 617 с.
6. Толтегина О. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. и практикум для вузов. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2024. 629 с.
7. Чуев И. Н., Чуева Л. Н. Комплексный экономический анализ финансово-хозяйственной деятельности : учеб. М. : Дашков и К°, 2013. 384 с.
8. Бланк И. А. Управление активами. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2002. 715 с.
9. Воробьев Ю. Н. Финансовый менеджмент : учеб. пособие. Симферополь : Таврия, 2007. 632 с.
10. Финансовый менеджмент : учеб. для академического бакалавриата / Г. Б. Поляк [и др.] ; отв. ред. Г. Б. Поляк. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 456 с.
11. Плетнев Д. А., Бархатов В. И., Наумова К. А. Критерии малого и среднего бизнеса в разных странах и его масштабы: сравнительное исследование // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2021. № 6 (452), вып. 73. С. 147—161.
12. Мануйленко В. В., Галазова М. В. Теория и методика управления активами коммерческой организации : моногр. М. : Финансы и статистика, 2023. 186 с.
13. Имущество, формирование финансовых результатов, рентабельность, финансовая устойчивость и платежеспособность в экономике Ставропольского края в 2014—2022 гг. по крупным и средним организациям : стат. бюл. Управления федеральной службы государственной статистики по СКФО. Ставрополь, 2022. URL: rosstat.gov.ru
14. Имущество, формирование финансовых результатов, рентабельность, финансовая устойчивость и платежеспособность в экономике Ставропольского края в 2014—2022 гг. по субъектам малого предпринимательства : стат. бюл. Управления федеральной службы государственной статистики по СКФО. Ставрополь, 2022. URL: rosstat.gov.ru

References

1. Vasil'eva L.S., Petrovskaya M.V. *Korporativnye finansy. Finansovyy menedzhment* [Corporate Finance. Financial Management] : ucheb. Moscow : KNORUS, 2022, 383 p.
2. Kovalev V.V. *Finansovyy analiz. Upravlenie kapitalom. Vybór investitsiy. Analiz otchetnosti* [Financial Analysis. Capital Management. Investment Selection. Reporting Analysis]. Moscow : Finansy i statistika, 1998, 512 p.
3. Kovalev V.V. *Finansovyy menedzhment: teoriya i praktika* [Financial Management: Theory and Practice]. Moscow : Prospekt, 2021, 1104 p.
4. Markar'yan E.A., Gerasimenko G.P., Markar'yan S.E. *Ekonomicheskyy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti* [Economic Analysis of Business Activity] : ucheb. posobie. Moscow : KNORUS, 2023, 534 p.
5. Pozdnyakov V.Ya. *Analiz i diagnostika finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiy* [Analysis and Diagnostics of Financial and Business Activity of Enterprises] : ucheb. Moscow : INFRA-M, 218, 617 p.
6. Tolpegina O.A. *Kompleksnyy ekonomicheskyy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti* [Comprehensive Economic Analysis of Business Activity] : ucheb. i praktikum dlya vuzov, ed. 5, Moscow : Yurayt, 2024, 629 p.
7. Chuev I.N., Chueva L.N. *Kompleksnyy ekonomicheskyy analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti* [Comprehensive Economic Analysis of Financial and Business Activity] : ucheb. Moscow : Dashkov i K°, 2013, 384 p.
8. Blank I.A. *Upravlenie aktivami* [Asset Management]. Kiev : Nika-Tsentr : El'ga, 2002, 715 p.
9. Vorob'ev Yu.N. *Finansovyy menedzhment* [Financial Management] : ucheb. posobie. Simferopol' : Tavriya, 2007, 632 p.
10. Polyak G.B. i dr. *Finansovyy menedzhment* [Financial Management] : ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata, ed. 4. Moscow : Yurayt, 2022, 456 p.
11. Pletnev D.A., Barkhatov V.I., Naumova K.A. Kriterii malogo i srednego biznesa v raznykh stranakh i ego masshtaby: sravnitel'noe issledovanie [SME's Criteria in National Economies and Its Scale: A Comparative Study], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Economic Sciences], 2021, no. 6 (452), iss. 73, pp. 147–161.
12. Manuylenko V.V., Galazova M.V. *Teoriya i metodika upravleniya aktivami kommercheskoy organizatsii* [Theory and Methodics of Commercial Organization Asset Management] : monogr. Moscow : Finansy i statistika, 2023, 186 p.
13. *Imushchestvo, formirovaniye finansovykh rezul'tatov, rentabel'nost', finansovaya ustoychivost' i platezhеспособnost' v ekonomike Stavropol'skogo kraya v 2014–2022 gg. po krupnym i srednim organizatsiyam* [Property, Formation of Financial Results, Profitability, Financial Stability and Solvency in the Economy of the Stavropol Territory in 2014–2022 (Large and Medium-Sized Enterprises)] : statisticheskiy byulleten' Upravleniya federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po SKFO. Stavropol', 2022. Available at: rosstat.gov.ru
14. *Imushchestvo, formirovaniye finansovykh rezul'tatov, rentabel'nost', finansovaya ustoychivost' i platezhеспособnost' v ekonomike Stavropol'skogo kraya v 2014–2022 gg. po sub"ektam malogo predprinimatel'stva* [Property, Formation of Financial Results, Profitability, Financial Stability and Solvency in the Economy of the Stavropol Territory in 2014–2022 (Small Enterprises)] : statisticheskiy byulleten' Upravleniya federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po SKFO. Stavropol', 2022. Available at: rosstat.gov.ru

Информация об авторе

Галазова Марина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и налогообложения, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алаания, Российская Федерация. E-mail: galazovam@mail.ru

Information about the author

Marina V. Galazova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance, Accounting and Taxation, K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia—Alania, Russian Federation. E-mail: galazovam@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 29.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 29.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2024. № 4. С. 42—49.
Territory Development. 2024;(4):42—49.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 502.17(1/9)
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-42-49>

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ

Ольга Петровна Бурматова

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, burmatova.op@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязей состояния окружающей среды и здоровья людей. Основное внимание уделено влиянию загрязнения атмосферного воздуха в России, в том числе в отдельных регионах и городах Сибири, на заболеваемость населения. Анализ позволил предложить меры реагирования на возможные экологически обусловленные риски для здоровья, а также представить ряд рекомендаций по первоочередным направлениям совершенствования российского здравоохранения. На основе предложенных путей нивелирования рисков и угроз для здоровья людей сделан вывод о необходимости преобразования сложившейся в России системы государственного управления в сферах охраны окружающей среды и здравоохранения на базе технологической модернизации экономики и улучшения институциональной среды. Предложенные пути минимизации рисков и угроз для здоровья и условий жизни людей должны иметь конечным результатом формирование благоприятной окружающей среды.

Ключевые слова: экологические вызовы, загрязнение окружающей среды, здоровье людей, изменение климата, здравоохранение, заболевания экологической этиологии, цифровизация сферы здравоохранения

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2. (0260-2021-0006) «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики».

Для цитирования: Бурматова О. П. Загрязнение окружающей среды и здоровье людей // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 42—49. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-42-49>

State and civil society, ideology and politics

Original article

ENVIRONMENTAL POLLUTION AND HUMAN HEALTH

Olga P. Burmatova

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, burmatova.op@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state of the environment and people's health. The main focus is the influence of atmospheric air pollution in Russia, including in some regions and cities of Siberia, on the morbidity of the population. The analysis made it possible to propose measures to respond to possible environmentally induced health risks, and also to present a number of recommendations on priority directions of improvement of the Russian health care. On the basis of the proposed ways of leveling the risks and threats to human health, the authors conclude that there is a need to transform the existing system of public administration in Russia in the field of environmental protection and health care on the basis of technological modernization of the economy and improvement of the institutional environment. The proposed ways of minimizing risks and threats to human health and living conditions should finally result in forming a favorable environment.

Keywords: environmental challenges, environmental pollution, human health, climate change, health care, diseases of environmental etiology, digitalization of health care

© Бурматова О. П., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Acknowledgments: the article was prepared according to the plan of the research work of IEIE SB RAS, project 5.6.3.2. (0260-2021-0006) «Regional and municipal strategic planning and management in the context of modernization of state regional policy and development of digital economy».

For citation: Burmatova O.P. Environmental Pollution and Human Health. *Territory Development*. 2024;(4):42—49. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-42-49>

Введение

Среди факторов, влияющих на здоровье людей, наибольшее значение приобретают факторы антропогенного характера. При этом одной из важных составляющих антропогенного воздействия на окружающую природную среду и влияния измененной среды на состояние здоровья людей, заболеваемость и продолжительность жизни является химическое загрязнение атмосферы [1—3]. По оценкам экспертов ООН, загрязнение атмосферного воздуха признано одной из основных угроз здоровью людей. В частности, от последствий загрязнения воздушного бассейна умирают около 7 млн человек в год, а лечение заболеваний, вызванных загрязненностью, обходится примерно в 1 трлн долл. ежегодно [4].

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 22 % своего здоровья люди утрачивают из-за экологических факторов; более 5 млн детей умирают ежегодно в мире от причин, связанных с нездоровой средой обитания; на неблагоприятные экологические факторы приходится $\frac{1}{3}$ всего глобального бремени болезней; наиболее подвержены влиянию загрязнения окружающей среды дети до 5 лет. За последние 10 лет в Европе астма у детей увеличилась более чем в 2 раза [5—7].

Определенные риски для здоровья людей связаны и с другими негативными последствиями изменения окружающей среды, включая химическое загрязнение водных объектов, использование некачественной питьевой воды (по данным ВОЗ, плохо очищенная вода способна подтолкнуть развитие или стать причиной 80 % заболеваний), загрязнение почвы токсинами и тяжелыми металлами, изменение климата, радиоактивное загрязнение, деградацию экосистем и в целом усиление нагрузки на окружающую среду. Данные последствия приобрели такие масштабы, к которым адаптационные механизмы человека не успевают приспособиться и перестроиться под происходящие изменения природной среды, что может вызывать серьезные сбои в состоянии здоровья и представлять опасность для него и в текущем периоде времени, и в перспективе. Так, высокоактивные химические соединения имеют тенденцию накапливаться в организме и вызывать эффект отдаленного влияния. Неблагоприятные экологические факторы вызывают генетические изменения в живых организмах, отрицательно влияют на внутриутробное развитие плода, провоцируют тяжелые заболевания и повышение смертности. Особенно опасны в этом плане радиоактивные выбросы (URL: <https://ecologynow.ru/knowledge/zdorove-celoveka/vlianie-ekologiceskih-faktorov-na-zdorove-celoveka>).

Современные вызовы в области здоровья и здравоохранения стоят как на глобальном, так

и на национальном уровнях. По данным ВОЗ [6 ; 8], глобальные вызовы на ближайшее десятилетие обобщенно можно свести к следующим:

- 1) неравенство в доступе к медицинскому уходу;
- 2) инфекционные болезни, недостаточная профилактика и контроль инфекционных болезней;
- 3) недостаток кадров в здравоохранении, недостаточное инвестирование в людей, охраняющих здоровье;
- 4) недостаток средств, выделяемых на укрепление систем здравоохранения, развитие телемедицины и мобильных приложений, расширение доступа к лекарственным средствам;
- 5) ненадлежащее инвестирование в развитие основных приоритетных направлений и систем здравоохранения;
- 6) негативные последствия изменения климата для здоровья людей и здравоохранения;
- 7) рост загрязнения окружающей среды и его влияние на здоровье.

Все перечисленные глобальные вызовы в той или иной степени характерны и для России, и российского здравоохранения.

Целью исследования является анализ взаимосвязей состояния окружающей среды и здоровья людей. Основное внимание уделено изучению влияния загрязнения атмосферного воздуха в России, в том числе в отдельных регионах и городах Сибири, на формирование заболеваемости и смертности населения.

По результатам анализа предложены меры по предотвращению и снижению возможных рисков для здоровья, порождаемых загрязнением окружающей среды, представлены рекомендации по совершенствованию здравоохранения. Выводы могут быть полезны для их учета в процессе планирования и прогнозирования регионального экономического развития, а также при принятии мер по охране здоровья и улучшению условий жизни населения.

Раскроем подробно вызов, связанный с влиянием на здоровье людей качества окружающей среды в условиях России и сибирского региона в частности.

Взаимосвязь состояния окружающей среды и здоровья населения в России

Оценка влияния экологических факторов на состояние здоровья людей в разрезе регионов — субъектов Российской Федерации осуществляется с 2012 г. в рамках социально-гигиенического мониторинга [9 ; 10]. Согласно информации данного мониторинга, к наиболее значимым (в порядке приоритетности) факторам среды обитания, формирующим состояние санитарно-эпидемиологического благополучия и здоровья населения страны, относятся следующие (таблица) [9, с. 8].

Факторы среды обитания, формирующие состояние здоровья населения в субъектах Российской Федерации, 2020 г. и 2022 г.*Habitat factors shaping the health status of the population in the constituent entities of the Russian Federation, 2020 and 2022*

Группа факторов среды обитания	Факторы, входящие в состав группы	Численность населения, подверженного влиянию факторов среды обитания	
		2020 г.	2022 г.
Социальные и экономические факторы	Промышленно-экономическое развитие территории. Социальная напряженность. Обеспечение доступной и качественной медицинской помощи. Уровень социального благополучия. Условия обучения и воспитания детей. Условия труда	94,3 млн человек (64,6 % населения Российской Федерации), 53 субъекта Российской Федерации	92,0 млн человек (62,8 % населения Российской Федерации), 51 субъект Российской Федерации
Санитарно-гигиенические факторы	Химическое и биологическое загрязнение продуктов питания, питьевой воды, атмосферного воздуха и почвы. Физические факторы	93,7 млн человек (64 % населения Российской Федерации), 50 субъектов Российской Федерации	86,8 млн человек (59,3 % населения Российской Федерации), 51 субъект Российской Федерации
Факторы образа жизни	Потребление алкогольных напитков. Потребление табака. Отклонение от норм потребления продуктов питания	64,9 млн человек (44,5 % населения Российской Федерации), 46 субъектов Российской Федерации	75,9 млн человек (51,8 % населения Российской Федерации), 48 субъектов Российской Федерации

Примечание. Составлено по данным Роспотребнадзора: [9, с. 8—9; 10, с. 8].*Note.* Compiled according to the data of Russian Federal State Agency for Health and Consumer Rights: [9, с. 8—9; 10, с. 8].

В ближайшей перспективе прогнозируется сохранение тренда по усилению влияния социально-экономических факторов на показатели состояния здоровья населения в регионах страны: «... и к 2025 году вклад этих факторов в формирование здоровья достигнет доли более 45 % среди всех факторов среды обитания (по показателю численности подверженного населения). Вклад санитарно-гигиенических факторов составит не более 25 %, факторов образа жизни — до 30 %» [9, с. 9]. За последнее десятилетие общее количество регионов — субъектов Российской Федерации, на территории которых наблюдалось превышение нормативов загрязнения атмосферного воздуха, остается довольно высоким [9, с. 19].

В целом состояние окружающей среды в стране в динамике не улучшается [3; 11; 12]. Об этом свидетельствуют разные факты (URL: <https://tochno.st/problems/ecology>). Так, в 2022 г. более 52 млн человек (т. е. почти половина населения России) проживало в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха, при этом объем промышленных выбросов в последние годы практически не снижается. Остается неудовлетворительным решение проблем по улучшению загрязненной питьевой воды и сокращению объемов сброса загрязненных сточных вод. За последние 10 лет загрязнение пресных водных объектов достигло максимума. Оставляет желать лучшего и ситуация с обращением твердых коммунальных отходов (на переработку идет по разным данным не больше 3—7 %, до 91—94 % отходов захоранивается, 2—5 % — сжигается).

Согласно данным «Обзора состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2022 год» [11], в 2022 г. более 80 % городов, включая 205 населенных пунктов с общей численностью населения в 71,3 млн человек, столкнулись с превышением ПДК определенных

загрязняющих веществ. Это означает, что качество воздуха в этих регионах находилось в критическом состоянии, что представляет серьезные риски для здоровья человека.

В России в 2022 г. качеством окружающей среды было обусловлено 4,4 млн случаев заболеваний. Около 26 тыс. человек умерли из-за неудовлетворительного состояния окружающей среды. По сравнению с 2021 г. это число выросло на 9 % [9, с. 134—142]. За год (с 2021 по 2022 г.) избыточная смертность населения, связанная с загрязненным воздухом, выросла на 15 % и достигла 7 678 смертей, т. е. в среднем ежедневно погибал 21 человек (в основном от болезней органов дыхания и злокачественных новообразований).

Больше 10 тыс. человек в России ежегодно погибают от загрязнения питьевой воды, что является главной причиной экологически обусловленных избыточных смертей и болезней (более 11 тыс. смертей и более 1,2 млн заболевших за год). Особенно заметно проблемы с некачественной водой проявляются на состоянии органов пищеварения (446,5 тыс. заболевших за 2022 г.) и мочеполовой системы (334 тыс. заболевших).

В целом в соответствии со статистикой неудовлетворительное качество питьевой воды систем централизованного питьевого водоснабжения в 2022 г. явилось причиной 8,15 дополнительных случаев смертности всего населения, что составляет 0,49 % от фактического показателя общей смертности. Показатель смертности, вероятностно ассоциированной с качеством питьевой воды, снизился на 15,9 % относительно значения 2013 г. В 2022 г. уровень смертности всего населения, ассоциированной с водным фактором, на территории 25 субъектов Российской Федерации, превышал среднероссийский уровень, находясь в диапазоне от 10,75 до 72,69 случаев на 100 тыс. населения [9, с. 142—145].

Зависимость загрязнения и здоровья в регионах Сибири

Сложная ситуация с экологически обусловленными данными здоровья людей складывается в Сибири, где выделяется целый ряд экологически неблагоприятных регионов, характеризующихся и снижением показателей здоровья людей. В частности, в Западной Сибири — это Кемеровская область — Кузбасс (регион занимает первое место в стране по образованию твердых промышленных отходов), в Восточной Сибири — район Норильска и в целом Красноярский край (регион лидирует в стране по уровню загрязнения атмосферного воздуха) [11].

Из доклада «Об экологическом состоянии городов Сибирского федерального округа», представленного директором Института оптики атмосферы СО РАН, членом-корреспондентом РАН, доктором физико-математических наук И. В. Пташником в конце марта 2021 г. на заседании президиума СО РАН (URL: <https://dioxin.greenlo.ru/archives/307>) и посвященного экологическим проблемам Сибири, следует, что из двух десятков городов России с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферы 78 % расположены в Сибирском федеральном округе. В 23 сибирских городах интегральный индекс загрязнения атмосферы оценивается как высокий. Почти все население (99 %) Таймырского автономного округа, где расположен Норильск, живет в условиях высокого загрязнения воздуха [13—15].

В экологически неблагоприятных регионах Сибири в причинах общей смертности доля фактора ухудшения экологической ситуации достигает 40 % и более. Особенно неблагоприятным в этом отношении является Кузбасс [11; 12; 16; 17]. В регионе наблюдается прямая зависимость между ухудшением экологической ситуации и ухудшением здоровья людей. Выход загрязняющих веществ на одного жителя Кузбасса в среднем составляет 662 кг в год, а за последние 5 лет объем эмиссии загрязнений только от стационарных источников вырос на 167 кг в год. Для сравнения следует заметить, что в 2018 г. данный показатель составлял 220 кг/человек в год в среднем по России, в 2022 г. — 312,6, в 2023 г. — 400 кг/человек. По официальной статистике смертность от болезней органов дыхания в Кузбассе за последние 30 лет была почти на 25 % выше, чем в среднем по России (в Кузбассе — 76 случаев на 100 тыс. человек, по стране — 59 случаев на 100 тыс. человек).

В основных городах Кузбасса (Новокузнецке, Кемерово и Прокопьевске) установлен повышенный риск онкологических заболеваний, причинами возникновения которых является высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха данных городов бензопиреном, сажей и формальдегидом, обладающими канцерогенными свойствами. Высоким является и риск болезней органов дыхания и крови, а также системных нарушений организма.

При этом смертность среди населения Кузбасса на 16 % выше, чем в среднем по России (1 228,1

против 1 425,7 на 100 тыс. человек в 2019 г.). С 2003 по 2019 г. данный показатель в регионе заметно увеличился за счет роста злокачественных новообразований — с 208,94 в 2003 г. до 240,8 в 2019 г. [13—15; 18]

Общий уровень загрязнения атмосферы в Кемерово в 2022 г. вырос с высокого до очень высокого. Одним из факторов, почему это произошло, стало увеличение объема выбросов загрязняющих веществ в воздух (по сравнению с 2021 г. он вырос с 45,9 до 65,1 тыс. т) [17]. В Новокузнецке в 2022 г. объем выбросов в воздух хотя немного и уменьшился с 268,3 до 263,2 тыс. т, но общий уровень загрязнения атмосферы, по оценке специалистов, по-прежнему остался очень высоким.

Самое большое превышение ПДК в воздухе обоих крупнейших городов Кузбасса наблюдается по содержанию бензопирена. В Кемерово по сравнению с 2021 г. оно выросло с 2,8 до 5,3 ПДК. При этом в Центральном районе города в январе 2022 г. среднемесячная концентрация вещества достигла 34,7 ПДК. В Новокузнецке в 2022 г. среднегодовая концентрация бензопирена установилась на уровне 11,2 ПДК, что было выше, чем в 2021 г., когда было 7,1 ПДК. Вторым вредным веществом, концентрация которого оказалась выше нормы, стал формальдегид. В Кемерово в 2022 г. его содержание в атмосфере выросло с 2 до 2,1 ПДК, в Новокузнецке среднегодовая концентрация формальдегида увеличилась вдвое — с 1,7 ПДК в 2021 г. до 3,4 ПДК в 2022 г. [17]

В целом оценка взаимосвязи загрязнения и заболеваемости людей в городах Сибири позволила выделить показатели, наиболее проблемные с точки зрения здоровья населения города [13—15]: Красноярск (загрязнение воды и воздуха), Новокузнецк (химическое загрязнение почвы, загрязнение воздуха), Норильск (тяжелые металлы в почве, загрязнение воздуха), Кемерово (химическое загрязнение почвы, загрязнение воздуха), Братск (загрязнение воздуха), Томск (химическое загрязнение почвы и тяжелые металлы в почве, загрязнение воды), Новосибирск (химическое загрязнение почвы и тяжелые металлы в почве, загрязнение водных объектов).

Последствия влияния на здоровье людей загрязнения окружающей природной среды в сибирском регионе обуславливают такие заболевания, как врожденные пороки развития у детей, пораженность молодых людей сердечно-сосудистыми болезнями, легочные болезни, онкологические заболевания, раннюю инвалидность людей трудоспособного возраста и др., а также ведут к преждевременной смерти. При этом в Красноярском крае доминируют онкопатологии, в Кемеровской области — врожденные пороки развития, в Алтайском крае — заболевания детей [15; 19].

В неблагоприятных по загрязнению атмосферного воздуха регионах Сибири зафиксирована повышенная заболеваемость детей бронхиальной астмой, что, по данным ВОЗ, служит индикатором качества среды обитания. За последние годы число детей, заболевших в Российской Федера-

ции астмой, увеличилось на 70 %, количество заболевших среди взрослого населения выросло на 50 % (URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/samye-gryaznye-goroda-rossii-po-ekologii.html>). Загрязнение атмосферы стало причиной и других тяжелых и даже хронических патологий, среди которых выделяется пневмония и другие острые инфекции нижних дыхательных путей, хронические обструктивные заболевания легких, бронхит, рак легких.

Пути предотвращения и минимизации рисков здоровью людей

Предотвращение и снижение рисков для здоровья, обусловленных загрязнением окружающей среды, зависит во многом от сложившейся в России системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды, технологического состояния экономики, экологического права и других аспектов институциональной среды и должно быть нацелено прежде всего на обеспечение оздоровления окружающей среды. В соответствии с этим могут быть предложены следующие рекомендации по осуществлению эколого-экономической политики, направленной на предотвращение и снижение рисков для здоровья, обусловленных загрязнением окружающей среды, а также даны ответы на вызовы, стоящие перед здравоохранением:

1) стимулирование инвестиций в импортозамещение, включая высокотехнологичное медицинское оборудование и лекарственные средства (в настоящее время рынок российских лекарственных средств на 95 % представлен дженериками, а для препаратов, которые создаются на территории Российской Федерации и являются отечественными, часто используется зарубежное сырье);

2) широкое внедрение средств автоматического наблюдения и контроля за качеством окружающей среды, стимулирование экологических инвестиций прежде всего в производство отечественного оборудования для автоматизированных систем оперативного экологического мониторинга и обеспечения эффективного контроля состояния атмосферного воздуха, загрязнение которого признано одной из основных угроз здоровью людей;

3) контроль за соблюдением установленного экологического регламента и введение реальной ответственности компаний за его нарушение, включая игнорирование принятых экологических законов;

4) реальное внедрение в практику прогнозных исследований социально-экономического развития страны стратегических методов планирования и управления с учетом долгосрочного характера влияния экологических факторов на жизнь вообще и на здоровье людей;

5) декарбонизация экономики и активизация перехода к низкоуглеродной энергетике с учетом последствий изменения климата для здоровья людей и организации здравоохранения; особое значение в этой связи имеют меры по борьбе

с такими последствиями парникового эффекта, как загрязнение атмосферного воздуха, снижение уровня продовольственной безопасности, повышение риска вспышек инфекционных заболеваний, аномальной жары, засухи, наводнений и многих других факторов [7]. В соответствии с этим основное внимание должно быть направлено на предотвращение и снижение рисков для здоровья, обусловленных загрязнением атмосферного воздуха;

6) активизация цифровизации сферы здравоохранения и развитие технологий цифрового здравоохранения, усиление роли телемедицины и мобильных приложений (для целей удаленного осуществления консультаций, диагностики и мониторинга состояния пациентов, особенно в удаленных и недоступных регионах, оказания помощи в управлении обеспеченности населения лекарствами и лечебными схемами; для диагностирования заболеваний с использованием симптом-чекеров и индивидуальных рекомендаций по здоровью, предоставления справочников лекарственных препаратов и инструментов для врачей и др.);

7) разработка и внедрение новых отечественных технологий в области профилактики, диагностики и лечения многих заболеваний (в настоящее время в медицинских учреждениях страны более 90 % используемого высокотехнологичного медицинского оборудования приходится на импорт);

8) отказ от практики постоянного сокращения государственных расходов на экологические проекты;

9) повышение объемов и эффективности финансирования здравоохранения, в том числе фундаментальных медицинских исследований; обеспечение доступности качественных медицинских услуг при условии наличия стабильных и устойчивых источников финансирования;

10) государственная поддержка разработки и создания новых медицинских технологий и инноваций, развития биомедицины и геномики, широкое использование инновационных подходов к оказанию медицинской помощи, активизация развития медицинских информационно-коммуникационных технологий, включая телемедицину;

11) преодоление имеющегося системного отставания в создании и внедрении собственных современных медицинских технологий, в производстве медицинского оборудования и новых лекарственных препаратов, организации предоставления эффективной медицинской помощи населению, а также в целом в создании экологически безопасных зеленых технологий (включая медицину и фармакологию) в контексте обеспечения устойчивого развития страны.

Заключение

В настоящее время в условиях ослабления контроля за результатами экологической деятельности компаний (в связи с внешними санкциями) особо важное значение приобретает налаживание одного из важных направлений государственной

и корпоративной экологической политики, охватывающего формирование автоматических систем экологического мониторинга на всех предприятиях-загрязнителях. Наличие таких систем необходимо для получения доступной, своевременной, достоверной и прозрачной информации о загрязнении воздушного и водного бассейнов для принятия эффективных решений по осуществлению требуемых природоохранных и других мероприятий по минимизации возможного ущерба здоровью людей. Государственная система мониторинга качества воздуха, существующая в России, обладает существенными недостатками. Во-первых, она находится по существу в зачаточном состоянии. Во-вторых, для нее характерен ограниченный территориальный охват наблюдениями, которые проводятся только в городах и далеко не во всех. В-третьих, она включает ограниченный набор учитываемых загрязняющих веществ (многие опасные вещества вообще не включены в систему мониторинга, хотя являются основными загрязнителями атмосферного воздуха в некоторых городах). В-четвертых, техническое оснащение станций наблюдения Росгидромета достаточно низкое и не соответствует международным стандартам).

Ухудшение здоровья людей является ответной реакцией на снижение качества окружающей среды. В Сибири, как и в России в целом, растет количество заболеваний экологической этиологии, нарушается генофонд человека, растет смерт-

ность от раковых заболеваний, снижается средняя продолжительность жизни. По данным сибирских ученых, самая высокая заболеваемость болезнями, связанными с состоянием окружающей среды, характерна для таких городов, как Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Иркутск и Шелехов. В региональном разрезе выделяются Красноярский край с доминированием онкопатологии, Кемеровская область — Кузбасс — с врожденными пороками развития, Алтайский край — с заболеваниями детей.

Предотвращение и снижение рисков для здоровья, обусловленных загрязнением окружающей среды, зависит во многом от сложившейся в России системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды, технологического состояния экономики, экологического права и других аспектов институциональной среды и требует прежде всего обеспечения оздоровления и формирования благоприятной окружающей среды.

Учет взаимодействия эколого-экономических факторов и здоровья людей имеет огромное значение не только с позиций сохранения здоровья людей, но и с точки зрения принятия решений по проблемам долгосрочного социально-экономического развития территорий регионов и получения корректных оценок адаптационных возможностей природной среды при прогнозировании формирования намечаемой хозяйственной деятельности при условии обеспечения устойчивого развития на длительный период.

Список источников

1. Кутузова М. В. Оценка влияния состояния окружающей среды на уровень жизни населения региона (на материалах Омской области) // *Фундаментальные исследования: Экономические науки*. 2013. № 10. С. 636—640.
2. Максименко Л. В. Социально-гигиенические аспекты охраны окружающей среды: социально-гигиенический мониторинг. URL: <http://www.docme.ru/doc/544377/lekciya--gigienicheskie-aspekty> (дата обращения: 17.03.2024).
3. Ревич Б. А. Меняющийся климат и здоровье населения: проблемы адаптации : науч. докл. / под ред. академика РАН Б. Н. Порфирьева. М. : Динамик Принт, 2023. 168 с. (Серия: Научный доклад ИНИ РАН). DOI: 10.47711/srl-2023
4. ООН: от загрязнения воздуха ежегодно умирают 7 млн человек. URL: <https://plus-one.ru/news/2021/09/30/sokrashchenie-vybrosov-metana-mozhet-ezhegodno-spasat-po-50-tys-zhizney> (дата обращения: 03.02.2024).
5. Ачкасов Е. Е. Экология человека и промышленное загрязнение окружающей среды. URL: http://www.docme.ru/doc/512377/kafedra-gospital_noj-hirurgii (дата обращения: 07.04.2024).
6. Глобальное здравоохранение: проблемы, инициативы и вызовы. URL: <https://dpoaps.ru/blog/globalnoe-zdravoohranenie> (дата обращения: 17.03.2024).
7. Действия во имя здоровья людей и планеты. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/health> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Urgent health challenges for the next decade. URL: <https://www.who.int/news-room/photo-story/photo-story-detail/urgent-health-challenges-for-the-next-decade> (date of access: 03.17.2024).
9. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2022 году : гос. докл. М. : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2023. 368 с.
10. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году : гос. докл. М. : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. 256 с.
11. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2022 год. М. : Росгидромет, 2023. 215 с.
12. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году : гос. докл. М. : Минприроды России : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. 686 с.
13. Об экологическом состоянии городов Сибирского федерального округа : докл., представленный на заседании президиума СО РАН 25 марта 2021 года, г. Новосибирск. URL: <https://dioxin.greenlo.ru/archives/307> (дата обращения: 03.02.2024).
14. Оценка эколого-медицинской ситуации в городах Сибири на основе открытых данных // *Наука в Сибири*. 2021. 20 сент. URL: <https://www.sbras.info/articles/opinion/otsenka-ekologo-meditsinskoi-situatsii-v-gorodakh-sibiri-na-osnove-otkrytykh-dannykh> (дата обращения: 17.03.2024).
15. Эколого-медицинский антирейтинг городов Сибири : докл., представленный на заседании президиума СО РАН 25 марта 2021 г., Новосибирск. URL: <https://dzen.ru/video/watch/61a7995f0ee7ba75d0140a11> (дата обращения: 11.05.2024).

16. Бурматова О. П. Регионы Сибири с напряженной экологической ситуацией: причины и решения // Развитие территорий. 2023. № 4. С. 28—39. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-28-39
17. О состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области — Кузбасса в 2022 году : докл. Министерства природных ресурсов и экологии Кузбасса. Кемерово, 2023. 250 с.
18. Минприроды: в воздухе Новокузнецка вдвое увеличилась концентрация вещества, вызывающего рак. URL: <https://ngs42.ru/text/ecology/2022/08/05/71545565/> (дата обращения: 17.03.2024).
19. Burmatova O. P., Sumskaya T. V. Methods for Taking into Account the Impact of Environmental Factors on Children's Health // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences = Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. No. 15 (12). P. 1865—1880. DOI: 10.17516/1997-1370-0958

References

1. Kutuzova M.V. Otsenka vliyaniya sostoyaniya okruzhayushchey sredy na uroven' zhizni naseleniya regiona (na materialakh Omskoy oblasti) [Assessment of the Impact of Environmental Conditions on the Living Standards of the Population of the Region (the Omsk Oblast case)], *Fundamental'nye issledovaniya: Ekonomicheskie nauki* [Fundamental research: Economic Sciences], 2013, no. 10, pp. 636–640.
2. Maksimenko L.V. *Sotsial'no-gigienicheskie aspekty okhrany okruzhayushchey sredy: sotsial'no-gigienicheskiy monitoring* [Socio-Hygienic Aspects of Environmental Protection: Socio-Hygienic Monitoring]. Available at: <http://www.docme.ru/doc/544377/lekciya--gigienicheskie-aspekty> (accessed: 17.03.2024).
3. Revich B.A. *Menyayushchisya klimat i zdorov'e naseleniya: problemy adaptatsii* [Changing Climate and Population Health: Adaptation Challenges] : nauch. dokl., pod red. akademika RAN B.N. Porfir'eva. Moscow : Dinamik Print, 2023, 168 p. (Seriya: Nauchnyy доклад INP RAN). DOI: 10.47711/srl-2023
4. OON: ot zagryazneniya vozdukha ezhegodno umirayut 7 mln chelovek [The UN: 7 Million People Die Each Year from Air Pollution]. Available at: <https://plus-one.ru/news/2021/09/30/sokrashchenie-vybrossov-metana-mozhet-ezhegodno-spasat-po-50-tys-zhizney> (accessed: 03.02.2024).
5. Achkasov E.E. *Ekologiya cheloveka i promyshlennoe zagryaznenie okruzhayushchey sredy* [Human Ecology and Industrial Environmental Pollution]. Available at: http://www.docme.ru/doc/512377/kafedra-gospital._noj-hirurgii (accessed: 07.04.2024).
6. *Global'noe zdavookhranenie: problemy, initsiativy i vyzovy* [Global Health: Issues, Initiatives and Challenges]. Available at: <https://dpoaps.ru/blog/globalnoe-zdavookhranenie> (accessed: 17.03.2024).
7. *Deystviya vo imya zdorov'ya lyudey i planet* [Acting for the Health of People and Planet]. Available at: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/health> (accessed: 17.03.2024).
8. *Urgent Health Challenges for the Next Decade*. Available at: <https://www.who.int/news-room/photo-story/photo-story-detail/urgent-health-challenges-for-the-next-decade> (accessed: 03.17.2024).
9. *O Sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii v 2022 godu* [On the Sanitary and Epidemiological Well-being of the Population in the Russian Federation in 2022]: gos. dokl. Moscow : Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ey i blagopoluchiya cheloveka, 2023, 368 p.
10. *O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu* [On the Sanitary and Epidemiological Well-being of the Population in the Russian Federation in 2020]: gos. dokl. Moscow : Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ey i blagopoluchiya cheloveka, 2021, 256 p.
11. *Obzor sostoyaniya i zagryazneniya okruzhayushchey sredy v Rossiyskoy Federatsii za 2022 god* [Review of the Environmental Conditions and Pollution in the Russian Federation for 2022]. Moscow : Rosgidromet, 2023, 215 p.
12. *O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2022 godu* [On the Environmental Conditions and Protection in the Russian Federation in 2022]: gos. dokl. Moscow : Minprirody Rossii : MGU im. M.V. Lomonosova, 2023, 686 p.
13. *Ob ekologicheskom sostoyanii gorodov Sibirskogo federal'nogo okruga : dokl., predstavlennoy na zasedanii prezidiuma SO RAN 25 march 2021 goda* [On the Environmental Condition of Cities in the Siberian Federal District], g. Novosibirsk. Available at: <https://dioxin.greenfo.ru/archives/307> (accessed: 03.02.2024).
14. Otsenka ekologo-meditsinskoy situatsii v gorodakh Sibiri na osnove otkrytykh dannykh [Assessment of Ecological and Medical Situation in Siberian cities based on open data], *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 2021, 20 september. Available at: <https://www.sbras.info/articles/opinion/otsenka-ekologo-meditsinskoi-situatsii-v-gorodakh-sibiri-na-osnove-otkrytykh-dannykh> (accessed: 17.03.2024).
15. *Ekologo-meditsinskiy antireyting gorodov Sibiri* [Environmental and Medical Antirating of Siberian Cities] : dokl., predstavlennoy na zasedanii prezidiuma SO RAN 25 march 2021 g., Novosibirsk. Available at: <https://dzen.ru/video/watch/61a7995f0ee7ba75d0140a11> (accessed: 11.05.2024).
16. Burmatova O.P. Regiony Sibiri s napryazhennoy ekologicheskoy situatsiey: prichiny i resheniya [Regions of Siberia with a Tense Environmental Situation: Causes and Solutions], *Razvitie territoriy* [Territory Development], 2023, no. 4, pp. 28–39. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-28-39
17. O sostoyanii i okhrane okruzhayushchey sredy Kemerovskoy oblasti — Kuzbassa v 2022 godu [On the Environmental Conditions and Protection in Kemerovo Oblast – Kuzbass in 2022]: dokl. Ministerstva prirodnikh resursov i ekologii Kuzbassa. Kemerovo, 2023, 250 p.
18. Минприроды: в воздухе Новокузнецка вдвое увеличилась концентрация веществ, вызывающих рак [Ministry of Natural Resources: concentration of cancer-causing substance doubled in Novokuznetsk air]. Available at: <https://ngs42.ru/text/ecology/2022/08/05/71545565/> (accessed: 17.03.2024).
19. Burmatova O.P., Sumskaya T.V. Methods for Taking into Account the Impact of Environmental Factors on Children's Health, *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2022, no. 15 (12), pp. 1865–1880. DOI: 10.17516/1997-1370-0958

Информация об авторе

Бурматова Ольга Петровна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: burmatova.op@yandex.ru

Information about the author

Olga P. Burmatova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: burmatova.op@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 30.06.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНСТРУКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Юлия Владимировна Баталова^{1✉}, Юрий Рачикович Айрапетян²

^{1, 2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Юлия Владимировна Баталова, 3j@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике конструктивизации инициатив негосударственных некоммерческих организаций в контексте все возрастающей потребности современных государств противодействовать проявлениям нежелательной политической деятельности третьего сектора. Конструктивные гражданские инициативы негосударственных некоммерческих организаций направлены в адрес органов публичной власти с целью удовлетворения нематериальных потребностей целевых групп, соответствующих основам конституционного строя и ценностям национальной государственности, реализующиеся в формах и технологиях, не запрещенных законом и этическими нормами. При этом сформулированы следующие критерии, позволяющие дифференцировать конструктивные гражданские инициативы данных организаций от деструктивных проявлений их социально-политической деятельности: соответствие сущности инициативы базовым ценностям национальной государственности; формат выражения гражданской инициативы, не запрещенный законом и отвечающий нормам публичной этики. В исследовании доказано, что вопреки мнению отечественных представителей либеральной мысли гражданские инициативы «протестной публики» не служат «спусковым механизмом» демократизации незападных стран (в том числе России), а чаще всего перерастают в деструктивные действия по отношению к идее национальной государственности. Сделан вывод о необходимости внедрения в российскую политическую науку и практику категории «конструктивные гражданские инициативы негосударственных некоммерческих организаций» в целях преодоления узколиберального подхода к изучению отечественного феномена общественных организаций, а также расширения возможностей для реализации российскими негосударственными некоммерческими организациями созидательного политического потенциала.

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, гражданское общество, конструктивные гражданские инициативы

Для цитирования: Баталова Ю. В., Айрапетян Ю. Р. Политическая сущность конструктивных гражданских инициатив негосударственных некоммерческих организаций // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 50—57. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-50-57>

State and civil society, ideology and politics

Original article

POLITICAL ESSENCE OF CONSTRUCTIVE CIVIL INITIATIVES OF NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Yulia V. Batalova^{1✉}, Yuri R. Hayrapetyan²

^{1, 2} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Corresponding author: Yulia V. Batalova, 3j@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of constructivization of initiatives of non-state non-profit organizations in the context of the increasing need of modern states to counteract the manifestations of undesirable political activities of the third sector. Constructive civic initiatives of non-state non-profit organizations are directed to public authorities in order to meet the non-material needs of target groups, corresponding to the foundations of the constitutional order and values of national statehood, implemented in forms and technologies that are not prohibited by law and ethical norms. At the same time, the authors formulated the following, allowing to differentiate constructive civic initiatives of these organizations from destructive manifestations of their socio-political activities: correspondence of the essence of the initiative to the basic values of the national statehood; the format of expression of civic initiative, which is not prohibited by law and meets the norms of public ethics. The study proves that, contrary to the opinion of domestic representatives of liberal thought, civil initiatives of the «protest public» do not serve as a «trigger mechanism» for democratization in non-Western countries (including Russia), and most often grow into destructive actions in relation to the idea of national statehood. It is concluded that it is necessary to introduce into Russian political science and practice the category of «constructive civic initiatives of non-state actors».

Keywords: non-governmental non-profit organizations, civil society, constructive civic initiatives

For citation: Batalova Yu.V., Hayrapetyan Yu.R. Political Essence of Constructive Civil Initiatives of Non-governmental Non-profit Organizations. *Territory Development*. 2024;(4):50—57. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-50-57>

Деятельность современного демократического правового социального государства ориентирована на последовательную гарантию реализации прав и свобод человека, обеспечение национальной безопасности и развитие человеческого капитала (потенциала).

Однако ни одно государство как политический институт не в состоянии в одиночку справиться с реализацией своих функций в полной мере. В этой связи партнером власти в вопросах инициирования и реализации социально ориентированной политики становятся институты гражданского общества, в первую очередь негосударственные некоммерческие организации (НКО).

С середины прошлого века стала очевидной несостоятельность утверждения о том, что государственно-политическое управление является исключительной сферой деятельности правительственных институтов. На социально-политической арене НКО выступили как субъекты, влияющие на процесс инициирования, разработки и реализации государственной политики в отношении общества, трансформируя сферу государственной монополии в область публичного управления.

Возникнув как социальное явление, по мере институционального оформления НКО приобретали все большую значимость в политике (если трактовать последнюю в широком смысле, как искусство жить вместе).

Политическая значимость НКО в современных демократиях состоит в том, что они выступают инициаторами и носителями гражданских инициатив.

Термин «гражданская инициатива» некоторые авторы понимают как форму волеизъявления граждан, посредством которой транслируется мнение определенной группы населения в компетентные государственные и муниципальные органы власти с целью получения ответной реакции [1, с. 48]. Другие считают, что это форма принятия политических решений в будущем [2, с. 25]. Таким образом, гражданские инициативы, являющиеся социальными по своей природе, реализуются политическим путем, поскольку их осуществление предполагает взаимодействие с органами и институтами публичной власти.

Возникновение гражданских инициатив послужило своеобразной реакцией на некоторую стагнацию представительной демократии и ее институтов в постиндустриальном мире [3].

Гражданская инициатива сплачивает представителей самых разных слоев и социальных групп вокруг конкретной проблемы либо задачи. «Ядро» гражданской инициативы — численно небольшая группа сопереживающих обывателей и/или профессионалов в данной сфере — стремительно (особенно в условиях тотальной интернетизации социально-политического пространства) обретает поддержку так называемой «периферии» — представителей самых различных слоев и групп ответственности [4].

Источником выдвижения или мощным ресурсом поддержки гражданских инициатив в совре-

менных государствах выступают группы влияния и группы давления. Однако при отсутствии либо несоблюдении публично-демократических традиций и легальных процедур властно-общественного взаимодействия такие инициативы могут стать инструментом достижения индивидуальных либо узкогрупповых целей политических субъектов [5].

Таким образом, гражданская инициатива, не являясь социально-политическим институтом, дает мощный импульс активизации властно-общественных отношений. Она не только «оживляет» существующие, но и способствует появлению новых направлений, развитию институтов, форм и технологий государственно-общественного взаимодействия.

Сегодня как никогда актуален тезис К. Шмитта о том, что все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными и наоборот [6], поскольку публичная власть и гражданское общество соединяются для совместной созидательной работы, а стимулирование и поддержка властью гражданских инициатив становятся политической сущностью демократий.

Гражданские инициативы НКО — одно из наиболее значимых явлений современной общественно-политической жизни, поскольку они являются плодом осознанного коллективного интеллектуального труда активных граждан — лидеров и участников общественных организаций — и имеют своей целью преобразование социальной реальности путем взаимодействия с представителями публичной власти. Эти инициативы могут быть предложены и реализованы в форме социально (либо социально-политически) ориентированных проектов, услуг, практик и технологий. Они отличаются большей, чем индивидуальные гражданские инициативы, результативностью и эффективностью в аспектах целедостижения, организации, расходования общественных и государственных ресурсов, долгосрочного воздействия на социальные отношения, явления и процессы.

Используя гражданские инициативы, НКО реализуют свою социальную и политическую функцию и в то же время могут проявлять сущность общественно-политического института.

Социальная (общественная) функция НКО понимается как содействие удовлетворению нематериальных потребностей определенных целевых групп общества. В политической науке и практике социальная функция НКО определяется в терминологии как содействие развитию человеческого капитала [7]. При этом НКО могут представлять гражданские инициативы в различных сферах деятельности, таких как защита прав отдельных социальных групп, поддержка определенных слоев населения, улучшение качества оказания услуг в отдельных сферах общественной жизнедеятельности. Но проявляя социальные инициативы, они не могут не взаимодействовать (прямо или опосредованно) с представителями и институтами публичной власти, не могут не влиять на общественное мнение, поскольку вопрос удовлетворения нематериальных потребно-

стей определенной социальной группы рано или поздно начинает привлекать все большее внимание широкой публики и становится объектом политического внимания. И в этом проявляется политический функционал НКО.

Социальные инициативы положительно характеризуют НКО как организацию, приносящую (либо желающую принести) определенную пользу для целевой социальной группы.

Оценка современным научным и экспертным сообществом политического функционала и инициатив НКО не столь однозначна.

С позиции либерализма гражданское общество всегда имеет приоритет над государственной властью. При этом политическая деятельность и инициативы НКО независимо от их характера и способов проявления воспринимаются либералами как приносящие благо данной политической системе в аспектах ее демократизации и самоорганизации. Однако в XXI в. постулат политического либерализма переосмысливается. Так, в период множественных кризисов и угроз политическая деятельность и инициативы НКО все чаще анализируются с позиции обеспечения политической безопасности. Растет количество исследований, в которых анализируются практики негативного, дестабилизирующего воздействия на политическую систему, государственные и общественные институты, политическую культуру и ее элементы неправительственных (международных) и внутригосударственных НКО, использующих инструменты как «мягкого» влияния (просветительская, образовательная, информационно-пропагандистская деятельность), так и «жесткой» политической силы (организация протестных акций, террористических актов и т. д.) [8]. Неприбыльный характер как основной принцип деятельности НКО объективно усиливает риск их политической ангажированности со стороны деструктивных политических сил. Соответствующие факты свидетельствуют об иллюзорности тезиса либерально ориентированных исследователей и экспертов о независимости НКО от государства (либо конкретных политических элит).

По оценкам экспертов, начиная со второй половины XX в. финансовая и политическая мощь НКО в США и странах Западной Европы выросла в сотни раз, их политическое влияние стало сопоставимо с влиянием государственных институтов, а в ряде случаев и превосходить их [9].

Так, А. И. Подберезкин и другие исследователи, анализируя статистику динамики количества НКО в России по декадам с 1920 по 2010 г., подготовленную Центром военно-политических исследований МГИМО), отмечают, что с 1990 г. и каждые последующие 10 лет общее количество НКО увеличивается на треть, а количество «небезопасных» НКО (тех, которые могут негативно влиять на ценности, самосознание и иные аспекты национальной самоидентификации) с 1990 по 2000 г. увеличилось в два раза [10, с. 13]. С середины 2000-х гг. эта тенденция идет на спад, что

связано с актуализацией властью борьбы с влиянием иностранных агентов.

Однако, как справедливо заметил В. С. Комаровский, применительно к современной России «нынешняя модель властвования вполне эффективна, чтобы не допустить нежелательных действий со стороны других акторов, но неэффективна в плане того, чтобы побудить их действовать конструктивно в пользу общества и государства» [11, с. 5].

Признавая значимость борьбы с иноагентами и нежелательными организациями для обеспечения политической безопасности России XXI в., следует отметить, что на сегодняшний день эта политика носит реактивный характер (поскольку реализуется по последствиям), и она не получила серьезной концептуальной проработанности (поскольку предполагает лишь наличие мер юридического и материального воздействия).

Изложенное актуализирует необходимость проработки политики стимулирования гражданских инициатив НКО на идейном и концептуальном уровне. В России нужно создать такие условия (стимулы) для НКО, чтобы инициировать и реализовывать полезную для общественности и страны деятельность было почетно и преумножало бы репутационный капитал, а проявлять опасные для национальной политической системы инициативы — стало бы не только невыгодно юридически и экономически, но и неэтично с точки зрения мнения общественности.

Потребность конкретизировать позитивные и негативные аспекты социально-политической деятельности НКО применительно к России диктует необходимость категоризации как конструктивных, так и деструктивных гражданских инициатив НКО в отечественной политической теории и практике.

Критерии предлагаемой классификации:

— характер инициативы НКО по отношению к целям развития человеческого капитала, базовым ценностям национальной государственности, политической безопасности страны;

— способы и технологии реализации инициативы НКО в соотношении с целями обеспечения политической безопасности.

Под конструктивной гражданской инициативой НКО следует понимать предложение НКО с учетом этих критериев в адрес органов публичной власти и управления, направленное на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее основам конституционного строя и ценностям национальной государственности и реализующееся в формах и технологиях, не запрещенных законом и этическими нормами.

Как следует из определения, конструктивные гражданские инициативы НКО в отличие от гражданских инициатив имеют следующие особенности:

1) соответствие сущности инициативы НКО базовым ценностям национальной государственности, укорененным в истории, политической куль-

туре страны, составляющей основы национального менталитета, а также закреплённым в Основном законе государства и конкретизированным в публично-политических документах;

2) не запрещённый законом и отвечающий нормам публичной этики формат выражения гражданской инициативы. Большинство государств закрепляют и гарантируют различные формы гражданского участия на всех уровнях системы публичной власти и управления: акцептные, т. е. поддерживающие действующую политику (участие в референдуме, инициирование конференции, схода граждан, обращение в государственные и муниципальные органы); протестные, т. е. выражающие оппозиционное мнение общественности по определённому вопросу (митинги, одиночные пикетирования и т. д.) Важно, чтобы формат выражения конструктивных гражданских инициатив не приводил к подрыву основ государственного строя и нарушению политической безопасности. В данном контексте восстание, несанкционированный митинг, революция или провокация массового девиантного политического поведения в сети Интернет априори не могут быть конструктивными гражданскими инициативами, какими бы благородными целями они не были оправданы.

К деструктивным гражданским инициативам НКО можно отнести все те, которые не отвечают хотя бы одному из предложенных критериев.

Соответственно, государственная политика стимулирования гражданских инициатив НКО должна разрабатываться и реализовываться в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, следует создавать условия для проявления НКО конструктивных гражданских инициатив, с другой — обеспечить систему профилактических мер для снижения деструктивного политического потенциала НКО.

Проявление деструктивных гражданских инициатив в среде НКО является одной из наиболее серьёзных политических угроз для государств.

Данный тезис сегодня оказывается справедливым применительно к западным странам. Деидеологизированный либерализм конца XX в., ставший почвой для роста гражданских инициатив в США и странах Запада в эпоху постмодерна, в то же время способствовал «размыванию» ценностей классической либеральной демократии, взамен не предложив сколько-нибудь значимых идей, которые могли бы послужить основой политической консолидации власти и общественности. Так, инициативное гражданское общество, которое компетентно, часто в режиме конфликта взаимодействует с государством по вопросам соблюдения и защиты своих прав и законных интересов, предлагает власти альтернативные пути и механизмы решения актуальных проблем социально-экономического развития, — подверглось эрозии в условиях развития так называемого «индивидуализированного сообщества», в котором, по меткому выражению З. Баумана, «подавлялись проявления человеческого духа, в прошлом вдох-

новлявшие людей к социальным преобразованиям» [12, с. 105]. Наиболее известные постсовременные гражданские инициативы (например, протесты шведской экоктивистки Греты Тунберг, демонстрации в Европе в защиту сексуальных меньшинств) являются по сути технологичными скандальными акциями и не несут ничего созидательного для западноевропейской государственности и цивилизации.

Для государств, не принадлежащих к западноевропейской цивилизации и испытывавших на себе последствия либерально-демократических «прививок» (в терминах классической политологии такие государства называются «гибридными», реже «молодыми», незападными демократиями), тезис о необходимости стимулирования властью конструктивных гражданских инициатив НКО оказывается тем более справедлив. Поощряя количественный рост НКО-сектора и не уделяя внимание его качественным характеристикам, власть в этих странах рискует «вырастить» деструктивные общественно-политические силы.

Изложенное актуализирует значимость более объективного, свободного от либерального догматизма изучения этой проблематики в рамках современной политической науки.

Представители классической американской и западноевропейской политологии придерживаются либеральной парадигмы осмысления политической деятельности и гражданских инициатив НКО. Основу методологии изучения НКО представителей этих стран составляет парадигма коллективных действий и новых общественных движений.

Сторонники парадигмы коллективных действий полагают, что государство должно создавать условия для выражения и реализации всех гражданских инициатив, в том числе и инициатив протестных движений. Путём протеста (стихийного или сознательного) общественность высказывает свое недовольство государственной политикой, публично выражает инакомыслие и критикует правительство, требует кардинальных перемен текущей социально-политической ситуации [13]. Проявление гражданского протеста рассматривается в качестве неинституционального фактора развития публичной политики, поскольку гражданский протест позволяет снять накопившееся напряжение из-за социальных или психологических деформаций и, следовательно, снизить уровень внутренней энтропии в политической системе в том случае, если государственные действия недостаточно эффективно [14].

Таким образом, сторонники парадигмы коллективных действий все гражданские инициативы считают безусловным благом для социально-политического развития, включая из исследования фокуса феномен гражданского деструктивизма. В рамках парадигмы коллективных действий изучались движения новых левых, движения за гражданские права чернокожих американцев, феминистические движения 1960—1970-х гг. в США. Позднее, с позиции теории новых обще-

ственных движений, изучались западноевропейские экологическое, женское, антиядерное движения и движение за мир 1970—1980-х гг., ориентированные на поиск ценностей постиндустриального общества. При всем разнообразии этих движений их инициативы не выходили за рамки либерально-демократической государственности, сводясь к проведению изменений действующего законодательства, реформированию существующих либо внедрению новых институтов, а также технологиям разработки и реализации государственной политики в той или иной сфере, в том числе в условиях постиндустриализма.

Во всех исследованиях не учитывались общественные движения, которые были носителями деструктивных гражданских инициатив (например, радикальные политические движения в странах Восточной Европы и СССР в 1980-е гг.) Эти движения называются по-разному («экспрессивные», «общие», «антидвижения») и их изучение в основном носит историко-описательный характер [15].

Современные отечественные работы по изучению общественных движений и их инициатив, осуществленные в русле парадигм коллективного действия и новых движений, сконцентрированы на прикладных аспектах: формате, ресурсах, технологиях (в том числе информационно-коммуникативные), а также на сотрудничестве с властью, оценке эффективности использования ресурсов, результативности и влиянии на общество и государство [16]. Особое внимание в таких работах уделено протестным гражданским инициативам и общественным движениям в современной России. Соглашаясь с тем, что в России сложился отличный от западноевропейского тип властно-общественных отношений (он характеризуется как патерналистский, этатистский, традиционный), российские исследователи по-разному относятся к роли протестных гражданских инициатив в политических процессах государства.

Приверженцы либеральной традиции указывают, что гражданский протест, неповиновение «становится тем единственным институтом, благодаря которому формы участия граждан лежат в политической плоскости, а решение социальных проблем зависит от результатов оказываемого давления на органы власти» [2, с. 14]. В этом смысле протестные гражданские инициативы рассматриваются как проявление зрелости политической культуры граждан [17 ; 18].

Подчеркивается, что развитию либеральной модели властно-общественного взаимодействия в России (как и в других западных демократиях: Тунисе, Марокко, Турции) препятствуют нелиберальные факторы национальной государственности (закрытость политической системы, неразвитость механизмов властно-общественного взаимодействия [19]; восприятие представителями политической элиты сущности публичной политики как игры на публику и субъективизм в принятии политических решений [20]; устойчивое воспроизводство архетипов традиционной политической культуры [21]). Н. Ю. Беляева под

термином «протестная публика» понимает особую общность граждан, обладающую следующими признаками: информированностью; компетентностью; включенностью; заинтересованностью; свободой мысли, мнения, действия; связанностью в сообщество; готовностью действовать [22, с. 73]. Таким образом, согласно либеральному подходу, инициативы «протестной публики» должны послужить «спусковым механизмом» демократизации западных стран [23].

Однако, несколько абстрагируясь от либерально ориентированного подхода, можно обнаружить, что в условиях нелиберальной социально-политической среды такие протестные инициативы с большой вероятностью перерастают в деструктивные, т. е. способствуют разрушению национальной государственности, предоставляя взамен идеи свободы и демократии. Не находя широкой социальной опоры, эти идеи, по меткому выражению М. Вишняка, обнаруживают свою «либеральную пустоградность» [24, с. 49].

Данный сценарий был реализован в конце 1970 — начале 1990-х гг. в ряде государств постсоветского блока, где стремительная либерализация новых государственно-политических элит способствовала образованию ценностно-идеологического вакуума в системе властно-общественных отношений. В это время активными инициаторами и агентами политических изменений в западных демократиях становятся зарубежные неправительственные организации (их отделения и представительства) [25 ; 26]. Под эгидой благотворительной и просветительской деятельности они широко используют технологии влияния на общественное мнение и нередко становятся наставниками и вдохновителями, а также и основными спонсорами нарождающихся внутригосударственных организаций НКО-сектора.

Поскольку общественные организации включают самых активных в социально-политическом плане граждан, а наиболее «горячими» точками властно-общественного взаимодействия являются вопросы защиты прав человека, закономерным становится то, что, впитав идеи и ценности либерализма, лидеры и члены правозащитных НКО в западных демократиях попросту не могли не стать идейными оппонентами по отношению к любой власти (кроме ультралиберальной), а все попытки государства повлиять на характер развития данных организаций считали покушениями на их ценности и независимость. В итоге нарождающийся в западных демократиях 1980—1990-х гг. правозащитный некоммерческий сектор стал «протестной публикой», тиражирующей ультралиберальные гражданские инициативы.

Позднее, когда в борьбу за политическую власть в этих странах вступили более умеренные и конструктивные в плане обеспечения политической безопасности силы, ценностный конфликт либерально ориентированных правозащитных НКО с властью и нелиберальной по своей сути социально-политической средой вылился в от-

крытое противостояние. Тогда деструктивный характер ультралиберальных инициатив стал очевиднее. Проявлениями такой деструкции оказались, в частности, «цветные» революции в Грузии (2003), Украине (2004), Киргизии (2005) и других странах (массовые акции гражданского протеста под предводительством либеральных лидеров общественного мнения, распространение оппозиционных (в духе ультралиберализма) по отношению к власти и ее представителям материалов, пропаганда (в том числе в молодежной среде) идей и ценностей, направленных на подрыв основ национальной государственности) [8].

Либерально ориентированные гражданские инициативы послужили деструктивной политической силой в имперский и ранний постсоветский периоды российской государственности.

Исследуя причины этого феномена, представители отечественной общественно-политической мысли имперской России и эмигрантской мысли 1920—1930-х гг. отмечали упрощенное, поверхностное и в то же время восторженное восприятие либерализма как политическими элитами, так и определенными слоями общественности. Этот феномен русского политического менталитета исследователи называют «демократическим идолопоклонничеством» [27].

Доказано, что в России именно народники и революционеры пытались реализовать ультралиберальные идеи в форме радикальных инициатив, что стало глубинным фактором дестабилизации российской государственности на исходе XIX — в начале XX в. Это существенно ослабило самодержавную власть, лишило ее народной поддержки и стало одним из ключевых факторов гибели Российской империи [28, с. 450—458].

Основываясь на результатах ретроспективного анализа попыток либерализации постсоветской России, сегодня все больше исследователей приходят к сентенции, в соответствии с которой для страны неприемлемы идеи классического либерализма [29].

Введение предложенной в данной статье категории «конструктивные гражданские инициативы НКО» в оборот отечественной политической науки может способствовать устранению «издержек» либерального подхода к исследованию общественных организаций как социально-политического института, а также содействовать коррективке реализуемой в стране политики поддержки и развития третьего сектора в аспектах актуализации созидательного политического потенциала НКО и разработки профилактических мер по уменьшению их деструктивной политической деятельности.

Список источников

1. Ягодка Н. Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 47—59.
2. Киняшева Ю. Б., Мураценков С. В. Роль гражданских инициатив в решении социально-экономических проблем региона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 23—28.
3. Ножка С. М., Чумаченко А. П. Социально значимые политические инициативы как интегративная категория политической коммуникации: приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. С. 43—51.
4. Мирясова О. Что такое гражданские инициативы? // URL: <http://www.rpk.len.ru/theory/CivInit.html> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Каневский П. С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 121—138.
6. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 290—310.
7. Аузан А. Человеческий капитал и роль договороспособности: как изменились НКО за 30 лет. URL: <https://asi.org.ru/2024/04/25/chelovecheskij-kapital-i-rol-dogovorospobnosti-kak-izmenilis-nko-za-30-let/> (дата обращения: 27.08.2024).
8. Рукина И. М., Анфимова А. Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Т. 17, № 1. С. 118—121.
9. Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М. : Россотрудничество, 2020. 60 с.
10. Боброва О. В., Подберезин А. И., Подберезкина О. А. Негосударственные институты развития — силовые средства политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2021. № 9. С. 5—33.
11. Комаровский В. С. Эволюция взглядов на государство в постсоветской России и на Западе на рубеже веков // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 4 (118), т. 2. С. 5—8.
12. Бауман Зигмунт. Индивидуализированное сообщество / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М. : Логос. 2005. 390 с.
13. Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3. С. 251—255.
14. Travaglino G. A. Social sciences and social movements: the theoretical context. Contemporary Social Science. 2014. Vol. 1. P. 1—14.
15. Молодчик Е. Л. Общественные движения и гражданские инициативы в Российской Федерации в 1985—1999 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 202 с.
16. Соколов А. В., Левченко И. А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 2. С. 79—100.
17. Кутыгина Е. Н. Культура политического протеста : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.
18. Лалетин И. Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 27 с.
19. Ульданов А. A. Protest public as a source of civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011—2012 // Право и политика. 2016. № 3. С. 388—396.

20. Беляева Н. Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 22—32.
21. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика (заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 34—42.
22. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 72—87.
23. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the «Triggers» of Political Changes in Hybrid Regimes: the Cases of Tunisia, Morocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. P. 233—257.
24. Вишняк М. Политика и мирозерцание (О «русском социализме») // Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. 350 с.
25. Ежов Д. А. К вопросу об эффективности правовых механизмов сдерживания деструктивной деятельности экологических организаций в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 330—332.
27. Огнева В. В., Киселев С. А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 36—45.
27. Омельченко Н. А., Гимазова Ю. В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // Социодинамика. 2013. № 9. С. 153—182.
28. Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М. : АСТ, 2003. С. 450—458.
29. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт : моногр. / Н. А. Баранов, Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева и др. Ярославль : ЯГПУ. 2022. 179 с.

References

1. Yagodka N.N. Grazhdanskaya initsiativa kak faktor povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v rossiyskoy Federatsii [Civic Initiative as a Factor of the Improvement of the State and Municipal Management in the Russian Federation], *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2014, no. 3, pp. 47—59.
2. Kinyasheva Yu.B., Murashchenkov S.V. Rol' grazhdanskikh initsiativ v reshenii sotsial'no-ekonomicheskikh problem regiona [The Role of Civic Initiatives in Solving Social-Economic Problems of the Region], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2016, no. 2, pp. 23—28.
3. Nozhka S.M., Chumachenko A.P. Sotsial'no znachimye politicheskie initsiativy kak integrativnaya kategoriya politicheskoy kommunikatsii: priblizhenie k formulirovaniyu definitsii [Socially Significant Political Initiatives as an Integrative Category of Political Communication: Approaching the Formulation of a Definition], *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «GosReg»* [Electronic Scientific Journal «GosReg»], 2019, no. 1, pp. 43—51.
4. Miryasova O. Chto takoe grazhdanskie initsiativy? [What are Civic Initiatives?] // Available at: <http://www.rpk.len.ru/theory/CivInit.html> (accessed: 02.05.2024).
5. Kanevskiy P.S. Natsional'nye modeli lobbizma: tipy i mekhanizmy funktsionirovaniya [National Models of Lobbying: Types and Mechanisms of Functioning], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2013, no. 3, pp. 121—138.
6. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Notion of Political], *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli* [Anthology of World Political Thought]: v 5 t. Moscow, 1997, vol. 2, pp. 290—310.
7. Auzan A. Chelovecheskiy kapital i rol' dogovorospособnosti: kak izmenilis' NKO za 30 let [Human Capital and the Role of Contractual Capacity: How NPOs Have Changed over 30 Years]. Available at: <https://asi.org.ru/2024/04/25/chelovecheskiy-kapital-i-rol-dogovorospособnosti-kak-izmenilis-nko-za-30-let/> (accessed: 27.08.2024).
8. Rukina I.M., Anfimova A.Yu. Inostrannye agenty kak faktor razrusheniya gosudarstvennogo suvereniteta [Foreign Agents as Factor of Destruction of the State Sovereignty], *Vestnik RAEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 118—121.
9. Analiticheskii obzor strategiy rasprostraneniya humanitarnogo vliyaniya zarubezhnykh stran na postsovetском prostranstve [Analytical Review of Strategies for Spreading the Humanitarian Influence of Foreign Countries in the Post-Soviet Countries]. Moscow : Rossotrudnichestvo, 2020, 60 p.
10. Bobrova O.V., Podberezin A.I., Podberezkina O.A. Negosudarstvennye instituty razvitiya – silovye sredstva politiki [Non-State Development Institutions - Policy Enablers], *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer* [Scientific and Analytical Journal «Observer»], 2021, no. 9, pp. 5—33.
11. Komarovskiy V.S. Evolyutsiya vzglyadov na gosudarstvo v postsovetской Rossii i na Zapade na rubezhe vekov [Evolution of Views on the State in Post-Soviet Russia and the West at the Turn of the Century], *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Academic Notes of the Russian State Social University], 2013, no. 4, (118), vol. 2, pp. 5—8.
12. Bauman Zigmunt. Individualizirovannoe soobshchestvo [The Individualized Society]. Moscow: Logos, 2005, 390 p. Translated from English.
13. Artyukhina V.A. Sotsial'nyy protest kak proyavlenie grazhdanskogo obshchestva [Social Protest as a Manifestation of Civil Society], *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity], 2011, no. 3, pp. 251—255.
14. Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context, *Contemporary Social Science*, 2014, vol. 1, pp. 1—14.
15. Molodchik E.L. Obshchestvennye dvizheniya i grazhdanskie initsiativy v Rossiyskoy Federatsii v 1985—1999 gg. [Public Movements and Civic Initiatives in the Russian Federation in 1985—1999], Cand. ist. sci. diss. Moscow, 2010, 202 p.
16. Sokolov A.V., Levchenko I.A. Rezul'tativnost' deyatel'nosti protestnykh grupp: pokazateli i ikh aprobsiya [Effectiveness of Protest Groups' Activity: Indicators and Their Testing], *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2018, vol. 19, no. 2, pp. 79—100.
17. Kutygina E.N. Kul'tura politicheskogo protesta [The Culture of Political Protest], Kand. polit. sci. diss. Abstr. Rostov-na-Donu, 2005, 24 p.

18. Laletin I.N. *Grazhdanskie protesty v rossiyskom obshchestve v usloviyakh transformatsii: formirovanie i sotsial'naya dinamika* [Civil Protests in Russian Society under Transformation: Formation and Social Dynamics]: Cand. sotsiolog. sci. diss. Abstr. Rostov-na-Donu, 2013, 27 p.
19. Ul'danov A.A. Protest public as a source of civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011–2012, *Pra-vo i politika* [Law and Politics], 2016, no. 3, pp. 388–396.
20. Belyaeva N.Yu. Publichnaya politika v Rossii: soprotivlenie sredey [Public Policy in Russia: Resistance of the Medium], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2007, no. 1, pp. 22–32.
21. Pivovarov Yu.S. Russkaya vlast' i publichnaya politika (zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita) [Russian Power and Public Policy (A Historian's Notes About the Reasons of Unsuccess of the Democratic Transition)], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2006, no. 1, pp. 34–42.
22. Belyaeva N.Yu. Razvitiye kontsepta publichnoy politiki: vnimanie «dvizhushchim silam» i upravlyayushchim sub"ektam [Developing the Concept of Public Policy: Attention to «Driving Forces» and Governing Actors], *Polis* [Polis], 2011, no. 3, pp. 72–87.
23. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the «Triggers» of Political Changes in Hibrid Regimes: the Cases of Tunisia, Marocco, and Egypt, *Societies and Political Orders in Transition*, 2019, pp. 233–257.
24. Vishnyak M. Politika i mirosozertsanie (O «russkom sotsializme») [Politics and Worldview (On «Russian Socialism»)], *Sovremennye zapiski* [Contemporary Notes], 1928, kn. XXXVI, 350 p.
25. Ezhov D.A. K voprosu ob effektivnosti pravovykh mekhanizmov sderzhivaniya destruktivnoy deyatel'nosti ekologicheskikh organizatsiy v Rossii [To the Issue of Effectiveness of Legal Mechanisms for Deterrent of Destructive Activity of Ecological Organizations in Russia], *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 330–332.
26. Ogneva V.V., Kiselev S.A. Problemnye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya deyatel'nosti politicheskogo instituta inostrannykh agentov v sovremennoy Rossii [Problematic Aspects of State Regulation of the Activities of the Political Institute of Foreign Agents in Modern Russia], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2023, iss. 1, pp. 36–45.
27. Omel'chenko N.A., Gimazova Yu.V. O demokraticeskom idolopoklonnichestve, khimerakh russkogo politicheskogo liberalizma i demokratii v Rossii [On Democratic Idolatry, Chimeras of Russian Political Liberalism and Democracy in Russia], *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2013, no. 9, pp. 153–182.
28. Ol'denburg S.S. *Tsarstvovanie Nikolaya II* [The reign of Nicholas the 2nd]. Moscow : AST, 2003, pp. 450–458.
29. Baranov N.A., Bugaychuk T.V., Koryakovtseva O.A. i dr. *Grazhdanskaya identichnost' rossiyan: sovremennyy politicheskii kontsept* [Civic Identity of Russians: A Modern Political Concept]: monogr. Yaroslavl' : YaGPU, 2022, 179 p.

Информация об авторах

Баталова Юлия Владимировна — кандидат политических наук, доцент, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: 3j@mail.ru

Айрапетян Юрий Рачикович — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель правления межрегиональной общественной организации малого и среднего предпринимательства «Новая формация», Москва, Российская Федерация. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Information about the authors

Yulia V. Batalova — Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of the Dissertation Defense Organization Department of Postgraduate and Doctoral Studies Directorate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: 3j@mail.ru

Yuri R. Hayrapetyan — PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board of the interregional public organization of small and medium-sized enterprises «New Formation», Moscow, Russian Federation. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS

Развитие территорий. 2024. № 4. С. 58—67.
Territory Development. 2024;(4):58—67.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 332.13
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-58-67>

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Светлана Викторовна Дорошенко^{1✉}, Татьяна Николаевна Кислая²

¹ Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Российская Федерация

² Луганский государственный университет им. Владимира Даля, Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Светлана Викторовна Дорошенко, doroshenkos@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сформированным в Российской Федерации институтам развития, их характеристике и участию в восстановлении промышленного потенциала Луганской Народной Республики. Ретроспективная оценка ситуации в промышленности региона, проведенная авторами, показала значительное сокращение хозяйственного потенциала, снижение уровня жизни населения и усиление внутритерриториальных диспропорций. Инструменты государственной поддержки стали доступны для Луганской Народной Республики после вхождения в состав России.

Ключевые слова: новые регионы, восстановление, промышленное развитие, региональный фонд развития промышленности, государственная программа, промышленная политика

Для цитирования: Дорошенко С. В., Кислая Т. Н. Институты развития и промышленный потенциал Луганской Народной Республики // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 58—67. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-58-67>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

DEVELOPMENT INSTITUTIONS AND INDUSTRIAL POTENTIAL OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Svetlana V. Doroshenko^{1✉}, Tatiana N. Kislaya²

¹ Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

² Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation

Corresponding author: Svetlana V. Doroshenko, doroshenkos@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the development institutions formed in the Russian Federation, their characterization and participation in the restoration of the industrial potential of the Lugansk People's Republic. The authors' retrospective assessment of the situation in the region's industry has shown a significant reduction in the economic potential, a decline in the living standards of the population and intra-territorial disproportions. The tools of state support became available for the Lugansk People's Republic after its reunification with Russia.

Keywords: new regions, recovery, industrial development, regional fund for industrial development, state program, industrial policy

For citation: Doroshenko S.V., Kislaya T.N. Development Institutions and Industrial Potential of the Lugansk People's Republic. *Territory Development*. 2024;(4):58—67. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-58-67>

Распад СССР можно считать точкой отсчета, позволяющей выделить в современной истории Луганской Народной Республики три периода: 1991—2013 гг. — нахождение Луганской области в составе Украины; 2014 г. — сентябрь 2022 г. — самостоятельное государственное образование «Луганская Народная Республика»; с октября 2022 г. — Луганская Народная Республика как полноправный субъект Российской Федерации.

Регион всегда относился к индустриально развитым, имел многоотраслевой промышленный комплекс, в котором лидировала перерабатывающая промышленность с долей в общем объеме продукции порядка 72 %. Основу не менее развитого топливно-энергетического комплекса составляли добывающие предприятия (в большинстве угледобывающие), которые имели около 18 % в общем объеме производства. В регионе за советский период сформировались три крупнейших промышленных узла: Луганский — со специализацией «металлообработка», «машиностроение» и «легкая промышленность»; Лисичанско-Рубежанско-Северодонецкий — со специализацией «химия» и «нефтехимия»; Алчевско-Стахановский, включающий металлургические, угольные и машиностроительные комплексы.

Основным торговым партнером региона была Российская Федерация [1].

Однако у властей и бизнеса Украины отсутствовала заинтересованность развивать регионы Донбасса. Несмотря на то что в «украинский период» Луганская область входила в десятку ведущих областей с наиболее высоким удельным весом ВРП, из года в год этот показатель снижался. Согласно данным Государственной службы статистики Украины, доля ВРП Луганской области за 2004—2013 гг. сократилась с 4,4 до 3,6 % в общестрановом итоге. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Донецкой области, удельный вес которой снизился еще заметнее — с 13,2 до 10,8 %.

В целом к 2014 г., началу периода самостоятельности в статусе Луганской Народной Республики, область подошла со значительным сокращением своего промышленного потенциала на фоне индустриальных потерь всей Украины, снижением уровня жизни населения, а также с заметной дифференциацией внутритерриториального развития [2 ; 3].

В июле 2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на совещании по вопросам социально-экономического развития новых субъектов подчеркнул исключительную важность безотлагательного создания достойных условий для жизни и работы жителей этих субъектов [4]. Существенную роль в решении этих вопросов играет реализация промышленного потенциала территорий, в том числе с помощью современных институтов развития.

Обзор литературы

Рыночная трансформация в 1990-х гг. стран постсоветского пространства привела к появлению и закреплению негативных тенденций

в их экономике, особенно в промышленности. В Украине реформы привели к фактической утрате ряда отраслей (машиностроение и легкая промышленность), имеющих инвестиционное и социальное значение, а в итоге — к масштабной деиндустриализации [5]. Вектор государственной политики оказался направлен на переориентацию экономики страны с промышленной в аграрную [6]. Данный процесс был обусловлен, во-первых, разрушением национальной промышленности по причине развала единого хозяйственного комплекса, который был создан в СССР, во-вторых, проведением Украиной собственной экономической политики, опирающейся на западные рецепты. При этом аграрная сфера также приходила в упадок, хотя и более медленными темпами по сравнению с индустриальным производством. Поспешное вступление в апреле 2008 г. Украины в ВТО усугубило негативные процессы на незащищенном внутреннем рынке, что наблюдалось и в других постсоциалистических странах [7].

Старопромышленные регионы пострадали от реформ наиболее сильно, поэтому такие территории требуют особого внимания [8—10]. Одновременно исследователями на примере старопромышленных районов Словении было обосновано, что именно промышленное развитие в локальном и национальном постсоциалистическом контексте сформировало особую культурную среду с концентрацией неявных знаний, взглядов, ценностей и традиций, связанных с солидарностью, взаимопомощью, мультикультурализмом, товариществом, равенством и трудолюбием. Именно промышленные центры способны предложить альтернативы развития, основанные на общих ценностях, которые могут существенно дополнить концепцию креативных городов, на самом деле страдающих от неолиберализма, проявляющегося в неравенстве населения [11].

Территориальная изоляция, возникающая по разным причинам, оказала влияние на изменение взглядов на национальное промышленное развитие. Так, европейские исследователи отмечали, что в условиях изоляции во время пандемии COVID-19 глобальная жизнь стала более локальной, а воздействие кризиса было различно в зависимости от страны, места, демографических и социальных особенностей населения. Вывод делался о том, что промышленная стратегия должна основываться на местном уровне, с учетом распределения ресурсов и опираться на ценности социальной инфраструктуры и улучшение качества жизни местного населения [12]. Наибольшее значение учет местной специфики в промышленном развитии приобрел в условиях непризнанных или частично признанных территорий [13]. Схожая ситуация наблюдалась в Луганской и Донецкой народных республиках в 2014—2022 гг. [14 ; 15]

Необходимость адаптации к внешней среде с последующим переходом к промышленному росту стало для правительств различных стран основанием для создания и практического внед-

рения институтов развития. Эти процессы растягивались во времени и протекали с разной интенсивностью. В России официально о создании институтов развития было объявлено в 2014 г. Достаточно резкая критика деятельности данных институтов наряду с низкой оценкой ее эффективности впоследствии стала основанием для их реформы и оптимизации в конце 2020 г. [16]

Понятие «институты развития» не является канонизированным, несмотря на их значительное количество и многообразие направлений деятельности [17, с. 21—22]. Институты развития понимаются и как организации, создаваемые в качестве инструмента экономической политики в ее разных проявлениях [18], и как «нормы, правила и организационно-управленческие инструменты, содействующие достижению целей политики развития государства» [19, с. 527].

На наш взгляд, оценить институциональное пространство, формируемое в регионах особого статуса, позволяет второй подход, т. е. следует рассмотреть институты развития как существенный фактор повышения качества институциональной среды, способствующий росту инвестиционной привлекательности регионального уровня [20 ; 21]. Исследователями была выявлена положительная связь между качеством институтов в российском регионе и его чувствительностью к пространственным экстерналиям со стороны граничащих с ним субъектов: чем лучше институциональная среда в регионе, тем интенсивнее влияние соседних экономик на темпы его экономического роста [22].

Поэтому вполне ожидаемо, что выравнивание институциональной среды в новых регионах, повышение ее качества может привести не только к укреплению связи с сопряженными территориями, но и к большему влиянию на последующее экономическое развитие со стороны соседних субъектов. Одновременно интересен и определенный исторический контекст, и в связи с этим проанализируем ситуацию с промышленностью ЛНР в 2014—2022 гг.

Луганская Народная Республика: 2014—2022 гг.

Образование Луганской и Донецкой народных республик было провозглашено в апреле 2014 г. как результат несогласия с «майданным» Киевом. Поначалу, в 2014 г., территория Луганской Народной Республики составляла 8,38 тыс. км², или 31,4 %, от площади Луганской области (26,68 тыс. км²) [23]. Впоследствии под ЛНР стала считаться вся площадь Луганской области.

Начало в 2014 г. военных действий, а также транспортная и экономическая блокада со стороны Украины послужили причиной остановки деятельности большинства промышленных предприятий на территории республики. Однако после окончания активной фазы боевых действий некоторые предприятия постепенно стали запускать производство.

Далее представим основные показатели, отражающие уровень реализации промышленного потенциала республики в 2014—2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели реализации промышленного потенциала Луганской Народной Республики в 2014—2022 гг.
Main indicators of realization of the industrial potential of the Lugansk People's Republic in 2014—2022

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Объем реализации промышленной продукции, млн руб.	30 922 млн грн.	22 844	44 858	43 127	93 286	111 135	77 344	80 093	144 119
Объем реализации промышленной продукции на душу населения, тыс. руб.	Н/д	15,2	30,2	28,9	63,3	76,2	53,6	101	Н/д
Среднесписочная численность штатных работников в промышленности, тыс. человек	55,6	80,9	69,7	74,4	90,3	86,3	77,8	64,5	60,3
Доля занятых в перерабатывающей промышленности к общей занятости в промышленности, %	2,7	42,6	26,3	35,6	40,9	39,8	38	32,4	44,9
Среднемесячная номинальная заработная плата в промышленности, руб.	Н/д	5 376	9 380	10 213	12 284	14 081	16 849	20 353	43 655
Убыточные промышленные предприятия к общему количеству промышленных предприятий, %	53,1	Н/д	38	45,5	42,6	40,1	42,8	40,8	Н/д

Примечание. Составлено на основе данных Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики. URL: <https://sovminlnr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (дата обращения: 11.04.2023).

Note. Compiled on the basis of the data of the State Statistics Committee of the Lugansk People's Republic. URL: <https://sovminlnr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (accessed: 11.04.2023).

Данные табл. 1 свидетельствуют о небольшом снижении доли убыточных промышленных предприятий, а также о существенном росте заработной платы в 2014—2022 гг. Одновременно с 2019 г. наблюдалось снижение среднесписочной численности занятых в промышленности.

Одними из основных замедляющих промышленное развитие факторов являлись высокая стоимость и недостаток энергоресурсов для энергообеспечения и энергобезопасности промышленных предприятий (проблема, возникшая в результате блокады со стороны Украины), отсутствие сертификации производимой в республике продукции предприятиями машиностроения и металлургии

в России. Тем не менее предприятия-флагманы в своих отраслях начали работу. Как отмечалось Министерством промышленности и торговли ЛНР, еще в 2015 г. работало около 200 промышленных предприятий из 488, но к 2018 г. функционировало уже 271 из 503 предприятий [24].

Представим изменение структуры реализованной промышленной продукции в 2014—2022 гг. (табл. 2). Отсутствие с 2015 г. данных по производству нефтепродуктов объясняется тем, что после активных военных действий Лисичанский нефтеперерабатывающий завод оказался на территории, подконтрольной Украине.

Таблица 2

Структура реализованной промышленной продукции (товаров, услуг) в Луганской Народной Республике в 2014—2022 гг., %

Structure of realized industrial products (goods, services) in the Lugansk People's Republic in 2014—2022, %

Отрасль	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Поставка электроэнергии, газа, пара	12,5	16,8	26,8	34,6	22,0	16,7	17,6	21,9	17,5
Водоснабжение, обращение с отходами	2,7	3,1	2,1	2,4	1,2	1,1	2,2	2,9	1,7
Добывающая и перерабатывающая промышленность	84,8	80,1	71,1	63,0	76,9	82,2	80,1	75,2	80,8
В том числе:									
добывающая промышленность:									
добыча каменного угля	Н/д	Н/д	99,3	99,3	99,5	99,4	99,4	99,1	97,4
перерабатывающая промышленность:									
металлургическое производство	61,5	8,9	13,2	14,3	69,3	72,4	54,1	34,0	64,9
машиностроение	18,5	35,5	21,8	21,1	8,5	7,8	9,6	14,0	6,6
производство пищевых продуктов	6,4	46,0	51,1	51,5	17,1	15,0	28,7	37,2	22,5
текстильное производство	0,9	4,5	4,2	3,3	1,0	1,0	2,0	3,4	1,4
изготовление из древесины	0,2	0,6	1,2	1,7	0,6	0,5	1,0	1,5	0,8
производство химической продукции	2,3	0,3	1,3	1,2	0,7	0,8	0,7	0,9	0,7
фармацевтическое производство	0,4	0,4	0,5	0,5	0,2	0,2	0,4	0,5	0,3
производство резиновых и пластмассовых изделий	1,0	2,5	4,4	4,0	1,4	1,1	2,0	3,5	2,6
производство нефтепродуктов	5,2	—	—	—	—	—	—	—	Н/д
прочие	3,5	1,5	2,3	2,3	1,2	1,3	1,6	5,1	0,3

Примечание. Составлено на основе данных Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики. URL: <https://sovminlr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (дата обращения: 11.04.2023).

Note. Compiled on the basis of the data of the State Statistics Committee of the Lugansk People's Republic. URL: <https://sovminlr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (accessed: 11.04.2023).

Доля добывающей промышленности снизилась за анализируемый период на фоне роста перерабатывающих отраслей. Производство пищевых продуктов доминировало в структуре промышленной продукции в 2015—2017 гг. Второе место занимало машиностроение. Произошло это на фоне значительного сокращения доли металлургического производства. Тем не менее с 2018 г. доля металлургии существенно прибавилась, но одновременно заметно снизилась доля машиностроения. В целом в эти годы 73 % экспорта республики составила металлургическая продукция. На территории ЛНР находилось несколько ведущих предприятий, включая «Краснодонуголь», «Ровенькиантрацит», Алчевский металлургический комбинат и Алчевский коксохимический

завод. Кроме того, несмотря на военные действия, а также на энергетическую, транспортную и экономическую блокаду со стороны Украины, ЛНР смогла сохранить предприятия, выпускающие продукцию для оборонного комплекса России. Были также запущены социально значимые предприятия легкой промышленности. Предпринимались попытки загрузить эти предприятия заказами в рамках давальческой схемы. Развивалась пищевая промышленность.

К 2022 г. в структуре реализованной промышленной продукции республики наибольшую долю снова занимало металлургическое производство — почти 65 %. Второе место занимало производство пищевых продуктов — 22,5 %, третье — машиностроение — 6,6 %.

Рассмотрим динамику объемов выпуска в натуральном выражении некоторых важнейших видов

промышленной продукции в ЛНР в анализируемый период (табл. 3).

Таблица 3

Производство важнейших видов промышленной продукции в Луганской Народной Республике в 2014—2022 гг.

Production of the most important types of industrial products in the Lugansk People's Republic in 2014—2022

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Уголь готовый, млн т	9,8	3,8	5,0	5,0	6,6	4,7	4,3	4,6	2,8
Мясо крупного рогатого скота, тыс. т	0,7	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,15	0,18	0,693
Мясо свиней, тыс. т	2,8	0,6	0,2	0,1	0,1	0,06	0,03	0,03	0,204
Колбасные изделия, тыс. т	8,4	6,3	8,2	8,5	8,9	9,4	10,1	10,3	11,4
Масло подсолнечное нерафинированное, т	57	368	2 709	3 463	4 769	5 840	6 555	6 865	7 986
Молоко переработанное жидкое, тыс. т	4,1	0,9	4,4	5,1	4	4,3	5,5	4,3	2,8
Мука, тыс. т	80,1	36,9	38,9	46,5	48,1	51	47,1	42,3	64,5
Крупы, тыс. т	13,4	4,9	5,6	10,1	8,8	7,4	7,7	13,1	16,2
Хлебобулочные изделия, тыс. т	30,8	34,1	45,3	44,5	43	43,5	40,8	36,6	37,5
Шоколад и продукты с какао, тыс. т	2,5	0,1	0,2	0,2	0,5	0,5	0,8	0,9	1,2
Изделия макаронные, тыс. т	Н/д	1,2	1,8	2	2,9	3	3,1	2,4	2,6
Ферросплавы, тыс. т	105,3	Н/д	Н/д	2,1	20,9	32,4	16,5	21,9	35,7
Сталь без полуфабрикатов, тыс. т	240,7	14,3	19,1	28,2	455,5	711	339,5	132,5	511,8
Машины для обработки грунта, камня, штук	Н/д	Н/д	Н/д	242	321	231	173	225	553

Примечание. Составлено на основе данных Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики. URL: <https://sovminlnr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (дата обращения: 11.04.2023).

Note. Compiled on the basis of the data of the State Statistics Committee of the Lugansk People's Republic. URL: <https://sovminlnr.ru/gosudarstvennyy-komitet-statistiki/> (accessed: 11.04.2023).

Рост объемов производства с 2020—2021 гг. наблюдался практически по всем позициям. Исключение составил уголь. Однако по отдельным видам продукции не был достигнут даже уровень 2014 г.: например, по ферросплавам, шоколадной продукции, муке и молоку.

Осознавая важность сохранения промышленного потенциала региона, органы власти республики достаточно быстро приступили к разработке различных планов и программ на краткосрочные периоды. Например, постановлением Совета министров Луганской Народной Республики от 23 сентября 2015 г. № 02-04/273/15 была утверждена Программа реструктуризации угольной промышленности Луганской Народной Республики на июнь—декабрь 2015 года.

Позднее, в 2018 г., при обсуждении блока «Промышленность» в рамках разрабатываемой программы социально-экономического развития ЛНР на период до 2023 г. было заявлено о необходимости реализации в ближайшие два года трех проектов в приоритетных отраслях: проект «Энергобезопасность и энергоснабжение промышленных предприятий», проект по запуску трех печей на Стахановском заводе ферросплавов, проект по запуску промышленных мощностей на Алчевском металлургическом комбинате. Кроме того, предполагалось запустить социально

значимые предприятия легкой промышленности. После внедрения проектов ожидалось увеличение прироста производства и реализации промышленной продукции на уровне не менее 60 % по сравнению с итогами 2017 г., а также создание новых рабочих мест. Но в 2015 г. в республике обострились такие проблемы, как безработица и кадровое обеспечение предприятий. Одним из механизмов их решения стал Фонд социального страхования ЛНР на случай безработицы, который оказывал содействие в трудоустройстве граждан, обратившихся в поисках работы, путем предоставления работодателям дотации. Дотации работодателю компенсировали (возмещали) фактически понесенные расходы на выплату заработной платы граждан, трудоустроенных по направлению территориального отделения фонда, и выплаты суммы единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование [25].

Предпринятые действия привели к позитивным результатам в плане реализации промышленного потенциала республики. Так, по данным Государственного комитета статистики ЛНР и Государственного таможенного комитета ЛНР, за 9 месяцев 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. объем реализованной промышленной продукции в среднем увеличился в 1,9 раза, а в перерабатывающей промышленно-

сти — в 2,8 раза. При этом рост в металлургическом производстве был в 6,3 раза больше. За этот период выросло производство стали без полуфабрикатов, полученных непрерывным литьем в 4,9 раза, а ферросплавов — на 35,8 % [26].

Особое значение имело развитие пищевой промышленности. Эти предприятия обеспечивают продовольственную безопасность региона в первую очередь по таким видам продукции, как пшеничная мука, хлеб и хлебобулочные изделия, мясо птицы, которые имеют наибольший удельный вес в структуре производства пищевой промышленности, — 41,6, 24 и 17 % соответственно. За 9 месяцев 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. производство муки возросло на 61,8 %, крупы — на 30,6 %, мяса, включая субпродукты, — на 17,8 % [26]. Загруженность мощностей на ведущих предприятиях республики варьировалась от 15 до 100 %. После освобождения территории республики в ходе специальной военной операции в 2022 г. площадь посевных площадей увеличилась более чем в четыре раза [27].

Таким образом, в условиях политической непризнанности (до 21 февраля 2022 г., когда Россия признала независимость Луганской и Донецкой народных республик), почти восьмилетней экономической блокады со стороны Украины, временной утраты части территории и ресурсов, продолжающихся военных действий, Луганская Народная Республика благодаря предпринятым действиям по сохранению промышленного потенциала, постоянной помощи со стороны России смогла адаптироваться к кризисной ситуации, что позволило нарастить объемы промышленного производства.

Институты развития промышленного потенциала Луганской Народной Республики — субъекта Российской Федерации

В конце сентября 2024 г. были подписаны международные договоры о вхождении в состав Российской Федерации четырех регионов — Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей. До 1 января 2026 г. на новых территориях действует переходный период для их успешной интеграции в национальное пространство.

Удельный вес обрабатывающей промышленности в общей промышленной структуре республики в 2023 г. составил 77,5 %. Реализация промышленной продукции предприятиями обрабатывающей отрасли увеличилась почти на 19 % по сравнению с прошлым периодом, а среднемесячная заработная плата выросла на 37 %. До 2028 г. в промышленности ЛНР планируется привлечь около 10 млрд руб. инвестиций и создать не менее 5 тыс. рабочих мест [28].

Несмотря на военные действия на сравнительно небольшой части территории республики, в ЛНР начался период активного институционального строительства, в том числе направленного и на преумножение промышленного потенциала.

Создание на территориях новых регионов на срок до 31 декабря 2050 г. свободной экономической зоны в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» стало одним из первых институтов, закрепленных на федеральном уровне, призванных обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, привлечение инвестиций в развитие действующих и создание новых производств и т. д. На начало июля 2024 г. реестр санитарно-эпидемиологических заключений насчитывал 161 участника, из которых почти половина находится на территории Луганской Народной Республики [29]. Единый налог для участников снижен с 30 до 7,6 %, а налог на прибыль — с 20 до 13,5 %.

Первым региональным шагом, направленным на активизацию индустриального развития, стало утверждение государственной программы «Развитие промышленности Луганской Народной Республики на 2024—2026 годы» постановлением Правительства Луганской Народной Республики от 11 июля 2023 г. № 13/23 «Об утверждении государственной программы „Развитие промышленности Луганской Народной Республики на 2024—2026 годы“». Предварительно Правительство Российской Федерации в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» предусмотрело упрощенные условия федерального финансирования на поддержку региональных программ развития промышленности в новых регионах [30]. Объем финансирования программы развития промышленности ЛНР на три года составит около 250 млн руб. [31] Планируется увеличить темпы модернизации, обновления производственных мощностей, а также стимулировать инвестиционную активность.

Другим шагом, направленным на восстановление промышленного потенциала, было создание некоммерческой организации «Фонд развития промышленности Луганской Народной Республики» (ФРП ЛНР) на основании распоряжения Правительства Луганской Народной Республики от 14 июля 2023 г. № 31-р/23 «О фонде развития промышленности Луганской Народной Республики». Республика стала первой среди новых регионов, инициировавшей формирование на своей территории этого института. Фонд выдает займы в размере от 5 до 100 млн руб., под 1—2 % годовых, на срок до 7 лет на проекты технологического перевооружения, модернизации или создания промышленного производства, а также на разработку новой высокотехнологичной продукции, импортозамещение, производство комплектующих, повышение производительности труда.

Региональный фонд развития промышленности (ФРП) участвует в реализации государственной программы «Социально-экономическое развитие Луганской Народной Республики». Так, через

фонд финансовая помощь в 2023 г. в виде грантов и целевых займов была оказана 14 предприятиям региона, выдано 13 льготных займов и один безвозвратный грант на общую сумму 893 млн руб. [28] Общая численность работающих на предприятиях ЛНР, получивших займы от указанного фонда, составляет более 3 тыс. человек [32]. Планируется, что за три года капитализация ФРП ЛНР составит 3 млрд руб. [28]

Следующий шаг к развитию промышленного потенциала республики определяется принятием закона от 19 октября 2023 г. № 6-1 «О промышленной политике в Луганской Народной Республике». Компетенции республики позволяют решать следующие задачи промышленной политики: модернизацию производственных звеньев и отдельных технологий; разработку новых видов продукции, технологий, материалов за счет использования имеющегося научно-технического потенциала; создание условий для формирования и развития кластерных образований с учетом территориальных особенностей размещения промышленного комплекса; развитие кооперации разного уровня и др.

Кроме созданных институтов развития в начале 2024 г. Правительством ЛНР был создан Совет по развитию промышленности региона, в основные задачи которого входят обеспечение взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления с субъектами деятельности в сфере промышленности; привлечение субъектов хозяйственной деятельности к выработке и реализации промышленной политики; содействие в обеспечении условий для развития промышленности и промышленной инфраструктуры в республике и др. [33] Деятельность такого совещательного института в определенной степени повысит эффективность взаимодействия власти и хозяйствующих субъектов региона, прежде всего в вопросах сочетания промышленного, социального и территориального развития.

Большое значение для промышленного развития новых регионов имеет и межрегиональное взаимодействие, особенно с сопряженными территориями. В связи с этим в ЛНР был принят закон Луганской Народной Республики от 16 мая 2024 г. № 68-1 «Об утверждении заключения Соглашения о создании Содружества „Донбасс”», который утвердил данное соглашение о содружестве между Луганской и Донецкой народными республиками, Ростовской и Воронежской областями. Целью создания такого содружества является развитие по более чем десяти различным

направлениям, включая торгово-экономическую, промышленную и инвестиционную сферы, занятость населения и др. Подобное межрегиональное сотрудничество, безусловно, будет способствовать ускорению интеграции новых регионов в национальное экономическое пространство.

Заключение

Индустриальная сфера Луганской Народной Республики представлена широким спектром отраслей и видов экономической деятельности, что является существенным источником ресурсов для технологического развития всей России. Бизнесу ЛНР сегодня доступны все инструменты государственной поддержки федерального уровня. Активно в этом направлении развивается и региональное институциональное поле. Утверждение государственной программы, создание Фонда развития промышленности и принятие закона о промышленной политике являются институциональными столпами, на которые будет опираться республика в процессах восстановления и развития своего промышленного потенциала. Другие создаваемые институты (советы, соглашения и т. п.) имеют в большей степени сопутствующий характер. Однако это несколько не снижает их значимости в вопросах развития с позиции многоаспектности.

Одной из важных задач институционального развития является снижение кадрового дефицита на промышленных предприятиях региона, что требует активного взаимодействия промышленников с образовательными учреждениями, разработки баланса трудовых ресурсов, внедрения программ целевой подготовки. Одновременно решение кадровых проблем тесно сопряжено с социальной и демографической сферой, поэтому необходимо предусмотреть механизмы привлечения высококвалифицированного персонала, в том числе молодых специалистов. Демографические проблемы территорий, переживших боевые столкновения и экономическую блокаду, требуют особого внимания. Специфика данных территорий должна быть отражена в государственных концепциях и стратегиях демографического развития.

Очевидна связь промышленного потенциала и с пространственным развитием республики, вопросы которого пока поднимаются только через упоминание кластеров. Однако стратегия или программа пространственного развития позволяет увязать интересы населения, бизнеса и власти через согласование векторов движения различных сфер экономической деятельности и конкретных территорий республики.

Список источников

1. Украина. Луганская область. URL: <https://fb.ru/article/148644/ukraina-luganskaya-oblast> (дата обращения: 12.01.2024).
2. Никифоров А. Структурные проблемы украинской экономики в свете требований ее инновационного развития // Общество и экономика. 2013. № 6. С. 47—63.
3. Тисунова В. Н. К вопросу об условиях создания привлекательного инвестиционного климата в Луганской области // Управление проектами и развитие производства. 2002. № 2 (5). С. 93—98.
4. Совещание по вопросам социально-экономического развития новых субъектов Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/74634> (дата обращения: 01.08.2024).

5. Вишневский В. П., Збаразская Л. А. К вопросу о концепции общегосударственной целевой программы развития промышленности Украины // Экономика промышленности. 2013. № 1—2 (61—62). С. 101—116.
6. Ершова Г. В. Промышленное производство и его роль в развитии экономики Украины // Актуальные проблемы современных экономических систем — 2019 : сб. науч. тр. / Брестский государственный технический университет. Брест : БрГТУ, 2019. С. 26—29.
7. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Шамков Ю. В. Оценка регулирующего воздействия как механизм защиты экономических интересов России в условиях ВТО // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 1 (27). С. 29—32.
8. Рахмеева И. И., Лысенко А. Н. Институты технологического развития старопромышленных регионов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 152—166. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.4.13
9. Ситкевич Д. Индустриальная политика в экономически отсталых регионах: уроки Меццоджорно // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 1. С. 136—159. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-136-159
10. Gyrmar F. Loss and change: Culture narratives in oldindustrial regions in East Germany // Regional Science Policy & Practice Reg Sci Policy Pract. 2023. Vol. 15(7). P. 1577—1595. DOI: 10.1111/rsp3.12689
11. Kozina J., Bole D., Tiran J. Forgotten values of industrial city still alive: What can the creative city learn from its industrial counterpart? // City, Culture and Society. 2021. Vol. 25. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2021.100395>
12. Moore H. L., Collins H. Rebuilding the Post-Covid-19 Economy through an Industrial Strategy that Secures Livelihoods // Social Sciences & Humanities Open. 2021. Vol. 3, iss. 1, 100113. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100113>
13. Дорошенко С. В., Джабиев В. В. Институциональные механизмы развития промышленности экономически изолированных территорий // Human Progress. 2021. Т. 7, вып. 4. С. 2. URL: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_4/Doroshenko.pdf. DOI: 10.34709/IM.174.2
14. Половян А. В., Лепя Р. Н., Гриневская С. Н. Экономика территорий с вновь образованной государственно-стью — Донецкая Народная Республика // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 99—107.
15. Polovyan A. V., Lepa R. N., Grinevskaya S. N. The Donbass Economy: State, Development Trends, and Forecasts // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33, no. 2. P. 163—168. DOI: 10.1134/S1075700722020101
16. Галазова С. С. Новый этап оптимизации российских институтов развития // Вестник НГУЭУ. 2023. № 2. С. 10—18. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-010-018.
17. Бухвальд Е. М. Институты развития и национальная безопасность Российской Федерации // Развитие и безопасность. 2021. № 1. С. 16—27. DOI: 10.46960/2713-2633_2021_1_16
18. Институты развития как инструмент региональной экономики : науч. докл. / А. Р. Бахтизин, О. Н. Валентик, Е. М. Бухвальд и др. М. : Институт экономики РАН, 2015. 256 с.
19. Ведмечук Л. В. Политико-административный режим и институты развития в Южно-Африканской Республике // ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 4. С. 521—536. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.406>
20. Родионов Д. Г., Калина С. М. Влияние институтов развития на инфраструктурные инвестиции приграничных регионов Центрального Черноземья // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 11. С. 2158—2173. <https://doi.org/10.24891/re.19.11.2158>
21. Степанов Н. С. Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 4. С. 95—108. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
22. Демидова О., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 34—59. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-34-59
23. Что из себя представляют Донецкая и Луганская народные республики. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5227039> (дата обращения: 14.06.2023).
24. Промышленный потенциал республики: положительная динамика по всем отраслям. Стаханов — официальный сайт Администрации. URL: https://stakhanov.su/news/city_news/6091-promyshlenny-potencial-respubliki-polozhitelnaya-dinamika-po-vsem-otraslyam.html (дата обращения: 12.04.2020).
25. Программа — 2023: промышленность и трудоустройство. URL: <https://rcz-lnr.ru/1110-programma-2023-promyshlennost-i-trudoustroystvo.html> (дата обращения: 22.12.2023).
26. Министерство экономического развития Луганской Народной Республики : [офиц. сайт]. URL: <https://mer.lpr-reg.ru/news/6363c0598e37902cc8b4872e> (дата обращения: 12.10.2022).
27. Пищевые предприятия ЛНР в 2022 году произвели продукции на 20 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16704083> (дата обращения: 22.05.2023).
28. Министерство промышленности и торговли Луганской Народной Республики. URL: <https://mpt.lpr-reg.ru/news/6576dc550eee5e0d6d86afb6> (дата обращения: 22.05.2024).
29. 161 компания и предприятие решили инвестировать в развитие экономики новых регионов. URL: <https://xn--plae.xn--plai/news/161-kompaniya-i-predpriyatye-reshili-investirovat-v-razvitie-ekonomiki-novykh-regionov/> (дата обращения: 22.05.2024).
30. Правительство РФ упростило условия для программ развития промышленности в новых регионах. URL: <https://lug-info.ru/news/pravitelstvo-rf-uprostilo-usloviya-dlya-programm-razvitiya-promyshlennosti-v-novykh-regionah/> (дата обращения: 22.05.2024).
31. Объем финансирования программы развития промышленности ЛНР составит около 250 млн руб. // Луганский информационный центр. URL: <https://lug-info.ru/news/obuem-finansirovaniya-programmy-razvitiya-promyshlennosti-lnr-sostavit-okolo-250-mln-rub/> (дата обращения: 22.05.2024).
32. В ЛНР предприятия получили поддержку государства // РГ. URL: <https://rg.ru/2024/01/31/reg-ufu/v-lnr-predpriatiya-poluchili-podderzhku-gosudarstva.html> (дата обращения: 22.05.2024).
33. Совет по развитию промышленности ЛНР создан правительством региона // Южная Служба Новостей. URL: <https://yugsn.ru/soviet-po-razvitiu-promyshlennosti-lnr-sozdan-pravitelstvom-regiona> (дата обращения: 22.05.2024).

References

1. *Ukraina. Luganskaya oblast* [Ukraine. Lugansk Oblast]. Available at: <https://fb.ru/article/148644/ukraina-luganskaya-oblast> (accessed: 12.01.2024).

2. Nikiforov A. Strukturnye problemy ukrainskoy ekonomiki v svete trebovaniy ee innovatsionnogo razvitiya [Structured Changes to Economy of Ukraine and Dynamics of Innovation Activity], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2013, no. 6, pp. 47–63.
3. Tisunova V.N. K voprosu ob usloviyakh sozdaniya privlekatel'nogo investitsionnogo klimata v Luganskoy oblasti [On the Conditions for Creating an Attractive Investment Climate in Luhansk Oblast], *Upravlenie proektami i razvitie proizvodstva* [Project Management and Production Development], 2002, no. 2 (5), pp. 93–98.
4. *Soveshchanie po voprosam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya novykh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Meeting on the socio-economic development of the new constituent entities of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/74634> (accessed: 01.08.2024).
5. Vishnevskiy V.P., Zbarazskaya L.A. K voprosu o kontseptsii obshchegosudarstvennoy tselevoy programmy razvitiya promyshlennosti Ukrainy [On the Issue of Concept of National Purpose-Oriented Program of Industrial Development of Ukraine], *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2013, no. 1–2 (61–62), pp. 101–116.
6. Ershova G.V. Promyshlennoe proizvodstvo i ego rol' v razvitiy ekonomiki Ukrainy [Industrial Production and its Role in the Development of Ukrainian Economy], *Aktual'nye problemy sovremennykh ekonomicheskikh sistem — 2019* [Relevant Issues of Modern Economic Systems – 2019]: sb. nauch. tr. Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Brest: BrGTU, 2019, pp. 26–29.
7. Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V., Shamkov Yu.V. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya kak mekhanizm zashchity ekonomicheskikh interesov Rossii v usloviyakh VTO [Regulatory Impact Assessment as a Mechanism for Protecting Russia's Economic Interests in the WTO Environment], *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management & Law], 2013, no. 1 (27), pp. 29–32.
8. Rakhmeeva I.I., Lysenko A.N. Instituty tekhnologicheskogo razvitiya staropromyshlennykh regionov [Institutes of Technological Development of Old Industrial Regions], *Vestnik PNPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 2020, no. 4, pp. 152–166. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.4.13
9. Sitkevich D. Industrial'naya politika v ekonomicheskii otstalykh regionakh: uroki Metstsodzhorno [Industrial Policy in Underdeveloped Regions: Lessons from Mezzogiorno], *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2020, vol. 15, no. 1, pp. 136–159. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-136-159
10. Gtsrmar F. Loss and change: Culture Narratives in Oldindustrial Regions in East Germany, *Regional Science Policy & Practice Reg Sci Policy Pract*, 2023, vol. 15 (7), pp. 1577–1595. DOI: 10.1111/rsp3.12689
11. Kozina J., Bole D., Tiran J. Forgotten Values of Industrial City Still Alive: What Can the Creative City Learn from its Industrial Counterpart?, *City, Culture and Society*, 2021, vol. 25. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2021.100395>
12. Moore H.L., Collins H. Rebuilding the Post-Covid-19 Economy through an Industrial Strategy that Secures Livelihoods, *Social Sciences & Humanities Open*, 2021, vol. 3, iss. 1. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100113>
13. Doroshenko S.V., Dzhabiev V.V. Institutsional'nye mekhanizmy razvitiya promyshlennosti ekonomicheskii izolirovannykh territoriy [Institutional Mechanisms for the Development of Industry in Economically Isolated Territories], *Human Progress*, 2021, vol. 7, iss. 4, p. 2. Available at: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_4/Doroshenko.pdf. DOI: 10.34709/IM.174.2
14. Polovyan A.V., Lepa R.N., Grinevskaya S.N. Ekonomika territoriy s vnov' obrazovannoy gosudarstvennost'yu — Donetskaya Narodnaya Respublika [Economy of Territories with Newly Formed Statehood - Donetsk People's Republic], *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Issues], 2018, no. 1 (166), pp. 99–107.
15. Polovyan A.V., Lepa R.N., Grinevskaya S.N. The Donbass Economy: State, Development Trends, and Forecasts, *Studies on Russian Economic Development*, 2022, vol. 33, no. 2, pp. 163–168. DOI: 10.1134/S1075700722020101
16. Galazova S.S. Novyy etap optimizatsii rossiyskikh institutov razvitiya [New Stage of Optimization of Russian Development Institutions], *Vestnik NGUEU* [NSUEM Bulletin], 2023, no. 2, pp. 10–18. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-010-018.
17. Bukhval'd E.M. Instituty razvitiya i natsional'naya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii [Institutes of Development and the National Security of the Russian Federation], *Razvitie i bezopasnost'* [Development and Security], 2021, no. 1, pp. 16–27. DOI: 10.46960/2713-2633_2021_1_16
18. Bakhtizin A.R., Valentik O.N., Bukhval'd E.M. i dr. *Instituty razvitiya kak instrument regional'noy ekonomiki* [Development Institutions as a Tool of Regional Economy]: nauch. dokl. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2015, 256 p.
19. Vedmet'skaya L.V. Politiko-administrativnyy rezhim i instituty razvitiya v Yuzhno-Afrikanskoy Respublike [Politico-Administrative Regime and Development Institutes in South Africa], *ПОЛИТЭК* [Political Expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 521–536. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.406>
20. Rodionov D.G., Kalina S.M. Vliyaniye institutov razvitiya na infrastrukturalnyye investitsii prigranichnykh regionov Tsentral'nogo Chernozem'ya [The Influence of Development Institutions on Infrastructure Investment in the Border Regions of the Central Black Earth Economic Area], *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2021, vol. 19, no. 11, pp. 2158–2173. <https://doi.org/10.24891/re.19.11.2158>
21. Stepanov N.S. Instituty razvitiya kak faktor povysheniya kachestva institutsional'noy sredy [Development Institutions as a Factor of Improving the Quality of the Institutional Environment], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2021, no. 4, pp. 95–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
22. Demidova O., Kamalova E. Prostranstvenno-ekonometricheskoe modelirovaniye ekonomicheskogo rosta rossiyskikh regionov: imeyut li znachenie instituty? [Spatial Econometric Modeling of Economic Growth in Russian Regions: Do Institutions Matter?], *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2021, vol. 16, no. 2, pp. 34–59. DOI:10.18288/1994-5124-2021-2-34-59
23. *Chto iz sebya predstavlyayut Donetskaya i Luganskaya narodnye respubliki* [What are the Donetsk and Luhansk People's Republics?]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5227039> (accessed: 14.06.2023).
24. *Promyshlennyy potentsial respubliki: polozhitel'naya dinamika po vsem otraslyam*. Stakhanov — ofitsial'nyy sayt Administratsii [Industrial Potential of the Republic: Positive Dynamics in all Sectors. Stakhanov - official website of the Administration]. Available at: https://stakhanov.su/news/city_news/6091-promyshlennyy-potencial-respubliki-polozhitelnaya-dinamika-po-vsem-otraslyam.html (accessed: 12.04.2020).

25. *Programma — 2023: promyshlennost' i trudoustroystvo* [Program - 2023: Industry and Employment] Available at: <https://rcz-lnr.ru/1110-programma-2023-promyshlennost-i-trudoustroystvo.html> (accessed: 22.12.2023).
26. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Luganskoy Narodnoy Respubliki* [Ministry of Economic Development of the Lugansk People's Republic]: [ofits. cayt]. Available at: <https://mer.lpr-reg.ru/news/6363c0598e37902cc8b4872e> (accessed: 12.10.2022).
27. *Pishchevye predpriyatiya LNR v 2022 godu proizveli produktsii na 20 mlrd rubley* [Food enterprises of the Lpr produced products worth 20 billion rub. in 2022]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16704083> (accessed: 22.05.2023).
28. *Ministerstvo promyshlennosti i trgovli Luganskoy Narodnoy Respubliki* [Ministry of Industry and Trade of the Lugansk People's Republic]. Available at: <https://mpt.lpr-reg.ru/news/6576dc550eee5e0d6d86afb6> (accessed: 22.05.2024).
29. *161 kompaniya i predpriyatie reshili investirovat' v razvitie ekonomiki novykh regionov* [161 companies and enterprises decided to invest in the economic development of new regions]. Available at: <https://xn--plae.xn--p1ai/news/161-kompaniya-i-predpriyatie-reshili-investirovat-v-razvitie-ekonomiki-novykh-regionov/> (accessed: 22.05.2024).
30. *Pravitel'stvo RF uprostito usloviya dlya programm razvitiya promyshlennosti v novykh regionakh* [The Russian government has simplified conditions for industrial development programs in new regions]. Available at: <https://lug-info.ru/news/pravitel-stvo-rf-uprostito-usloviya-dlya-programm-razvitiya-promyshlennosti-v-novyh-regionah/> (accessed: 22.05.2024).
31. *Ob'em finansirovaniya programmy razvitiya promyshlennosti LNR sostavit okolo 250 mln rub.* [The amount of funding for the LPR industrial development program will be close to 250 million rub.], *Luganskiy informatsionnyy tsentr* [Lugansk Information Center]. Available at: <https://lug-info.ru/news/obuem-finansirovaniya-programmy-razvitiya-promyshlennosti-lnr-sostavit-okolo-250-mln-rub/> (accessed: 22.05.2024).
32. *V LNR predpriyatiya poluchili podderzhku gosudarstva* [Businesses in the LPR received government support], *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: <https://rg.ru/2024/01/31/reg-ufu/v-lnr-predpriiatiia-poluchili-podderzhku-gosudarstva.html> (accessed: 22.05.2024).
33. *Sovet po razvitiyu promyshlennosti LNR sozdan pravitel'stvom regiona* [LPR industry development council is established by the regional government], *Yuzhnaya Sluzhba Novostey* [Southern News Service]. Available at: <https://yugsn.ru/sovet-po-razvitiyu-promyshlennosti-lnr-sozdan-pravitel'stvom-regiona> (accessed: 22.05.2024).

Информация об авторах

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Кислая Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности, Луганский государственный университет им. Владимира Даля, Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация. E-mail: sauertat2021@mail.ru

Information about the authors

Svetlana V. Doroshenko — Doctor of Economic Sciences, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Tatiana N. Kislaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management and Economic Security, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation. E-mail: sauertat2021@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-68-81>

УПРАВЛЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ИТ-ПАРКОВ

Вилена Анатольевна Якимова^{1✉}, Светлана Валентиновна Панкова², Сергей Валерьевич Хмура³

^{1—3} Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация

² Оренбургский государственный университет, Оренбург, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Вилена Анатольевна Якимова, vilena_yakimova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен экосистемный подход к рассмотрению структуры технопарков в сфере цифровых технологий в региональной экономике. Выделены отличительные черты, определяющие ИТ-парк как региональную цифровую экосистему, сформирована и апробирована на примере ИТ-парков российских регионов методика оценки сбалансированности их экосистем по ресурсно-инфраструктурной, управленческой и результативной компонентам. Рассчитаны классифицированные по 19 родам разрывы, свидетельствующие о дисбалансе в развитии экосистем ИТ-парков, сделаны выводы об их влиянии на экономический потенциал региона, предложены стратегии управления экосистемами ИТ-парков в зависимости от сбалансированности их развития.

Ключевые слова: региональная экосистема, стратегия управления экосистемой, цифровая экосистема, сбалансированное развитие, ИТ-парк, технопарк

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00044 на тему «Концептуальная модель региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровой среды».

Для цитирования: Якимова В. А., Панкова С. В., Хмура С. В. Управление сбалансированным развитием региональной экосистемы ИТ-парков // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 68—81. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-68-81>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

MANAGEMENT OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECOSYSTEM OF IT-PARKS

Vilena A. Yakimova^{1✉}, Svetlana V. Pankova², Sergey V. Khmura³

^{1—3} Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

² Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Corresponding author: Vilena A. Yakimova, vilena_yakimova@mail.ru

Abstract. The article presents the ecosystem approach to the consideration of the structure of technoparks in the sphere of digital technologies in the regional economy. Distinctive features defining the IT-park as a regional digital ecosystem are highlighted, the methodology for assessing the balance of their ecosystems in terms of resource and infrastructure, management and performance components is formed and tested on the example of IT-parks in Russian regions. The authors calculated the gaps classified by 19 genera, indicating imbalance in the development of IT-parks ecosystems, and proposed the conclusions about their impact on the economic potential of the region are drawn, strategies for managing IT-parks ecosystems depending on the balance of their development.

Keywords: regional ecosystem, ecosystem management strategy, digital ecosystem, balanced development, IT-park, technopark

Acknowledgments: the article was prepared based on the results of research carried out under the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-00044 «Conceptual model of regional entrepreneurial ecosystem in the digital environment».

For citation: Yakimova V.A., Pankova S.V., Khmura S.V. Management of Balanced Development of the Regional Ecosystem of IT-parks. *Territory Development*. 2024;(4):68—81. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-68-81>

Введение

На современной стадии развития научно-технического прогресса в России технопарки в целом, а также IT-парки становятся эффективным инструментом инновационной политики региона. Под IT-парками в рамках настоящей статьи понимается разновидность технопарков, деятельность которых направлена на производство компьютерного и электронного оборудования, программного обеспечения и иных продуктов цифровой экономики. При этом IT-парки решают задачу роста цифровых инноваций и их трансфера в сферу частного и государственного секторов экономики. Для содействия национальной политике импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета IT-парки должны соответствовать критериям, отражающим эффективность их деятельности в региональной предпринимательской среде. Экосистемный подход, используемый для оценки такого соответствия, позволит выявить взаимосвязи между IT-парками и другими компонентами экосистемы, а также определить степень их сбалансированности.

Сбалансированное развитие обеспечивает длительное существование экосистемы в перспективе и непрерывный поточный выпуск новых продуктов. В условиях ограниченных ресурсов и бережливого государственного управления сбалансированный подход к управлению является весьма эффективным. Сбалансированная экосистема обеспечивает инновационное развитие и внедрение разработок в практику хозяйствования в регионе, и это должно способствовать получению синергетического эффекта от технологического предпринимательства и рациональному вложению средств в региональную инфраструктуру.

Исследование базируется на теории и методологии оценки сбалансированности экосистемы, анализе эффективности технопарков и продуктивности экосистем, авторском методическом инструментарии оценки разрывов как индикаторов дисбалансов, проявляемых в экосистеме.

IT-парк как цифровая региональная экосистема и ее компоненты

В России в настоящее время действует разветвленная структура технопарков различной направленности (промышленные и агропромышленные парки, технопарки в сфере высоких технологий, экотехнопарки и др.). В сфере высоких технологий под технопарком принято понимать комплекс объектов, зданий, строений, сооружений, оборудование которого предназначено для обеспечения запуска и вывода на рынок высоко-технологичной продукции и услуг, технологий, в том числе за счет территориальной интеграции с научными и/или образовательными организациями [1]. Именно к данной категории относятся IT-парки, нацеленные на осуществление описанной деятельности в области цифровых технологий. Учитывая особенности пространственного размещения IT-парков, их интегративную сущность, можно утверждать, что эти бизнес-струк-

туры относятся к региональным цифровым экосистемам.

Основоположники теории экосистем [2] исследовали экосистему с позиции объединения предприятий в структуру, действующую и развивающуюся в условиях региональной среды, где каждый участник выполняет свою роль, полезную для образования экосистемных эффектов. При достижении комплементарности и взаимного сотрудничества экосистема работает эффективно и приносит экономическую выгоду не только своим участникам, но и обществу в целом. С позиции региональной политики Г. Б. Клейнер оценивает экосистему как промежуточное звено или как системное окружение, связывающее региональное предприятие с рынком [3]. Другие исследователи представляют экосистему как совокупность активных субъектов, кооперационных связей между ними и средовых факторов (институциональных, инфраструктурных, культурно-социальных) [4], активно взаимодействующих друг с другом и внешней средой на основе взаимовыгодного сотрудничества и согласования своих интересов в процессе совместного использования ресурсов (трудовых, финансовых и интеллектуальных), производства востребованного обществом продукта и совместного конкурентного поведения [5].

В свою очередь, региональные экосистемы формируются как инструмент экономической политики региона, они становятся точкой экономического роста и концентрируют наиболее значимые и уникальные ресурсы территории. К формам региональных экосистем относятся особые экономические зоны, кластеры, бизнес-инкубаторы и другие бизнес-структуры, в том числе и IT-парки, обладающие признаками региональных экосистем и отвечающие выделенным характеристикам.

Во-первых, IT-парки представляют собой комплекс связанных подсистем — научно-образовательных, инфраструктурных, инвестиционных, производственных, институциональных [6; 7]. Рассматривая функциональную составляющую технопарка, А. В. Минаев [8] и другие исследователи [9] отмечают, что парки выполняют агломерационную, диффузную, организационную, стимулирующую функции. Главной компонентой IT-парка выступает технологическая инфраструктура. IT-паркам оказывается институциональная поддержка региональными органами власти с помощью разработки единых стратегических норм, программ социально-экономического и инновационного развития. Инвестиционная компонента проявляется в том, что IT-парк становится привлекательным центром финансовых вложений на уровне региона, а для роста инновационных проектов необходимы притоки инвестиций.

Во-вторых, экосистемы IT-парков стремятся к получению экосистемных сетевых и синергетических эффектов, к созданию инновационного продукта для региона и отдельных отраслей индустрии, росту предпринимательской активности за счет действия акселерационных программ раз-

вития и создания высокотехнологичных производств в регионе. Между IT-парками и научно-образовательными организациями, IT-компаниями, центрами кластерного развития, агентствами, потребителями возникают сетевые отношения и взаимосвязи по поводу обмена и активизации хозяйственных процессов [10]. Технопарки относятся к сетевым организациям, поскольку ориентированы на ожидания участников, совместное использование ресурсов, объединение усилий и компетенций, гибкость, горизонтальные и оперативные взаимосвязи [11]. По мнению Л. Чжаньхао [12], А. В. Минаева и др. [8], одной из проблем современных технопарков является то, что они обладают слабым сетевым механизмом и проявляют недостаточный интерес к формированию научно-исследовательского потенциала региона.

При этом формирование действенного потенциала экосистем IT-парка позволяет достичь заметных эффектов. Предпринимательские сети выходят за границы конкретной экосистемы и связывают акторов с предприятиями-партнерами, находящимися вне границы. Такие процессы приводят к росту масштабов экосистемы, повышая ее значимость для развития региональной экономики.

Экосистемы обеспечивают рост деловой активности, валового регионального продукта, доходов и прибыли предприятий, создание новых рабочих мест и рост занятости [13 ; 14]. Реализация инвестиционных проектов в приоритетных отраслях для региона приводит к росту в нем инвестиционной и инновационной активности [5].

Несмотря на то что основные региональные эффекты от функционирования экосистем отмечены в научной литературе, нам представляются недостаточно исследованными цифровые эффекты от деятельности технопарков в регионах. Уже доказано влияние цифровой экономики на показатели социального развития регионов [15], а развитие IT-парков будет способствовать цифровизации сервисов, созданию научно-технической базы цифровой экономики региона, что позволит перевести региональные промышленные производства на модернизированную основу.

В-третьих, в экосистеме IT-парка существует оркестратор, который за счет различных сервисов создает благоприятные условия для продуктивности и администрирует процессы обмена информацией и ресурсами. Роль оркестратора выполняет управляющая компания [1]. Основными сегментами управления выступают маркетинг, сопровождение сбыта продукции, транспортно-логистические услуги и аренда. На оркестратора возложена функция формирования сетевых механизмов и сбалансированности интересов между акторами внутри экосистемы, а также между акторами и партнерами, действующими со стороны внешнего окружения.

Таким образом, IT-парк имеет все признаки цифровой региональной предпринимательской экосистемы.

Политика обеспечения сбалансированности региональных экосистем

Сбалансированность экономического развития является одной из ключевых задач развития региональной экономики, поскольку направлена на более полное удовлетворение потребностей населения, проживающего на территории региона. На целевой ориентир в виде улучшения качества жизни общества при достижении сбалансированного развития указывают исследования А. В. Минакова [16], О. А. Голубцова [17]. Принципы сбалансированного развития основаны на комплексном и системном подходе, обеспечении устойчивости и комплементарности компонентов, включенных в структуру системы.

Для раскрытия сущности научной категории «сбалансированность» чаще всего используется подход к описанию равновесного, симметричного и пропорционального развития. Такое развитие гарантирует поддержание пропорциональности и согласования действий между участниками экосистемы. Так, Л. А. Гамидуллаева с соавторами [18] под сбалансированным развитием региона понимают способность региональной социально-экономической системы поддерживать текущее состояние и изменяться в долгосрочной перспективе в условиях динамичного развития внутренней среды в целях достижения заданных параметров развития. В свою очередь, Ю. В. Вертакова, И. С. Логинов отмечают, что для сбалансированного развития требуется уравновешенность двух и более разнонаправленных факторов, а также соблюдение соответствия между структурными частями системы [19].

Выделим две позиции, касающиеся сбалансированности. Статическая позиция — достижение сбалансированности на определенный момент времени — характеризуется гармоничным и комплексным взаимодействием участников экономических процессов [19], учетом многообразных интересов субъектов, оптимальным соотношением структур, исключением асимметричного развития компонентов и соответствием структуры и качества экономических ресурсов существующим потребностям [20]. Динамическая позиция описывает сбалансированное развитие как процесс изменений экономических, социальных, экологических сфер региональной системы, приводящих к качественным равновесным преобразованиям в направлении повышения уровня экономики и условий жизнедеятельности населения [17].

На необходимость сбалансированного подхода к управлению экосистемами указывает Р. И. Маликов с соавторами [21]. По мнению авторов, сбалансированность означает согласованное и синхронизированное развитие всех элементов экосистемы. Сбалансированность выражается в признаках, которые являются неотъемлемыми по отношению к экосистемам, коэволюции и эмерджентности. Сбалансированность предполагает развитие всех процессов как единого целого, чтобы обеспечить мультиэффект для ре-

гиона, а именно — сочетание предпринимательского инновационного цифрового развития.

Внешнюю оболочку экосистемы можно охарактеризовать как мезоэкосистему, которая имеет двустороннюю связь с предпринимательской экосистемой. Регион является одновременно как заказчиком, так и потребителем продуктов экосистемы, обеспечивая устойчивое состояние, рост человеческого и инновационного потенциала [22]. Сбалансированная политика развития экосистемы с регионом достигается за счет развития финансово-экономической и инфраструктурной составляющих, повышения конкурентоспособности региона и качества жизни населения, роста предприятий — отраслевых лидеров в регионе [23]. Модель экосистемы сбалансирована, когда реагирует на факторы внешней среды и выстраивает в ответ активные действия. В свою очередь, регион получает эффект в виде роста качества и уровня жизни населения.

Сбалансированное развитие предусматривает модель тройной спирали, когда активно развиваются бизнес, наука и университеты, государство [24]. Модель предусматривает многостороннее сотрудничество. В регионе должно быть достаточно финансовых, природных, интеллектуальных и иных ресурсов, институтов, готовых поддерживать проекты предпринимателей. По модели А. У. Альбекова, Я. И. Куриновой [25], сбалансированная экосистема должна быть способна адаптировать участников к единой системной концепции и определять полезность в конкретных условиях, основываясь на принципах модульности (выбора и комбинации различных компонентов), многочисленности деловых связей, координации и контроле совместной деятельности для создания ценности. Развитая региональная экосистема должна поддерживать технологические стартапы и действующих предпринимателей.

Вокруг экосистемы формируется социально-экономическое пространство, и важно обеспечить баланс между социальной, производственной, инвестиционной, инновационной компонентами. Благодаря действию компонентов экосистемы обеспечивается диффузия инноваций и иных продуктов в реальный сектор экономики [26].

Региональные цифровые экосистемы в виде IT-парков, как структуры, нацеленные на сбалансированное развитие региона, сами испытывают необходимость в достижении сбалансированности, для чего необходим инструментарий измерения этого состояния.

Методика оценки сбалансированности экосистемы IT-парка

В качестве основы для формирования методики оценки сбалансированности предлагается балльная оценка, включающая оценку качественных и количественных критериев. Существующая методика рейтинговой оценки технопарков Ассоциации кластеров, технопарков и особых экономических зон [27], а также зарубежные методики оценки экосистем [28] не предусматривают воз-

можности оценки отдельных компонентов экосистемы и ее сбалансированности, поэтому необходимо сформировать перечень соответствующих индикаторов.

Сбалансированность экосистемы IT-парка предлагается оценить по следующим направлениям: ресурсно-инфраструктурному, эффективности управления, продуктивности системы.

Так, ресурсно-инфраструктурная компонента (IFT) оценивается по совокупности инфраструктурного, финансового и трудового индикаторов.

Инфраструктурная компонента экосистемы (Inf) определяется как совокупность баллов оценки отдельных видов инфраструктуры по формуле (1). При оценке частных индикаторов использовался весовой рейтинговый балл, бинарные переменные (1 — наличие признака, 0 — его отсутствие).

$$V(Inf) = (V(Tinf) + V(Iinf) + V(IVinf) + V(TSinf) + V(SCinf)) / 5, \quad (1)$$

где $V(Inf)$ — балльная оценка инфраструктурной компоненты;

$V(Tinf)$ — балльная оценка технологического оборудования;

$V(Iinf)$ — балльная оценка объектов промышленной инфраструктуры;

$V(IVinf)$ — балльная оценка инновационной инфраструктуры;

$V(TSinf)$ — балльная оценка дата-центра;

$V(SCinf)$ — балльная оценка социальной инфраструктуры.

Уровень обеспеченности финансовыми ресурсами (F) оценивается на основе частных показателей: сумме инвестиций в строительство и проектирование объектов IT-парка в расчете на одного резидента (Inv), мультипликаторе как отношении бюджетных инвестиций к частным (M). После перевода в балльные показатели оценка совокупного индикатора имеет следующий вид:

$$V(F) = (V(Inv) + V(M)) / 2, \quad (2)$$

где $V(F)$ — балльная оценка обеспеченности финансовыми ресурсами;

$V(Inv)$ — балльная оценка инвестиций в расчете на одного резидента;

$V(M)$ — балльная оценка мультипликатора.

Уровень обеспеченности человеческим капиталом (T) измеряется на основе балльной оценки показателей: уровня занятости резидентами площади IT-парка как отношения площади, занятой резидентами, к общей планируемой площади IT-парка, отношения числа работающего персонала к числу резидентов IT-парка. Показатели переведены в баллы, сводный индекс рассчитывается на основе среднего арифметического значения.

Эффективность менеджмента (Em) оценивается на основе следующих показателей: постоянства резидентов, сервисной обеспеченности резидентов, рентабельности деятельности управляющей компании. Сервисная обеспеченность определяется суммированием количества услуг, предо-

ставляемых управляющей компанией своим резидентам. Балльная оценка показателя определяется с использованием средней арифметической (для всех сводных значений далее применяется аналогичный порядок балльной оценки).

Степень институциональной поддержки (*IS*) оценивается на основе среднего значения суммы баллов показателя участия в федеральных и региональных программах поддержки и применения налоговых льгот. Степень использования инновационного потенциала (*IV*) определяется на основе наличия договоров о сотрудничестве с научными организациями, зависит от количества проведенных научных мероприятий в ИТ-парке, наличия исследовательских центров и вузов в непосредственной близости к парку.

Продуктивность экосистемы (*PS*) представляет собой оценку двух компонентов: *DA* (сводный индекс при балльной оценке объема промышленного производства и доли новых резидентов в технопарке по сравнению с предыдущим годом), *InR* (сводный индекс из оценки числа объектов интеллектуальной деятельности, числа резидентов технопарка, осуществляющих технологические, маркетинговые и организационные инновации, объема инновационных товаров, работ, услуг, выпущенных резидентами ИТ-парка).

Для обеспечения сопоставимости оценки мезо-экосистем введены следующие показатели:

R1 — социально-экономическое развитие экосистемы региона (на основе рейтинговой оценки социально-экономического положения региона);

R2 — инновационное развитие экосистемы региона (на основе регионального инновационного индекса);

R3 — цифровое развитие экосистемы региона (на основе сводной оценки использования цифровых технологий в регионе — больших данных, интернета вещей, искусственного интеллекта, цифровых платформ);

R4 — качество жизни и благосостояние (на основе рейтинга региона по качеству жизни);

R5 — образовательный потенциал региона в технической сфере (на основе рейтинга образовательного потенциала регионов в технической сфере);

R6 — инвестиционный потенциал региона (инвестиционный потенциал российских регионов).

Для итоговой оценки каждого индикатора использовалась балльная шкала [0, 100].

Представим произведенные расчеты балльной оценки индикаторов оценки ресурсной и инфраструктурной компоненты, эффективности управления и продуктивности экосистемы (рис. 1).

Рис. 1. Балльная сравнительная оценка компонентов экосистемы ИТ-парков
Scoring comparative assessment of IT park ecosystem components

На самом высоком уровне оценивается обеспечение ресурсами и инфраструктурой ИТ-парка «Полус» (г. Москва), двух ИТ-парков Республики Татарстан, технопарка «Университетский» Свердловской области. Технопарк «Полус» обеспечен инновационной инфраструктурой, дата-центром. Кроме того, наблюдается высокая концентрация акторов и заполненность резидентами площадей.

Технопарк «Идея» отличается привлечением инвестиций на развитие и высоким человеческим потенциалом. С позиции эффективности менеджмента самую высокую оценку имеет технопарк Академгородка Новосибирской области. Он отличается высоким уровнем постоянства резидентов, что свидетельствует об эффективных инструментах поддержки резидентов и благоприят-

ных условиях ведения деятельности для сохранности резидентов парка. Следует выделить, что здесь самое многочисленное количество сервисов, предоставляемых управляющей компанией своим резидентам (аренда, финансовые услуги, подбор кадров, обеспечение информационной безопасности, юридические, рекламные, образовательные и другие услуги). В результате эффективность деятельности, оцениваемая показателем рентабельности, также имеет самое высокое значение среди оцениваемых парков (0,24). Академпарк обеспечен на высоком уровне механизмами поддержки инновационной деятельности, в том числе сотрудничества с научными организациями и отличается проведением большого количества научных мероприятий. Менее эффективным менеджментом обладает ИТ-парк «Гаро» (Новгородская область) и «Greenstate» (Ленинградская область). В этих парках отмечается слабое развитие институциональных форм и отсутствие инструментов поддержки инновационного развития. Наиболее продуктивным ИТ-парком за счет высоких результатов инновационной активности является «Жигулевская долина» Самарской области. Также продуктивными ИТ-парками по оценкам специалистов выступают «Университетский» и «Идея».

Для оценки сбалансированности экосистемы ИТ-парка исследованы следующие разрывы как мера дисбалансов, возникающие при оценках структурных компонентов и характеризующиеся как внутренние экосистемные дисбалансы:

$RA1 = V(PS) - V(Inf)$ — разрыв I рода, характеризует, насколько продуктивность экосистемы опережает обеспеченность инфраструктурой или отдачу от строительства инфраструктуры;

$RA2 = V(PS) - V(Em)$ — разрыв II рода, характеризует отдачу от эффективности системы управления экосистемой для обеспечения продуктивности;

$RA3 = V(PS) - V(IFT)$ — разрыв III рода, характеризует отдачу от обеспеченности ресурсами и инфраструктурой для достижения уровня продуктивности;

$RA4 = V(DA) - V(Em)$ — разрыв IV рода, характеризует сбалансированность системы управления и деловой активности экосистемы;

$RA5 = V(DA) - V(IS)$ — разрыв V рода, характеризует сбалансированность институциональной поддержки и деловой активности экосистемы;

$RA6 = V(InR) - V(Inf)$ — разрыв VI рода, характеризует вклад инфраструктурной компоненты в инновационное развитие экосистемы;

$RA7 = V(InR) - V(DA)$ — разрыв VII рода, характеризует дисбалансы между уровнем предпринимательской и инновационной активности;

$RA8 = V(InR) - V(IV)$ — разрыв VIII рода, характеризует дисбалансы между уровнем инновационной активности и степенью использования инновационного потенциала.

Разрывы между уровнем развития региональной экосистемы и экосистемы ИТ-парка:

$RA9 = V(R1) - V(DA)$ — разрыв IX рода, характеризует различие между уровнем социально-экономического развития региона и деловой активностью экосистемы;

$RA10 = V(R1) - V(Em)$ — разрыв X рода, характеризует различие между социально-экономическим развитием региона и эффективностью системы управления экосистемой;

$RA11 = V(R2) - V(InR)$ — разрыв XI рода, характеризует различие между инновационным развитием региона и экосистемой ИТ-парка;

$RA12 = V(R2) - V(InR)$ — разрыв XII рода, характеризует различие инновационным развитием региона и степенью использования инновационного потенциала;

$RA13 = V(R3) - V(InR)$ — разрыв XIII рода, характеризует различие между уровнем цифрового развития региональной экосистемы и продуктивностью экосистемы ИТ-парка;

$RA14 = V(R3) - V(IFT)$ — разрыв XIV рода, характеризует различие между уровнем цифрового развития региональной экосистемы и сформированностью ресурсной и инфраструктурной базы ИТ-парка;

$RA15 = V(R3) - V(IFT)$ — разрыв XV рода, характеризует различие между уровнем цифрового развития региональной экосистемы и эффективностью системы управления;

$RA16 = V(R4) - V(Inf)$ — разрыв XVI рода, характеризует различие между уровнем качества жизни и благосостоянием населения, а также обеспеченностью инфраструктурой;

$RA17 = V(R4) - V(PS)$ — разрыв XVII рода, характеризует различие между уровнем качества жизни и благосостоянием населения, а также продуктивностью экосистемы;

$RA18 = V(R5) - V(T)$ — разрыв XVIII рода, характеризует различие между образовательным потенциалом региона и обеспеченностью экосистемы человеческими ресурсами;

$RA19 = V(R6) - V(F)$ — разрыв XIX рода, характеризует различие между инвестиционным потенциалом и уровнем обеспеченности финансовыми ресурсами.

Сбалансированной экосистемой признается та экосистема, у которой величина разрыва стремится к нулевому значению. Представим первые пять родов оцененных разрывов, образованных внутри экосистемы (рис. 2 и 3).

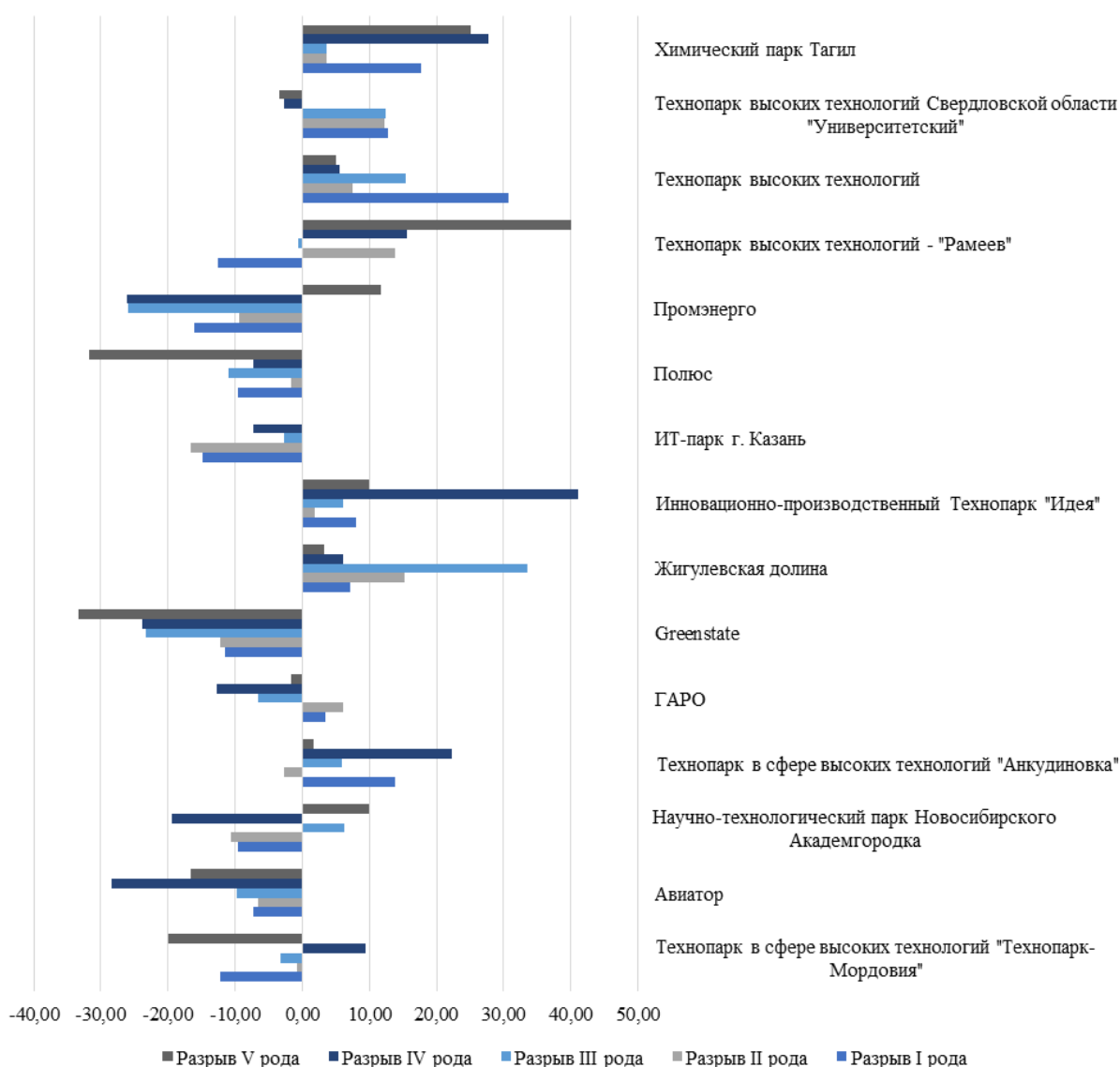

Рис. 2. Оценка внутриэкосистемных разрывов IT-парков (RA1—RA5)
Assessment of intra-ecosystem gaps of IT-parks (RA1—RA5)

Наибольшее количество значимых по величине отрицательных разрывов отмечается между уровнем деловой активности и системой менеджмента, а также формами институциональной поддержки. Самые высокие дисбалансы развития наблюдаются у IT-парка «Greenstate» (высокие разрывы III, IV, V рода). Это означает, что вложенные ресурсы и сформированная инфраструктура не приносят экономической отдачу, а система менеджмента и взаимосвязи с институтами не оказывают влияния на рост деловой активности. Ряд отрицательных дисбалансов проявляется в качестве негативного эффекта у IT-парка «Авиатор» и химпарка «Тагил». На неэффективное использование ресурсов и инфраструктуры указывает уровень III разрыва у парка «ПромЭнерго».

Сбалансированными экосистемами следует признать «Жигулевскую долину», технопарк «Идея» и технопарк высоких технологий Ханты-Мансийского округа — Югры. Разрыв V рода для IT-парков является весьма существенным, проявляется в низкой отдаче институциональных форм поддержки для обеспечения роста производства и притока новых резидентов. Высокий дисбаланс между институциональной подсистемой и обеспечением деловой активности парка также наблюдается у технопарка Мордовии, технопарка «Полюс» (Москва).

Представим расчеты разрывов VI—VIII рода (рис. 3).

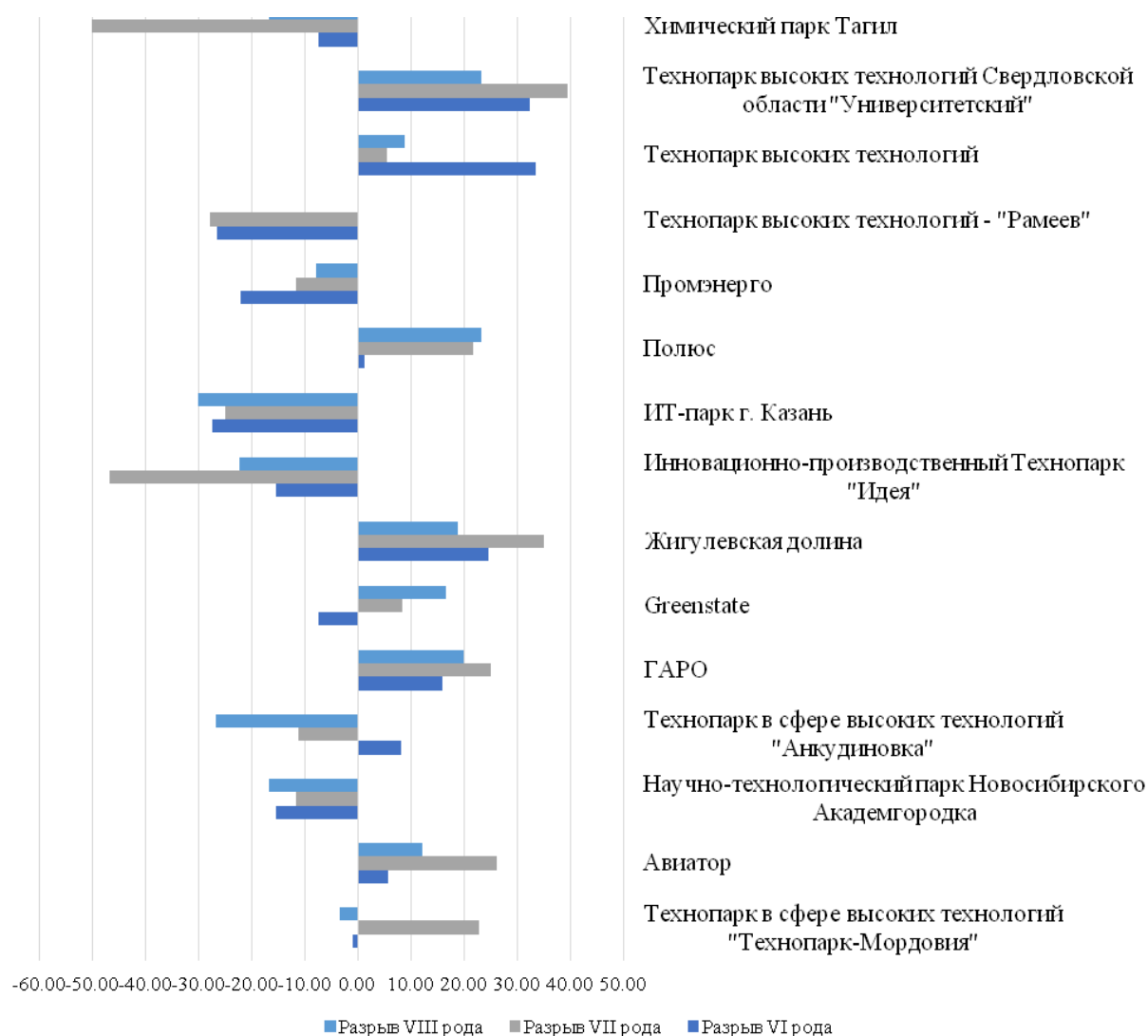

Рис. 3. Оценка внутриэкосистемных разрывов IT-парков (RA6—RA8)
Assessment of intra-ecosystem gaps of IT parks (RA6—RA8)

Разрывы описывают причины неэффективности инновационной деятельности, отрицательное значение отражает низкий уровень инновационной отдачи при достаточном наличии использованных ресурсов. Больше всего отрицательных разрывов отмечается по VI индикатору, характеризующему опережающее развитие инфраструктуры IT-парка по сравнению с развитием инновационной активности. Такие дисбалансы характерны для Академпарка Новосибирской области, ИТ-парка г. Казани, «ПромЭнерго», технопарка «Рамеев». Разрыв VII рода показывает различие между деловой и инновационной активностью парка. Следует отметить, что если рост производства и новых резидентов наблюдается в краткосрочном периоде, то рост инноваций происходит

в долгосрочном периоде и при обеспечении инновационной инфраструктуры. По данному индикатору самые высокие дисбалансы у технопарков «Идея», «Рамеев», химпарка «Тагил». Разрыв VIII рода демонстрирует упущенные возможности, т. е. при наличии достаточного инновационного потенциала экосистема не выпускает инновационную продукцию в том объеме, который позволяет поднять уровень развития инфраструктурных и институциональных механизмов. К таким IT-паркам следует отнести «Анжундиновку», Академпарк, «Идею», ИТ-парк г. Казани.

На схемах показана оценка разрывов, характеризующих дисбаланс между развитием экосистемы и вкладом в развитие региона (рис. 4 и 5).

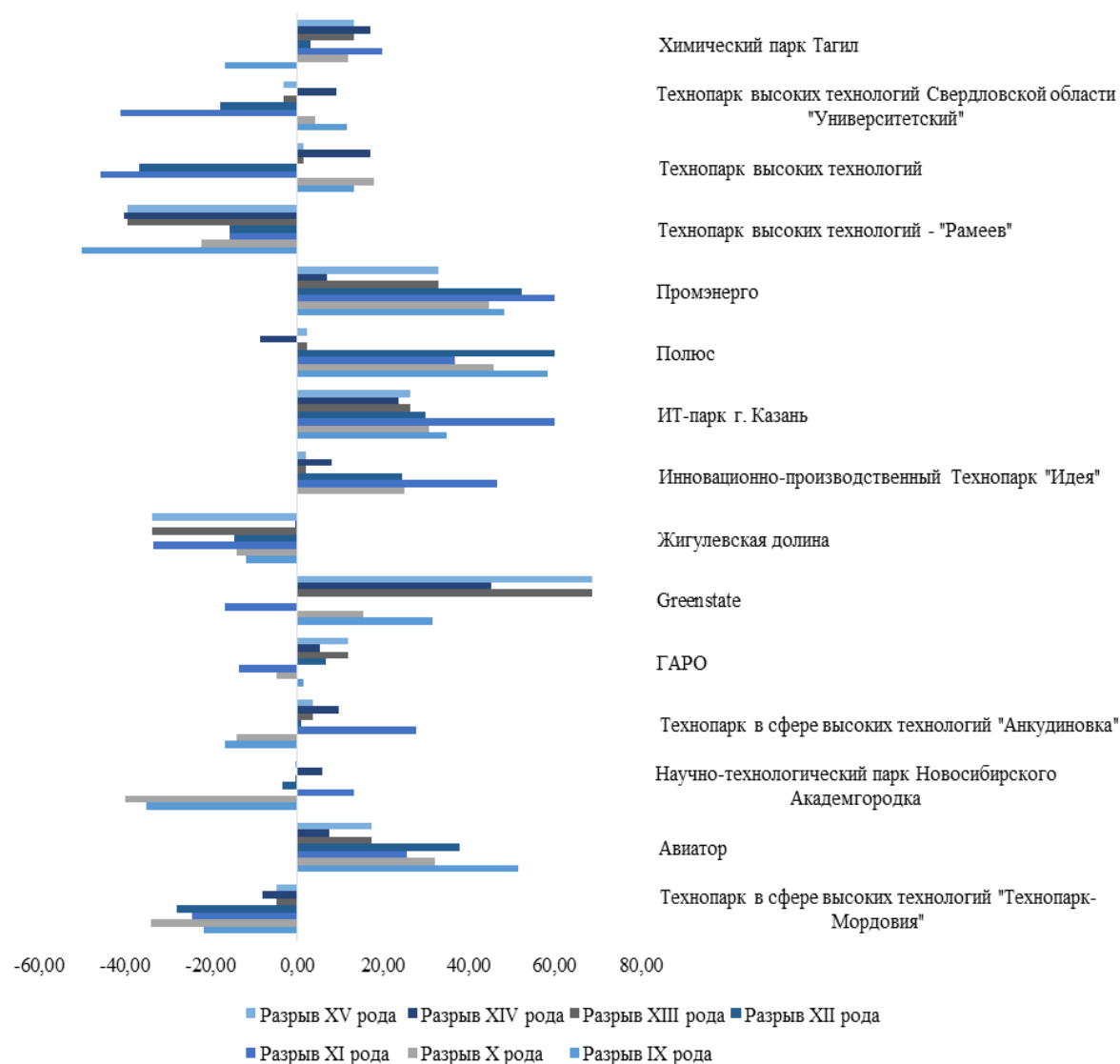

Рис. 4. Оценка разрывов экосистемы ИТ-парков с развитием внешней мезоэкосистемы (R49—R15)
Assessment of IT-parks ecosystem gaps with respect to external meso-ecosystem development (R49—R15)

Данные рис. 4 показывают, что ряд регионов получает эффект от функционирования ИТ-парка. Самое большое число отрицательных разрывов наблюдается по индикатору R411, что характеризует наличие инновационного развития ИТ-парка и их низкий вклад в инновационное развитие региона. Дисбаланс наблюдается в Республике Мордовия, Самарской области, Ханты-Мансийском округе — Югре, Пензенской, Свердловской областях. Это говорит о наличии большого потенциала для применения технологий и инноваций в целях роста инновационного развития региона. При этом положительный высокий разрыв говорит о наличии в регионе более эффективных инструментов роста инноваций, кроме ИТ-парков. Например, в Татарстане, Нижегородской области, Москве в целом и по другим разрывам отмечается положительная тенденция, свидетельствующая об опережающем развитии региона по сравнению с экосистемой ИТ-парка.

Разрыв IX рода показывает недостаточный эффект производительности ИТ-парка для социаль-

но-экономического развития региона. Дисбалансы проявляются в Новосибирской и Пензенской областях. Разрывы XIII—XV характеризуют вклад ИТ-парка в цифровое развитие региона. В Самарской области на уровне региона представлены более высокие темпы цифровизации по сравнению с парком. Технопарк «Жигулевская долина» достаточно масштабен и эффективен, что отражается в более высоком росте цифрового развития экономики и применения цифровых технологий предприятиями региона. Технопарк «Рамеев» Пензенской области имеет высокий отрицательный разрыв и низкую отдачу в уровне цифровизации по сравнению с регионом, что говорит об эффективности иных инструментов цифрового развития региона. Более сбалансированы внутренние и внешние экосистемы в Новосибирской, Нижегородской области, Республике Татарстан.

Представим результаты измерения разрывов XVI—XIX рода (рис. 5).

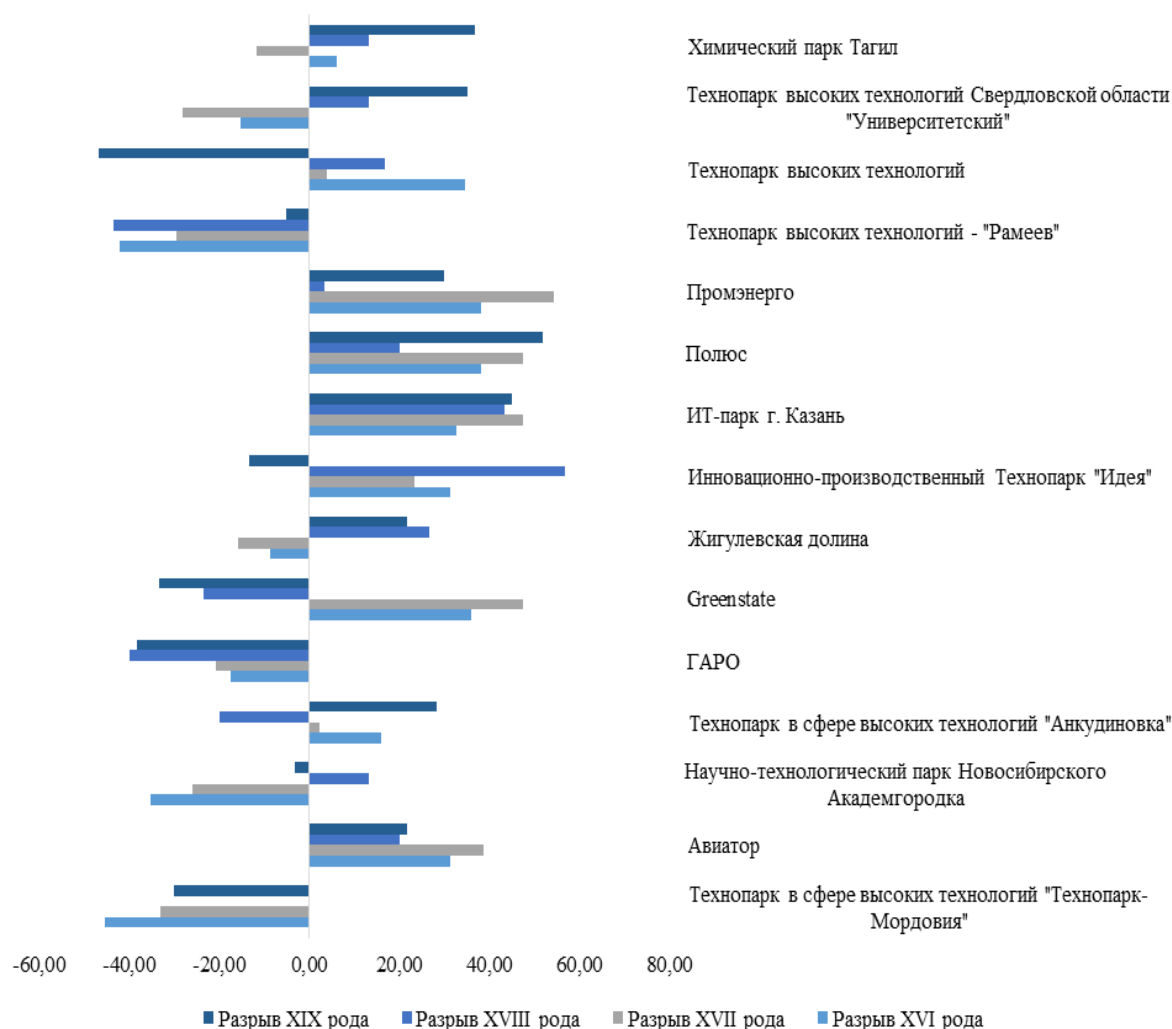

Рис. 5. Оценка разрывов экосистемы IT-парков с развитием внешней мезоэкосистемы (RA16—RA19)
Assessment of IT park ecosystem gaps with respect to external meso-ecosystem development (RA16—RA19)

Оценка разрывов четвертой группы характеризует дисбалансы в ресурсном обеспечении и влиянии IT-парка на качество и благосостояние населения региона. Такие регионы, как Самарская область, Республика Татарстан, г. Москва, более обеспечены ресурсами по сравнению с экосистемой парка. Соответственно, в регионах демонстрируются более высокие показатели качества по сравнению с уровнем продуктивности экоси-

стемы IT-парка и обеспеченностью инвестициями. При этом положительный дисбаланс можно стратегически использовать для повышения уровня обеспеченности высококвалифицированными кадрами и инвестициями для развития IT-парка.

На основе оценки дисбалансов предлагаются меры по сглаживанию диспропорций (таблица).

Меры по реализации стратегии сбалансированного развития экосистемы IT-парка
Measures to implement the strategy for the balanced development of the IT park ecosystem

Меры поддержки	Устранение разрывов	Название IT-парка
Обеспечение инновационного роста экосистемы и трансфер инноваций в регион	RA6, RA7, RA8, RA11, RA12	Академгородок Новосибирской области, технопарк «Идея» (Татарстан), ИТ-парк Казань (Татарстан), технопарк «Рамеев» (Пензенская область), технопарк «Мордовия», технопарк «Университетский» (Свердловская область), химпарк «Тагил» (Свердловская область)
Расширение экосистемы и рост продуктивности	RA4, RA5	«Авиатор» (Татарстан), «Greenstate» (Ленинградская область)
Повышение эффективности менеджмента	RA2, RA4, RA10	«Авиатор» (Татарстан), «Greenstate» (Ленинградская область), «Промэнерго» (Татарстан),
Обеспечение институциональной поддержки	RA5	«Greenstate» (Ленинградская область), «Авиатор» (Татарстан), «Полюс» (г. Москва), Технопарк (Мордовия)

Меры поддержки	Устранение разрывов	Название IT-парка
Поддержка рыночного спроса и позиционирование IT-парка во внешней среде	RA9, RA17, RA11, RA13	технопарк «Мордовия», «Жигулевская долина» (Самарская область), технопарк «Рамеев» (Пензенская область), «Университетский» (Свердловская область), Академгородок Новосибирской области
Повышение эффективности экосистемы за счет использования ресурсного потенциала региона	RA18, RA19	технопарк «Мордовия», технопарк «Анкудиновка» (Нижегородская область), «Гаро» (Новгородская область), «Greenstate» (Ленинградская область), Технопарк высоких технологий (ХМАО — Югра)

Заключение

В структуре технопарков, осуществляющих свою деятельность в области высоких технологий, можно выделить IT-парки как региональные предпринимательские экосистемы, обладающие свойствами коэволюции, кооперации, эмерджентности и отвечающие другим признакам экосистем.

IT-парки в качестве экосистем, оказывающих существенное влияние на цифровизацию экономики регионов, нуждаются в сбалансированном развитии, для измерения которого предлагается авторская методика, опирающаяся на показатели ресурсного, финансового, трудового потенциала, качества менеджмента и эффективности деятельности экосистем. Дисбаланс выявляется при измерении разрывов в сбалансированности состоя-

ния экосистем IT-парков по перечню из 19 показателей. Выявленный дисбаланс позволяет адресно сформулировать направления стратегического управления в регионе, нацеленные на реализацию потенциала IT-парков и ликвидацию разрывов в его экосистемах. В результате будет оказано положительное воздействие на показатели социально-экономического развития регионов и достигнут синергетический эффект от функционирования региональных предпринимательских экосистем.

Дальнейшие исследования могут быть осуществлены в направлении определения оптимальной структуры IT-парка и механизма его взаимодействия с акторами и субститутами региональных предпринимательских экосистем в зависимости от особенностей территорий.

Список источников

1. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56425-2021 «Технопарки. Требования» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 сентября 2021 г. № 906-ст). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180778> (дата обращения: 04.07.2024).
2. Spilling O. R. The entrepreneurial system: On entrepreneurship in the context of a mega event // Journal of Business Research. 1996. No. 1. P. 91—103.
3. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40—45.
4. Овчинникова А. В., Зимин С. Д. Рождение концепции предпринимательских экосистем и ее эволюция // Экономика, предпринимательство и право. 2021. № 11 (6). С. 1497—1514. DOI: 10.18334/epp.11.6.112307
5. Третьякова Е. А., Фрейман Е. Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 6—20.
6. Ерыгин Ю. В., Еремеев Д. В., Шапорова З. Е. Технологический парк: содержание понятия и концепция формирования // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 3 (25). С. 56—70. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-56-70
7. Шкарунета Е. В. Киберфизическое развитие технополисов в условиях цифровизации и интеллектуализации промышленности // Экономика промышленности. 2023. № 16 (4). С. 381—397. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-4-1244>
8. Интеграция логистического сервиса управляющей компании и стратегии создания промышленного технопарка / А. В. Минаев, Н. М. Комаров, Н. Г. Томашевская, М. А. Мельникова // Вестник евразийской науки. 2022. № 14 (2). URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN222.pdf> (дата обращения: 04.07.2024).
9. Носонов А. М. Технопарки России: особенности развития, территориальная дифференциация и эффективность // Географическая среда и живые системы. 2020. № 4. С. 70—86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnoparki-rossii-osobennosti-razvitiya-territorialnaya-differentsiatsiya-i-effektivnost> (дата обращения: 04.07.2024).
10. Кочиева А. К., Лысак Л. В. Активизация деятельности технопарков как фактор инновационного развития экономики регионов // Финансы и кредит. 2019. № 25 (11). С. 2625 — 2642. <https://doi.org/10.24891/fo.25.11.2625>
11. Миронов Д. С. Индустриальные парки как результат эволюции форм производственной организации // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 2. DOI: 10.25136/2409-8647.2020.2.32718. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32718
12. Чжаньхао Л. Ключевые показатели оценки уровня развития технопарка как национальной инновационной системы Китая // МНИЖ. 2022. № 6—5 (120). С. 133—136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-pokazateli-otsenki-urovnya-razvitiya-tehnoparka-kak-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemy-kitaya> (дата обращения: 04.07.2024).
13. Аликаева М. В., Асланова Л. О., Шинахов А. А. Теории социально-экономических систем: закономерности и тенденции развития // Вестник ВГУИТ. 2020. № 3 (85). С. 284—288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-sotsialno-ekonomicheskikh-ekosistem-zakonomernosti-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 04.07.2024).

14. Корчагина И. В., Сычёва-Передеро О. В. Эффективность формирования инновационной экосистемы как элемента стратегического развития территории // Управление. 2019. № 4. С. 44—53.
15. Глинский В. В., Серга Л. К. Об измерении результатов деятельности цифровой экономики на региональном уровне // Вестник НГУЭУ. 2022. № 4. С. 219—233. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-4-219-233
16. Минаков А. В. Проблемы сбалансированного социально-экономического развития регионов России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3. С. 420—427. DOI: 10.17513/vaael.3365
17. Голубцова О. А., Темникова Н. В., Попов М. И. Сущность и эволюция подходов к устойчивому сбалансированному развитию региона // Вестник Луганского государственного университета им. Владимира Даля. 2023. № 4 (70). С. 40—44.
18. Сбалансированное развитие территории: подходы к определению и оценке / Л. А. Гамидуллаева, Е. С. Грошева, О. А. Белоградова, Д. Н. Шевченко // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 3. С. 25—41. DOI: 10.21685/2227-8486-2022-3-2
19. Вертакова Ю. В., Логинов И. С. Сбалансированное развитие региона: обзор по методологии scoring review // п-Есопому. 2024. № 17 (2). С. 44—66. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.17203>
20. Губанов Е. В. Исследование феномена поликонцептуальности термина «сбалансированность» в региональной экономике // Вестник ГГУ. 2023. № 2. С. 327—336.
21. Маликов Р. И., Гришин К. Е., Шайхутдинова Г. Ф. Формирование контуров управления продуктивностью региональных предпринимательских экосистем // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-konturov-upravleniya-produktivnostyu-regionalnyh-predprinimatelskih-ekosistem> (дата обращения: 04.07.2024).
22. Об экономических границах экосистем бизнеса / Л. Ф. Сухова, О. А. Миргородская, И. Б. Боцун, А. В. Зацарина // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2019. № 1 (49). С. 15.
23. Оборин М. С. Перспективные направления развития технопарков в регионах России // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 5. С. 103—111. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10509
24. Боговин В. В., Видищева Е. В. Совместная деятельность бизнеса, власти и вузов региона по коммерциализации инноваций на основе кластерной политики // Sochi Journal of Economy. 2019. Т. 13 (2). С. 119—125.
25. Альбеков А. В., Куринова Я. И. Вопросы построения предпринимательской экосистемы региона // Финансовые исследования. 2021. № 4 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-postroeniya-predprinimatelskoj-ekosistemy-regiona> (дата обращения: 04.07.2024).
26. Родин Д. Я., Зиниша О. С., Иваненко И. Н. Формирование и продвижение цифровых инноваций предпринимательских экосистем пространственного развития территорий // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 40 (2). С. 235—242.
27. Технопарки России — 2023 : ежегодный бизнес-навигатор / А. А. Ахматов, В. П. Жеребцов, Е. И. Кравченко, М. С. Серёгин, А. Ц. Чумашкаев, И. А. Шпиленко ; Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России : АКИТ РФ, 2023. 96 с. URL: <https://akitrf.ru/technoparks/rejting/> (дата обращения: 04.07.2024).
28. Leendertse J., Schrijvers M., Stam E. Measure Twice, Cut Once: Entrepreneurial Ecosystem Metrics // Research Policy. 2022. No. 51 (9). 104336. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104336>

References

1. *Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii GOST R 56425-2021 «Tekhnoparki. Trebovaniya»* (utv. i vveden v deystvie prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskemu regulirovaniyu i metrologii ot 1 septembra 2021 g. no. 906-st) [National Standard of the Russian Federation all-Union State Standard R 56425-2021 «Technoparks. Requirements» (approved and enacted by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated September 1, 2021 no. 906-st)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200180778> (accessed: 04.07.2024).
2. Spilling O.R. The Entrepreneurial System: On Entrepreneurship in the Context of a Mega Event, *Journal of Business Research*, 1996, no. 1, pp. 91—103.
3. Kleyner G.B. Ekonomika ekosistem: shag v budushchee [Ecosystem Economy: Step into the Future], *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia], 2019, no. 1 (59), pp. 40—45.
4. Ovchinnikova A.V., Zimin S.D. Rozhdenie kontseptsii predprinimatel'skikh ekosistem i ee evolyutsiya [The Birth of the Concept of Entrepreneurial Ecosystems and Its Evolution], *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 2021, no. 11 (6), pp. 1497—1514. DOI: 10.18334/epp.11.6.112307
5. Tret'yakova E.A., Freyman E.N. Ekosistemnyy podkhod v sovremennykh ekonomicheskikh issledovaniyakh [Ecosystem Approach in Modern Economic Research], *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2022, no. 1, pp. 6—20.
6. Erygin Yu.V., Ereemeev D.V., Shaporova Z.E. Tekhnologicheskii park: sodержanie, ponyatiya i kontseptsiya formirovaniya [Technological Park: Notion Content and Formation Concept], *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal* [The Social and economic and humanitarian magazine], 2022, no. 3 (25), pp. 56—70. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-56-70
7. Shkarupeta E.V. Kiberfizicheskoe razvitie tekhnopolisov v usloviyakh tsifrovizatsii i intellektualizatsii promyshlennosti [Cyberphysical Development of Technopolises Under Conditions of Digitalisation and Intelligentisation of Industry], *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2023, no. 16 (4), pp. 381—397. Available at: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-4-1244>
8. Minaev A.V., Komarov N.M., Tomashevskaya N.G., Mel'nikova M.A. Integratsiya logisticheskogo servisa upravlyayushchey kompanii i strategii sozdaniya promyshlennogo tekhnoparka [Integration of the Logistics Service of the Management Company and the Strategy of Creating an Industrial Technopark], *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2022, no. 14 (2). Available at: <https://esj.today/PDF/54ECVN222.pdf> (accessed: 04.07.2024).
9. Nosonov A.M. Tekhnoparki Rossii: osobennosti razvitiya, territorial'naya differentsiatsiya i effektivnost' [Technoparks of Russia: Features of Development, Territorial Differentiation and Efficiency], *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* [Geographical Environment and Living Systems], 2020, no. 4, pp. 70—86. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnoparki-rossii-osobennosti-razvitiya-territorialnaya-differentsiatsiya-i-effektivnost> (accessed: 04.07.2024).

10. Kochieva A.K., Lysak L.V. Aktivizatsiya deyatel'nosti tekhnoparkov kak faktor innovatsionnogo razvitiya ekonomiki regionov [Intensification of Industrial Parks as a Factor of Regional Economy's Innovative Development], *Finansy i kredit* [Finance & Credit], 2019, no. 25 (11), pp. 2625–2642. <https://doi.org/10.24891/fc.25.11.2625>
11. Mironov D.S. Industrial'nye parki kak rezul'tat evolyutsii form proizvodstvennoy organizatsii [Industrial Parks as a Result of Evolution of the Forms of Industrial Organization], *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and Applied Economics], 2020, no. 2. DOI: 10.25136/2409-8647.2020.2.32718. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32718
12. Chzhan'khao L. Klyucheve pokazateli otsenki urovnya razvitiya tekhnoparka kak natsional'noy innovatsionnoy sistemy Kitaya [Key Indicators for Assessing the Level of Technopark Development as a National Innovation System of China], *MNIZh* [International Research Journal], 2022, no. 6–5 (120), pp. 133–136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheve-pokazateli-otsenki-urovnya-razvitiya-tehnoparka-kak-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemy-kitaya> (accessed: 04.07.2024).
13. Alikaeva M.V., Aslanova L.O., Shinakhov A.A. Teorii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: zakonomernosti i tendentsii razvitiya [Theories of Socio-Economic Systems: Regularities and Development Trends], *Vestnik VGUIT* [Theories of Socio-Economic Systems: Regularities and Development Trends], 2020, no. 3 (85), pp. 284–288. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-sotsialno-ekonomicheskikh-ekosistem-zakonomernosti-i-tendentsii-razvitiya> (accessed: 04.07.2024).
14. Korchagina I.V., Sycheva-Peredero O.V. Effektivnost' formirovaniya innovatsionnoy ekosistemy kak elementa strategicheskogo razvitiya territorii [The Effectiveness of an Innovation Ecosystem Formation as Territory Strategic Development Element], *Upravlenie* [Management], 2019, no. 4, pp. 44–53.
15. Glinskiy V.V., Serga L.K. Ob izmerenii rezul'tatov deyatel'nosti tsifrovoy ekonomiki na regional'nom urovne [On Measurement of the Results of the Activities of Digital Economy at the Regional Level], *Vestnik NGUEU* [NSUEM Bulletin], 2022, no. 4, pp. 219–233. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-4-219-233
16. Minakov A.V. Problemy sbalansirovannogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Problems of Balanced Socio-Economic Development of the Regions of Russia], *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2024, no. 3, pp. 420–427. DOI: 10.17513/vael.3365
17. Golubtsova O.A., Temnikova N.V., Popov M.I. Sushchnost' i evolyutsiya podkhodov k ustoychivomu sbalansirovanomu razvitiyu regiona [The Essence and Evolution of Approaches to Sustainable Balanced Development of the Region], *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta im. Vladimira Dalya* [Bulletin of Volodymyr Dahl Lugansk State University], 2023, no. 4 (70), pp. 40–44.
18. Gamidullaeva L.A., Grosheva E.S., Belogradova O.A., Shevchenko D.N. Sbalansirovannoe razvitie territorii: podkhody k opredeleniyu i otsenke [Balanced Development of the Territory: Approaches to Determination and Assessment], *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, systems, networks in economics, technology, nature and society], 2022, no. 3, pp. 25–41. DOI: 10.21685/2227-8486-2022-3-2
19. Vertakova Yu.V., Loginov I.S. Sbalansirovannoe razvitie regiona: obzor po metodologii scoping review [Balanced Regional Development: Scoping Review Methodology], *π-Economy* [π-Economy], 2024, no. 17 (2), pp. 44–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.17203>
20. Gubanov E.V. Issledovanie fenomena polikontseptual'nosti termina «sbalansirovannost'» v regional'noy ekonomike [Investigation of the Phenomenon of the Polyconceptual Term "Balance" in the Regional Economy], *Vestnik GGU* [Vestnik GGU], 2023, no. 2, pp. 327–336.
21. Malikov R.I., Grishin K.E., Shaykhutdinova G.F. Formirovanie konturov upravleniya produktivnost'yu regional'nykh predprinimatel'skikh ekosistem [Shaping the Performance Management of Regional Business Ecosystems], *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy], 2022, no. 1 (39). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-konturov-upravleniya-produktivnostyu-regionalnyh-predprinimatel'skikh-ekosistem> (accessed: 04.07.2024).
22. Sukhova L.F., Mirgorodskaya O.A., Botsyun I.B., Zatsarinina A.V. Ob ekonomicheskikh granitsakh ekosistem biznesa [On the Economic Boundaries of Business Ecosystems], *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza (Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaystvom). Ekonomicheskije nauki* [Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus], 2019, no. 1 (49), p. 15.
23. Oborin M.S. Perspektivnye napravleniya razvitiya tekhnoparkov v regionakh Rossii [The Key Development Areas for Technoparks in the Russian Regions], *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad], 2020, vol. 14, no. 5, pp. 103–111. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10509
24. Bogovin V.V., Vidishcheva E.V. Sovmestnaya deyatel'nost' biznesa, vlasti i vuzov regiona po kommersializatsii innovatsiy na osnove klasternoy politiki [Joint Activities of Industry, Government and Universities of the Region on the Commercialization of Innovations Based on Cluster Policy], *Sochi Journal of Economy*, 2019, vol. 13 (2), pp. 119–125.
25. Al'bekov A.U., Kurinova Ya.I. Voprosy postroeniya predprinimatel'skoy ekosistemy regiona [Issues of Building an Entrepreneurial Ecosystem in the Region], *Finansovye issledovaniya* [Financial Research], 2021, no. 4 (73). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-postroeniya-predprinimatel'skoy-ekosistemy-regiona> (accessed: 04.07.2024).
26. Rodin D.Ya., Zinisha O.S., Ivanenko I.N. Formirovanie i prodvizhenie tsifrovyykh innovatsiy predprinimatel'skikh ekosistem prostranstvennogo razvitiya territoriy [Formation and Promotion of Digital Innovations of Entrepreneurial Ecosystems for Spatial Development of Territories], *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], 2022, no. 40 (2), pp. 235–242.
27. Akhmatov A.A., Zherebtsov V.P., Kravchenko E.I., Seregin M.S., Chumashkaev A.Ts., Shpilenko I.A. Tekhnoparki Rossii – 2023: ezhegodnyy biznes-navigator [Technoparks of Russia - 2023: Annual Business Navigator], *Assotsiatsiya klasterov, tekhnoparkov i O EZ Rossii: AKIT RF* [Association of Clusters, Technoparks and SEZs of Russia: ACT of the Russian Federation], 2023. 96 p. Available at: <https://akitrf.ru/technoparks/rejting/> (accessed: 04.07.2024).
28. Leendertse J., Schrijvers M., Stam E. Measure Twice, Cut Once: Entrepreneurial Ecosystem Metrics, *Research Policy*, 2022, no. 51 (9). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104336> (accessed: 04.07.2024).

Информация об авторах

Якимова Вилена Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, руководитель лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: vilena_yakimova@mail.ru

Панкова Светлана Валентиновна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, ведущий научный сотрудник, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: panksv@mail.ru

Хмура Сергей Валерьевич — аспирант, младший научный сотрудник лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: sergey.khmura@gmail.com

Information about the authors

Vilena A. Yakimova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Head of the Regional Entrepreneurial Ecosystems in the Digital Environment Research Lab, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: vilena_yakimova@mail.ru

Svetlana V. Pankova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Accounting, Analysis and Audit Department, Orenburg State University, Orenburg, Leading Researcher, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: panksv@mail.ru

Sergey V. Khmura — PhD student, Junior Researcher of the Regional Entrepreneurial Ecosystems in the Digital Environment Research Lab, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: sergey.khmura@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 29.09.2024; принята к публикации 30.10.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 29.09.2024; accepted for publication 30.10.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетян Юрий Рачикович — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель правления межрегиональной общественной организации малого и среднего предпринимательства «Новая формация», Москва, Российская Федерация. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Баталова Юлия Владимировна — кандидат политических наук, доцент, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: 3j@mail.ru

Бурматова Ольга Петровна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: burmatova.op@yandex.ru

Галазова Марина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и налогообложения, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Российская Федерация. E-mail: galazovam@mail.ru

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Кислая Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности, Луганский государственный университет им. Владимира Даля, Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация. E-mail: sauertat2021@mail.ru

Коломак Евгения Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ekolomak@academ.org

Лебедева Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой управления бизнес-технологиями, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: aslebedeva11@gmail.com

Мещанин Михаил Дмитриевич — магистрант, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Российская Федерация. E-mail: mikhmeshch@gmail.com

Панкова Светлана Валентиновна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, ведущий научный сотрудник, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: panksv@mail.ru

Ураев Николай Николаевич — доктор экономических наук, руководитель, Акционерное общество «ОКБ КП», Москва, Российская Федерация. E-mail: ggr@okbkr.ru

Хмура Сергей Валерьевич — аспирант, младший научный сотрудник лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: sergey.khmura@gmail.com

Якимова Вилена Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, руководитель лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация. E-mail: vilena_yakimova@mail.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Yuriy R. Ayrapetyan — PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board of the interregional public organization of small and medium-sized enterprises «New Formation», Moscow, Russian Federation. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Yulia V. Batalova — Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of the Dissertation Defense Organization Department of Postgraduate and Doctoral Studies Directorate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: 3j@mail.ru

Olga P. Burmatova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: burmatova.op@yandex.ru

Marina V. Galazova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance, Accounting and Taxation, K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation. E-mail: galazovam@mail.ru

Svetlana V. Doroshenko — Doctor of Economic Sciences, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: doroshenkos@mail.ru

Tatiana N. Kislaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management and Economic Security, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation. E-mail: sauertat2021@mail.ru

Evgeniya A. Kolomak — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ekolomak@academ.org

Anna S. Lebedeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Business Technology Management, St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: aslebedeva11@gmail.com

Mikhail D. Meshchanin — Master's student, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation. E-mail: mikhmeshch@gmail.com

Svetlana V. Pankova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Accounting, Analysis and Audit Department, Orenburg State University, Orenburg, Leading Researcher, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: panksv@mail.ru

Nikolay N. Uraev — Doctor of Economic Sciences, Head, Joint Stock Company «SDBCI», Moscow, Russian Federation. E-mail: ggr@okbkr.ru

Sergey V. Khmura — PhD student, Junior Researcher of the Regional Entrepreneurial Ecosystems in the Digital Environment Research Lab, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: sergey.khmura@gmail.com

Vilena A. Yakimova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Head of the Regional Entrepreneurial Ecosystems in the Digital Environment Research Lab, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: vilena_yakimova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статьи не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат).

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклонения выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоре-

чий между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники оста-

ются без изменений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после* ссылки на них.

Формулы. Простые внутристроочные и одностроочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многостроочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц*.

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливают посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысляя свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.

23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конеv Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T. L., Whalen P. T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser]. Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavec L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. *Territory Development*. 2021;(4):79—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.